

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани 8 (4912) 996797

т. 8 961 130 67 97

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

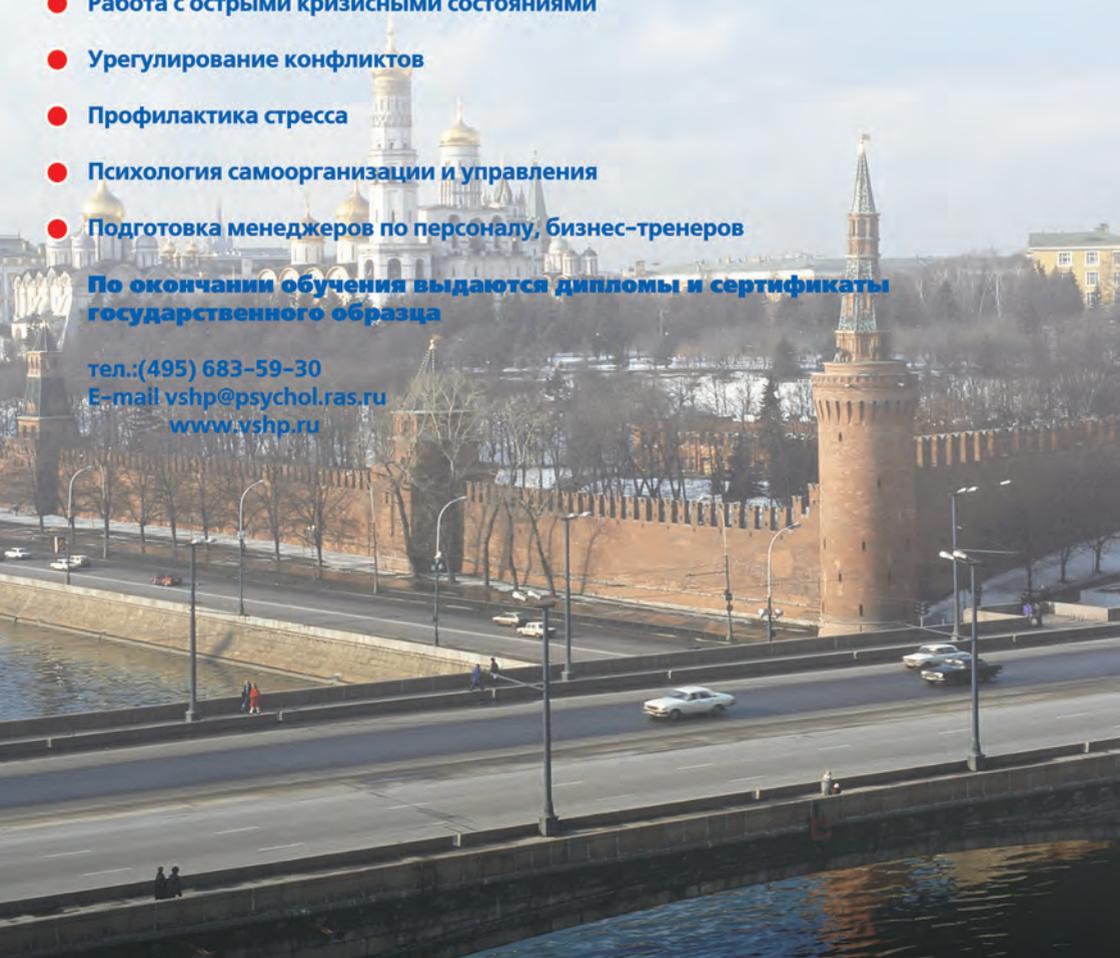
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vsnp.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел науки –

И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел писем –

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Отдел международных связей –

Л. Б. Юшкова,
кандидат психологических наук,
доцент

Ответственный секретарь –

В. С. Маланьин

Технический редактор –

Т. В. Пивоварова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

О. В. Старикова,
кандидат психологических наук

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

ТЕМА НОМЕРА:

личность и индивидуальность в юридической психологии

начала индивидуальности личности

криминальная деструктивность личности: лже- индивидуальность

гармония индивидуальности личности

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Заключительный номер уходящего 2012 года посвящен проблемам изучения личности и индивидуальности в юридической психологии. Специфика постановки этой проблемы в рамках этой об-

ласти психологического знания интересна тем, что личность и в особенности индивидуальность человека с общетеоретических психологических позиций предполагает в первую очередь индивидуальное своеобразие, а уже затем определенную типизацию и классификацию. Юридическая же психология ориентирована в основном на «стандартные», жестко регулируемые правовым полем проявления человеческой индивидуальности (как вершины его личности). Каковы здесь возможные проявления неповторимости, «единственности» человеческой личности? Одно из таких печальных проявлений — это криминал. Человек отказывается вести себя в соответствии с законом, как положено «для всех», и в оправдание приводит именно свое стремление быть личностью, быть особенным, быть индивидуальностью. Но это недопустимо с правовой, социальной, духовно-нравственной, религиозной... с любой точки зрения. В частности с психологической точки зрения это ведет к деструкции и деградации самой личности, во всяком случае, если рассматривать ее во всем возможном богатстве творческих проявлений. Каковы взаимосвязи жесткой правовой регуляции развития и формирования личности и индивидуальности человека и раскрытия (как можно более полного) ее личностного потенциала и своеобразия? Как учитывать эти взаимосвязи в процессе обучения, подготовки и переподготовки специалистов? Эти и близкие по смыслу вопросы неоднократно освещались авторами нашего журнала, в том числе и в уходящем году. Вынесение этой проблематики в тему номера можно считать некоторым «годовым» итогом, по крайней мере, в части постановки вопроса.

*Главный редактор,
доктор психологических наук
Д.В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

**в помощь
руководителю**

**юридическая
психология
и религия**

dura lex sed lex

Преступление и наказание от

до **71** Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии	
Война, военный синдром, социальный конфликт. Р. А. Ромашов	7
Инициативное поведение как способ обеспечения ответственности государства перед личностью. О. П. Бачмага	14
Теоретико-прикладные основы подготовки специалистов социальной сферы для уголовно-исполнительной системы: квалиметрический подход. И. И. Железкина	20
Проблема адаптации личности в отечественной психологии. Г. К. Аксенова, П. Ю. Аксенова	28
«Уровневый» подход в классификации личностей А. Ф. Лазурского и актуальные проблемы практической психологии. В. А. Урываев	36
Прикладные и экспериментальные исследования	
Субъективное качество жизни осужденных и интеллектуальная информационная среда. Т. Н. Савченко, Г. М. Головина	42
Особенности социальных представлений осужденных — бывших сотрудников правоохранительных органов о жертвах преступлений. А. В. Молоствов	50
Влияние негативных психических состояний на использование когнитивных ресурсов. И. В. Блинникова, Е. А. Денисова	65
К вопросу об актуальности изучения психодинамики личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе в УИС. К. В. Кряклин	76
Высшее образование как испытание воли. Г. П. Иванов, Е. А. Меркер, Л. Н. Митюхина	79
Построение модели будущего специалиста. Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов, Л. Н. Митюхина	84
Взаимосвязь качества жизни пациентов неврологического профиля с особенностями их личности. Г. В. Молостова	99
В помощь руководителю	
Личностные качества и их значение в управленческой деятельности руководителя органов внутренних дел. А. В. Сомов, Т. В. Мальцева	105
Педагогические условия применения информационно-коммуникационных технологий в системе дополнительного профессионального образования ФСИН России. А. П. Шелковников, В. М. Литвишков	110
Юридическая психология и религия	
Психодинамики духовности и религиозности осужденных молодежного возраста. Д. В. Сочивко	116
Характеристика когнитивной деятельности в опыте христианской психологии святителя Феофана Затворника. Н. Е. Шафажинская	126
Dura lex sed lex	
Особенности учета личности осужденного к лишению свободы в уголовно-исполнительном праве. Р. А. Филиппов	131

ВОЙНА, ВОЕННЫЙ СИНДРОМ, СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Р. А. Ромашов

Аннотация: в статье анализируются понятия конфликта, войны, военного синдрома. Автор определяет создание образа врага как условие формирования военного синдрома, рассматривая стирание этого образа в качестве условия выхода из состояния военного синдрома.

Ключевые слова: конфликт, образ врага, понятие войны, военный синдром.

Summary: this article analyzes the concept of conflict, war, war syndrome. The author defines the creation of an enemy as a condition for the formation of military syndrome, considering the erasure of the image as a condition of release from a state of war syndrome.

Keywords: conflict, an enemy, the concept of war, the military's syndrome.

Понятие конфликта

Конфликтология является социальной наукой и изучает конфликты в социальной среде. Следовательно, в качестве субъектов конфликта могут рассматриваться только люди (индивиды и коллективы), а это, в свою очередь, означает, что не являются социальными конфликтами отношения между людьми и техникой, природой, животными либо внутренними психическими противоречия (конфликт с самим собой). Конфликтом может быть только фактическое поведение. Мысли, чувства, эмоции, не получившие внешнего проявления и поведенческого оформления, не могут повлечь за собой начала конфликта и тем более не могут рассматриваться в качестве конфликта как такового. Не име-

ет смысла говорить и о конфликте интересов. Поскольку интерес не может существовать вне субъекта носителя, то и конфликт может возникнуть только между субъектами, отстаивающими в рамках конфликтного взаимодействия свои интересы.

В качестве конфликта следует рассматривать специфическое социальное (субъект-субъектное) взаимодействие, выраженное в форме открытого противоборства сторон, в рамках которого удовлетворение интересов одной из участвующих сторон (субъекта) осуществляется за счет ущемления и причинения ущерба интересам другой стороны (контрсубъекта).

Возникновение конфликта обусловлено двумя психологическими факторами:

- наличием целевой установки на приобретение предмета окружающего мира, воспринимаемого в качестве дефицитного ресурса;
- формированием образа врага и его наложением на потенциального контрсубъекта конфликтного взаимодействия.

Для того чтобы социальное отношение приобрело характер конфликта, необходимы три фактора:

- субъект осознает, что его действия направлены на причинение вреда интересам контрсубъекта, и стремится к наступлению вредоносных последствий;
- контрсубъект понимает, что действия, осуществляемые в его адрес, являются вредоносными;
- субъекты вступают в противобор-

ство, в рамках которого предпринимают усилия по реализации и защите собственных интересов за счет ущемления и причинения вреда интересам противоположной стороны.

Традиционно сложились два основных подхода к оценке конфликта в качестве формы социального взаимодействия.

В рамках первого подхода конфликт относят к числу социальных девиаций. Представители второго направления воспринимают конфликт как нормальное явление общественной жизнедеятельности. Невозможность избежать противоречий в общественных отношениях предопределяет необходимость выбора наиболее эффективных средств преодоления этих противоречий. В зависимости от обстоятельств в качестве таких средств могут выступать как конфликтные, так и консенсуальные взаимодействия.

На наш взгляд, предпочтение следует отдать второй позиции. Действительно, жизнь без противоречий и конфликтов — это утопия. В реальной жизни конфликт является неперенным фактором общественных связей и взаимодействий, требующим к себе постоянного внимания.

Понятие войны и военного синдрома. Конфликт как аналог войны

К. Клаузевиц, выдающийся немецкий военный теоретик, определив, что война «есть продолжение политики другими средствами», тем самым свел искусство войны к положению одного из орудий политики, которое все более начинало оцениваться как специфическая технология уничтожения и разрушения. Особенно явно объективная природа

войны проявилась в XIX–XX столетиях. Прогресс в области военной техники и технологий военных действий привел к тому, что война трансформировалась в безликий механический процесс, где героика поведения единиц поглощалась и нивелировалась безликими и в силу этого еще более ужасными буднями противостояния миллионных армий [1].

В современном понимании война представляет собой средство и одновременно технологический процесс уничтожения людей и разрушения материальных ценностей, используемые как государствами и межгосударственными коалициями, так и отдельными корпорациями (терроризм) для достижения глобальных и локальных целей.

Война — это вид и форма социального конфликта. При этом, как и в любом другом конфликте, для войны характерны два фактора: наличие дефицита ресурса (на овладение которым война, собственно говоря, и направлена), а также формирование образа врага в отношении реального (либо потенциального) противника.

В психологическом аспекте восприятие войны носит двойственный характер. Для тех, кто находится вне сферы военных действий, война представляет собой антипод мира как состояния невойны. В свою очередь, для воюющих сторон и мирных граждан, находящихся в сфере военных действий, война — это мир реальной жизни, в котором складываются и действуют определенные правила поведения — законы войны, предполагающие четкую дифференциацию противостоящих сторон на своих (союзников) и чужих (врагов). Подобная дифференциация объясняет двойной стандарт оценки поведения воюющих (как со

стороны самих воюющих, так и тех, кто непосредственного участия в военных действиях не принимает, однако имеет к ним то или иное отношение). Законы войны действуют в условиях военного времени и утрачивают свою значимость в условиях мира. Однако люди, прошедшие в условиях войны определенную часть своей жизни, не могут моментально перейти из «мира войны» в «мир мирной жизни». Причиной тому — военный синдром.

Термин «синдром» часто ассоциируется с клиническим подходом и патологией. Однако в психологии понятие синдрома используется и в более широком смысле — для характеристики сочетаний определенных психологических признаков (симптомов), объединенных единым механизмом возникновения и развития рассматриваемого явления. Таким образом, в наиболее общем виде любой синдром представляет собой системное явление — симптомокомплекс, наличие которого предполагает выработку на уровне индивидуального и коллективного сознания устойчивого стереотипа восприятия окружающего мира и поведения в нем [2, с. 40–45].

В качестве девиации синдром будет восприниматься тогда, когда составляющий его психоповеденческий стереотип не укладывается в существующие в данном социо-пространственно-временном континууме представления о нормальности. Синдром адекватный существующей реальности — это абсолютно нормальное и, более того, поощряемое явление.

При анализе военного синдрома следует выделять *исходные психологические предпосылки* его формирования и развития, а также некоторое *ядро*, в ко-

торое входят: а) психологические особенности человека на войне (как индивида, личности, субъекта профессиональной деятельности и др.); б) особенности его профессиональной подготовки и профессиональной деятельности; в) особенности социального взаимодействия разнопрофильных специалистов в ходе военных действий.

Война как вид социального взаимодействия всегда представлена двумя категориями субъектов. Это, во-первых, воины (солдаты и офицеры), для которых война представляет собой разновидность профессиональной деятельности, а во-вторых, мирное (невоенное) население, оказавшееся в сфере военных действий. Военный синдром формируется и у тех и у других, однако содержание его существенным образом отличается в зависимости от психологического восприятия войны представителями соответствующих социальных групп.

Для военнослужащих война — это сфера профессиональной деятельности, к функционированию в условиях которой их изначально готовят. Военный синдром военного предполагает:

- деление людей, представляющих окружающий мир, на друзей (союзников) и врагов;

- наличие знаний, умений и навыков профессиональной военной деятельности, сводящейся к квалифицированному уничтожению врага, собственному выживанию в условиях военных действий, а также обеспечению максимальной эффективности военных действий союзников и восстановлению ущерба, причиненного действиями вражеских сил;

- восприятие приказа командира в качестве управомочивающего акта, легитимизирующего собственную дея-

тельность, направленную на уничтожение врага. Для профессионального военного военный синдром не что иное, как синдром профессионализма, проявляющийся «в способности человека эффективно выполнять сложную деятельность, преодолевая объективные и субъективные трудности, возникающие при взаимодействии с профессиональной средой» [2].

Война — это всегда агрессия, влекущая за собой убийство и разрушение. Те, кто выступает в качестве «одушевленных инструментов войны», изначально запрограммированы на убийство и разрушение. Однако когда воин уничтожает врага, его деятельность квалифицируется как социально полезная, или даже героическая.

Следует также иметь в виду, что война — это в любом случае стресс*, адаптация к условиям которого предполагает переключение человека на качественно отличный от условий мирной жизни режим военной жизнедеятельности [5].

Однако что делать тогда, когда война закончилась, необходимость в героизме, связанном с уничтожением живой силы и техники врага, отпала а вчерашние герои временно оказались не у дел. В этой ситуации стресс войны сменяется стрессом мирной жизни, при которой военный синдром приобретает девиантный характер и в ряде случаев обуславливает конфликты, связанные с противоречивыми ценностными приоритетами и целевыми установками, сложив-

шимися на уровне сознания «человека войны» и «людей мирного времени». Герой войны вдруг оказывается бесполезным в невоенном мире, а государство едва угаснет мода на ветеранов, забывает о них. При этом действие военного синдрома приобретает не конструктивный (как на войне), а деструктивный характер. Прежде всего, происходит смещение «точки прицеливания». Если на войне в качестве личного врага воспринимался любой представитель противостоящей стороны, то в условиях мирного времени образ врага переносится на соотечественника, который не может или не хочет понять своего вчерашнего героя-защитника[4]. Невоенный мир стремится как можно быстрее вычеркнуть из памяти войну, а это не может не отразиться на отношении к «людям войны», утрачивающим свою функциональную полезность в мирное время и сталкивающимися с тем, что их социальная значимость резко снижается, что, в свою очередь, влечет ответную реакцию, выражающуюся в агрессии носителя военного синдрома, направленной на спасенный мир, забывший своих спасителей.

Военный синдром мирного человека на войне складывается из симптомов, связанных с ощущениями перманентной опасности, исходящей как от действий врагов, так и от своих. В условиях войны населенные пункты рассматриваются воюющими сторонами как места дислокации воинских подразделений, имущество мирных граждан — как предметы, необходимые для обеспечения войсковых операций; наконец, сами граждане — как рабочая сила. Неудачи своих войсковых подразделений сводятся для подразделений к потерям среди кадро-

* С научной точки зрения стресс — это состояние психического или физиологического напряжения, возникающего в процессе различных видов жизнедеятельности человека в наиболее сложных и трудных условиях, связанных с необходимостью скорейшей адаптации всех его ресурсов к отношениям, сложившимся в рамках возникшей ситуации.

вого состава, уничтожению и повреждению боевой техники. В то же время тактические неудачи своих предполагают отступление защитников с обороняемых рубежей и оккупацию тех или иных территорий врагом. Для мирного населения это означает появление дополнительной опасности. Если раньше помощь своим рассматривалась как вариант должного, то теперь такое же поведение в отношении врагов квалифицируется как недопустимое. В том же случае, если мирное население вынуждено сотрудничать с оккупантами, то его действия рассматриваются как пособничество врагу. Таким образом, военный синдром мирного человека заключается в выработке и закреплении на психологическом уровне устойчивого ощущения перманентной опасности, которая с равной вероятностью может исходить и от чужих (врагов) и от своих. Условием формирования подобного синдрома является война. Вполне естественно, что после окончания войны мирный человек стремится как можно быстрее забыть все страхи военного времени независимо от того, были они вызваны действиями своих или врагов. Получается, что забываются не только злодеяния врага, но и заслуги своих. Такое отношение вызывает обострение военного синдрома военных, и в ряде случаев обуславливает конфликты между защитниками и защищаемыми.

Создание образа врага как условие формирования военного синдрома

В качестве важнейшего условия формирования военного синдрома следует рассматривать создание психологического образа врага. Наиболее показательными, на наш взгляд, являются

межэтнические отношения, нередко приобретающие характер социальных конфликтов.

Авторы, рассматривающие в своих работах мотивацию коллективного поведения в сфере межэтнических коммуникаций, часто концентрируются на ответственности элит, борющихся с помощью мобилизации общества вокруг выдвигаемых ими идей за власть. Очевидно, что именно представители властвующей элиты, обладающие разветвленным аппаратом информационного воздействия на население, в первую очередь ответственны за создание образа врага в отношении представителей избранных инонациональных групп. В ситуациях социальной напряженности создаются представления о генетических чертах народов, препятствующих диалоговому общению: мессианстве и жертвенности русских, наследуемой воинственности чеченцев, а также иерархии народов, с которыми можно или нельзя иметь дело.

В контексте рассматриваемой проблематики представляет интерес, хотя и является во многом дискуссионной, концепция наследственной психологической обусловленности межэтнических конфликтов, предложенная известным российским психоаналитиком М.М. Решетниковым в рамках теории социально-исторической психиатрии [3]. По мнению ученого, при наличии в истории народа тяжелой психической травмы (военной оккупации, насильственной колонизации, фактов геноцида и т. п.), связанной с массовым (национальным) унижением, через какой-то достаточно длительный период (десятилетия и даже столетия) могут возродиться идеи национальной ненависти, которые при наличии сопутствующих условий (допол-

нительных негативных экономических, социальных или политических факторов) превращаются в твердую убежденность конкретного народа или этнической группы в своей изначальной правоте, богоизбранности, а также в особой мессианской роли в сочетании с идеями национальной гордости, величия и самопожертвования во имя отмщения. При этом такая мессианская роль может рассматриваться в качестве причины формирования или же воссоздания образа врага как на уровне индивидуального сознания, так и в общенациональной (этнической) ментальности.

Причем враждебность со стороны представителей одной национально-этнической группы к представителям другой нередко усиливается вследствие того, что, с одной стороны, на официальном уровне осуществляется самовозвеличивание государствообразующего субъектноса*, а с другой — на практике представитель великого этноса сталкивается с ситуацией, когда те, кого он считает людьми второго сорта, живут так же, либо лучше, чем он. Естественно, что вывод, который делает рядовой обыватель, будет примерно таким: «Я — представитель великого народа, живу плохо, потому что там, где я живу, слишком много чужих. Их хорошая жизнь — это жизнь за мой счет. Следовательно, все чужие вокруг меня — мои враги. Причиняя зло моим врагам, я компенсирую вред, ко-

торый они причинили мне». Отмечая ненормальность обрисованной ситуации, следует вместе с тем признать, что она носит в достаточной степени устойчивый характер и имеет тенденцию к сохранению в обозримой перспективе.

Подводя итог, сделаем следующие выводы:

- современное общество представляет собой полиэтническую систему. Отношения, складывающиеся в ней, характеризуются многочисленными межэтническими противоречиями, часто перерастающими в межэтнические конфликты;

- предвзятое неприязненное отношение ко всему чужому, инородному, непонятому следует рассматривать в качестве психологической предпосылки формирования образа врага как по отношению к представителям инонациональных групп, находящихся за пределами государства, так и к инородцам (а также соотечественникам, относимым к врагам народа), находящимся в пределах исторического размещения титульных этносов;

- отмеченная предвзятость обусловлена сохраняющейся тенденцией возвеличивания социально-исторической роли титульного этноса и принижением, а нередко и уничтожением, представителей этноса, воспринимаемого в качестве чужого, а следовательно, враждебного;

- формирование образа врага в отношении представителей чужих (не наших) этнонациональных групп на уровне индивидуального и общественного сознания может носить как стихийный, так и искусственно моделируемый при помощи идеологических и культурно-воспитательных средств характер;

* Применительно к России речь идет о великом русском народе как об этносе, сыгравшем и играющем исключительно позитивную роль в истории мировой цивилизации и принижении социального статуса представителей других этносов (не столь великих, культурных и высокоразвитых). В современных условиях подобное отношение наиболее ярко проявляется в оценке места и роли СССР во Второй мировой войне.

– образ врага представляет собой устойчивый психологический стереотип, сохраняющийся в сознании длительное время и обладающий способностью к возрождению через длительные исторические периоды.

Стирание образа врага как условие выхода из состояния военного синдрома

Формирование образа врага является важнейшей составляющей военного синдрома. Стирание этого образа — условие выхода из состояния военного синдрома и, как следствие, — средство профилактики и разрешения социальных (прежде всего военных) конфликтов.

Процесс стирания образа врага является длительным по времени, сложным по содержанию и предполагает возможные рецидивы.

Стирание образа врага предполагает взаимное стремление к диалогу как со стороны бывших противников, так и со стороны властвующей элиты и просто народа. Следует также иметь в виду, что названный процесс предполагает сочетание инструментов индивидуального, группового и общесоциального воздействия.

На уровне индивидуального воздействия не имеет смысла пытаться спорить с носителем образа врага. Известно, что большинство людей оперируют двумя точками зрения — своей и неправильной. На основании этого если высказываемая контрсубъектом позиция не совпадает с воспринимаемой в качестве единственно верной, истинной, то адресат заведомо отвергает предлагаемые аргументы. В результате сложившиеся на уровне индивидуального (общественного) сознания идеи и обра-

зы могут еще сильнее укорениться, так как субъект, подвергающийся воздействию, почувствует, что ему снова необходимо защищать или скрывать свои убеждения.

Первоначально следует перейти от дихотомии противоположностей «свой — друг (человек, союзник, хороший)» — «чужой — враг (не человек, противник, плохой)» к дихотомии тождеств «чужой — чужой (враг-враг)». Осознание того, что мы для противоположной стороны являемся теми же, что и они для нас, позволяет говорить о том, что любые социальные коммуникации (в том числе войны и иные конфликты) — это взаимоотношения между людьми, для которых в одинаковой степени свойственны как традиционные морально-этические качества (честность, гуманизм, справедливость и т. п.), так и девиации (лживость, жестокость, алчность и т. д.). При этом перечисленные качества в приблизительно равных пропорциях встречаются как у своих, так и у чужих.

Далее следует перейти от обобщенного образа «врага нации (государства, народа)» к персонифицированному «врагу-человеку». Следует последовательно доводить до общественного сознания мысль о том, что государство, нация, народ представляют собой умозрительные абстракции, в реальности не являющиеся едиными целостными образованиями. Следовательно, не имеет смысла говорить о врагах немцев, американцев, чеченцев, русских и др. В любом государстве и любой нации сосуществуют гении, посредственности и глупцы; герои и подлецы. Делать вывод о том, что бывший (настоящий, будущий) противник характеризуется исключительно негативно, не имеет смысла, так как

негативное отношение к противоположной стороне может породить только ответный негатив. Если не существует нации (государства, народа) — врага, то не должно быть и коллективной ответственности за поступки, совершенные конкретными представителями того или иного социума. В данном случае целесообразно опираться на юридический принцип «нет вины, нет ответственности». При этом необходимо выработать единые критерии оценки действий, совершенных враждующими сторонами во время военного конфликта, с тем чтобы избежать взаимных обвинений в совершении военных преступлений и иных злодеяний.

ИНИЦИАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ

О. П. Бачмага

Аннотация: в данной статье раскрывается проблема взаимоотношений современного Российского государства и личности. Анализируя указанную проблему, автор рассматривает инициативное поведение как способ обеспечения и повышения ответственности государства перед личностью. Выделяются принципы инициативного поведения, отслеживается взаимосвязь между инициативным поведением и образованием, а также делаются выводы по данному вопросу.

Ключевые слова: принципы, инициативное поведение, ответственность, гражданское общество, правовое государство, образование, личность, занятость, контроль, закон.

Литература

1. Анчуков С.В. Война и военная стратегия: рекви-ем современности (постмодернистский взгляд и сильные размышления о будущем). — URL: http://zhurnal.lib.ru/a/anchukow_s_w/woinast.shtml.

2. Дружилов С.А. Становление профессионализма как процесс формирования концептуальной модели профессиональной деятельности // Журн. прикладной психологии. — 2004. — № 6.

3. Решетников М.М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (социально-историческая психиатрия). — URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/reshet/paranoia.html>.

4. Синдром длиной в 27 лет. — URL: <http://www.chelyabinsk.ru/news/1049.html?p=1>.

5. Управление стрессами: заставьте стресс работать на вас. — URL: http://www.zhivika.ru/index.php?mi=179&block_id=219.

Summary: in given article the problem of mutual relations of the modern Russian state and the person. Analyzing the specified problem the author considers initiative behavior as a way of providing and increase of responsibility of the state before the personality. Principles of initiative behavior are allocated, and also the interrelation between initiative behavior and education is traced. In the conclusion, conclusions on this question.

Keywords: principles, Initiative behaviour, responsibility, civil society, a lawful state, education, a person, employment, control, law.

Тема ответственности государства перед личностью актуальна для сегод-

ныашнего политического мира, а для Российского государства особенно.

Россия не может похвастаться богатой историей, уходящей вглубь времен, относительно вопроса ответственности государства. Основные труды западных мыслителей, касающиеся данной темы, были переведены на русский язык уже в период нового времени. Кроме того, демократические идеи ответственности государства были чужды нашей стране, так как большую часть XX столетия Россия была тоталитарным государством, не терпящим инакомыслия, где люди получили в полном объеме свои политические, экономические и культурные права лишь к концу XX в. после утверждения демократического режима. Однако в дореволюционный период произошло заложение фундамента основных теоретических положений об ответственности государства, хотя и без детального рассмотрения и раскрытия, а также без практики их реализации и применения.

Мировая война и тоталитарный режим заморозили разработки и течение правовой мысли. В этот период человек был полностью поглощен государственным аппаратом, государство воспринималось непоколебимым, могущественным, и даже речи о его ответственности в подобных условиях, естественно, не допускалось. Можно провести параллель с огромным Левиафаном, поглощающим личность и ее права целиком. Такое положение сохранялось вплоть до 1950–60-х годов. С конца 60-х годов появляются различные подходы и толкования юридической ответственности, что послужило толчком для дальнейшего развития юридической науки и разработки данного вопроса.

В то же время тема ответственности государства перед личностью раскрывалась учеными довольно однобоко и поверхностно, они постоянно смещали основной акцент на ответственность личности, ее права и обязанности, либо в сторону ответственности государства в международном праве.

Российскому обществу свойственна подмена правосознания этическими воззрениями, а российскому обществу присущи правовая нигилизм, неуважение к праву и закону.

Ранее уже говорилось [2, с. 23; 3] о том, что достойное социальное обеспечение личности и уровень жизни населения нужно считать показателем развитого правового государства, а физическая безопасность напрямую связана с правовым государством и гражданским обществом, уровнем образованности населения, уровнем соблюдения прав и свобод человека и гражданина не только со стороны государства, но и со стороны других граждан, как отношение, основанное на культурном уважении и праве. Критерий личной физической защищенности личности, перерастает в принцип правовой и информационной безопасности и защищенности личности конкретно взятого индивида, что является неотъемлемой частью правового государства, так как здесь, в числе прочих, не менее важных и неотъемлемых прав человека, идет речь о нарушении первостепенных, первоначальных и социально значимых прав.

Однако без собственного инициативного поведения в правовой сфере не стоит ждать соблюдения прав и свобод от государства. Нужно уметь защищать свои права и свободы в рамках установленных законом.

Здесь ситуацию отражают слова М. Вебера «Современный судья подобен автомату, который — если в него заложить относящиеся к конкретному делу документы вместе с оплатой — выбросит решение, механически выработанное на основе кодекса».

Поведение человека — всегда сознательное волевое проявление, и тем самым отличается от иных действий, которые носят, например, инстинктивный либо рефлекторный характер.

Инициативность — это активная направленность личности на совершение действия. Волевой акт начинается с инициативы. Проявление инициативы означает волевое усилие, направленное не только на преодоление собственной инертности, но и на самоутверждение, придание волевому акту определенной направленности. Инициативность связана с самостоятельностью.

В данном случае речь идет об инициативном поведении с целью защиты именно своих нарушенных государством законных прав и свобод в рамках, установленных законом, то есть об инициативном поведении в правовой сфере.

Другими словами, изначально предполагается, что права и свободы человека и гражданина нарушены, причем ни кем-нибудь, а непосредственно самим государством. Хотя принципы правового государства и закрепляют взаимную ответственность личности и государства, на практике это не равноценные друг другу субъекты.

В последнее время в учебной и научной литературе понятие права соотносится с понятием культуры и рассматривается, как правило, сквозь призму категорий «право и правовая культура»,

«правосознание и правовая культура» [1, с. 47].

Инициативное поведение также неразрывно связано с указанными понятиями и культурой отдельно взятой личности, из всего этого произрастает термин «инициативное культурное правовое поведение».

Инициативное поведение должно быть только добровольным.

Предлагаем выделить три принципа инициативного поведения. Итак, оно должно быть: 1) адекватным; 2) рациональным; 3) сознательным.

Адекватность предполагает соразмерность проблемы способу ее устранения. Рациональность подразумевает, что человек знает и понимает, что, зачем и для чего делает. Под сознательностью понимается то, что человек в полной мере осознает и отдает себе отчет в своих действиях, хочет их наступления и осознает возможные последствия.

Инициативное поведение — своеобразная форма общественного контроля со стороны гражданского общества за соблюдением основных принципов правового государства, в частности оно является способом обеспечения ответственности государства перед личностью, способом усиления этой ответственности.

«Человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» [6, с. 4].

Добровольное поведение будет инициативным, если человек будет рациональным, то есть будет понимать что и для чего он делает, что в результате будет, а значит, правовую пассивность можно победить образованием.

Своеобразной ступенью на пути реализации этой идеи выступает построение гражданского общества путем повышения образованности личности, а следовательно, сделать среднее специальное и высшее образование доступным для людей, обладающих ограниченной платежеспособностью, становится первоочередной задачей. Не последнее место занимает и стремление к получению знаний путем повышения квалификации и самообразования, повышения профессионального уровня после получения основного образования. Причем построение гражданского общества не должно быть только задачей государства, это в большей степени должно стать задачей каждого человека в отдельности, а государство лишь не должно этому препятствовать, или даже наоборот, должно создавать благоприятную почву, стимулировать, не скатываясь при этом к тоталитарным методам либо необдуманным реформам.

Факт тотального перехода к тестовой системе сдачи экзаменов (ЕГЭ), оправдываемый переходом к европейской системе образования, по меньшей мере не обоснован. Ибо обратившись к системе европейского образования, мы увидим совсем иную систему, где учащиеся усно отвечают на вопрос темы, дополнительные вопросы. Никакого упрощения в сдаче экзаменов нет.

Согласно статистике, общее число организаций, выполнявших исследования и разработки [4, с. 227], за период 1992–2003 гг. составило: в 1992 г. — 4555, 1995 — 4059, 1996 — 4122, 1997 — 4137, 1998 — 4019, 1999 — 4089, 2000 — 4099, 2001 — 4037, 2002 — 3906, в 2003 г. — 3797. Явно прослеживается тенденция к уменьше-

нию числа таких заведений, равно как и персонала, занятого исследованиями и разработками, с 1 532 618 в 1992 г. до 887 729 в 2000 г. и 858 470 в 2003 г.

Сегодня очень многие резко критикуют образовательную реформу, а также изобличают некоторых видных деятелей культуры и политики, что и подтверждают эти политики. Например, Фурсенко Андрей Александрович — министр образования и науки Российской Федерации (с 2004 по 2012 год), а с 21 мая 2012 г. помощник Президента Российской Федерации — высказывался за сокращение числа вузов. «Сейчас в России вместе с филиалами 3200 вузов. Из них негосударственных — 1200. Если исходить из потребностей общества, их должно остаться не больше тысячи. В Союзе ректоров многие вставали на дыбы, когда я говорил, что требования к образованию должен определять не сам вуз, а будущий работодатель. Теперь это стало избитой истиной». Иными словами, государство считает, что потребность в образовании у населения падает, что образование не нужно, поэтому число вузов необходимо сокращать. Однако это обусловит еще большую конкуренцию и коррумпированность, а количество кандидатов на одно место увеличится, хотя и на сегодняшний день конкуренция среди абитуриентов не малая.

В.А. Караковский в своей статье «Тревоги российского образования» рассуждает: «Настораживает новое коренное реформирование, замаскированное на этот раз под модернизацию. За разговорами о повышении качества скрывается ускоренный переход к платному образованию. Массовое введение в школах «платных образовательных услуг», с одной стороны, отражает

глубокое расслоение общества, с другой — делает школу средством социального отбора, деформирует идею социальной справедливости, равенства и общедоступности образования, порождает лукавый вопрос: «А нужно ли давать высокое образование всем?» Тут и до «теории золотого миллиарда» недалеко. Наша современная культура — это разбитое зеркало. И тут подворачиваются проблемы образования, которые неумеренно раздуваются заинтересованными силами. Причины общественных неудач ищутся именно в них. Для начала создан миф о безнадежной отсталости российского образования. И опять нас принуждают к использованию иноземных моделей и шаблонов образования, большей частью устаревших, неоправдавших себя, разрушающих наш менталитет. Агрессия информационной среды, пропагандирующая культ силы, вызывающая презрение к слабым, неудачникам, проигрывающим в конкурентной борьбе» [15, с. 30].

Обратим внимание на то, что страны с высоким уровнем образованности предполагают высокий уровень доступности, который заключается в бесплатном предоставлении образовательных услуг и даже в запрете взимания платы за них. У нас же, притом, что мы всеми силами пытаемся бороться с коррупцией, даже после введения антикоррупционной программы существует плата «за все», и вместо того, чтобы сделать образование общедоступным, мы делаем образование платным. От себя дополним, что барьер на пути «богатых двоечников» вряд ли возникнет, а вот для обычных людей с ограниченной платежеспособностью этот барьер будет, и не многие смогут его преодолеть.

«В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам, превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что по мере того, как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» [11, с. 4].

Бюрократическая система выгодна с той точки зрения, что люди, как правило, боятся участия, потому что видят в этом угрозу свободе и увеличение контроля за своими действиями со стороны других.

Тем не менее правовая культура является ступенью, следующей за уровнем общечеловеческой культуры общения, кризис которой в последнее время наблюдается в достаточной степени.

Часто люди пытаются решить возникшие проблемы самостоятельно, не всегда укладываясь в рамки закона. Мы по-прежнему сталкиваемся с высоким уровнем преступлений и правонарушений, совершаемых не только гражданами, но и государством в лице его государственных органов и должностных лиц. Наш индивидуализм часто перерас-

тает в анархизм, нигилизм, бунтарство и протест. Лицо сознательно социально отграничивается от власти, вызывая не инициативное правовое поведение, а социальную пассивность. Доверие народа по отношению к правительству, органам управления и к режиму правления в целом падает. Растет отчужденность граждан от политического процесса, что обуславливает безответственное поведение чиновников и управленцев. Возникает своеобразный замкнутый круг.

Каждый должен быть требователен не только по отношению к другим, но и в первую очередь к себе, добросовестно выполнять свои функции и возложенные на него обязанности. Это относится и к государству и к личности.

Сегодня меры юридической ответственности государства законодательно закреплены в Конституции РФ, где говорится, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Решение проблем достигается в первую очередь за счет нейтрализации множества пробелов в праве и создания единого непротиворечивого законодательства, искоренения коррупции (на сегодняшний день Россия является одной из самых коррумпированных стран) и резкой социальной поляризации общества.

Декриминализация сфер общественной жизни возможна путем повышения образованности личности, а также обеспечения не столько трудоустройства, сколько именно занятости населения.

В широком значении понятие трудоустройства объединяет все формы тру-

довой деятельности, которые не противоречат законодательству, включая самостоятельное обеспечение себя работой, в том числе индивидуальную трудовую деятельность, предпринимательство, фермерство и т. п. В узком значении под трудоустройством понимают такие формы трудовой деятельности, которые устанавливаются при содействии органов государства или негосударственных организаций на основе лицензирования. Необходимо учесть, что понятие трудоустройства более узкое, чем понятие занятости.

Правовое государство и гражданское общество возможно только в обществе образованных и думающих людей.

Институт равноправия в отношениях невозможен без двусторонней ответственности.

Только граждане способны изменить существующую действительность, так как они являются единственным источником власти, и для этого нужно обладать инициативным поведением. Важно изменение самих реформаторов и их мышления.

Таким образом, построить правовое государство и защитить себя могут сами граждане, путем стимулирования государства в лице его государственных органов и должностных лиц.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Право. Опыт комплексного исследования. — М., 1999.

2. *Бачмага О.П.* Особенности социального обеспечения личности на современном этапе // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2011. — № 5. — С. 23–25.

3. *Бачмага О.П.* Правовая и информационная защищенность личности в правовом государстве // Государство и право: теория и практика: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (Челябинск, 2011) / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 73–76.

4. Большой юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Б. Барихина. — М.: Книжный мир, 2000. — 720 с.

5. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социолог. исслед. — 1991. — № 6.

6. Кислицын С.А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. — Ростов н/Д, 1993.

7. Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. — М., 1991.

8. Лазарев В.В. Общая теория права и государства: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 1996. — 472 с.

9. Малько А.И. Категория «правовая жизнь» // Гос-во и право. — 2001. — № 5.

10. Малько А.В. Теория государства и права: учебник. — М.: Кнорус, 2008. — 400 с.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. — М.: Политиздат, 1958.

12. Основы государства и права: учеб. пособие / под ред. О.Е. Кутафина. — 7-е изд. — М.: Юрист, 2000. — 416 с.

13. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. — М.: Экономика, 2007. — 683 с.

14. Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). — М., 1997.

15. Караковский В.А. Тревоги российского образования // Народное образование. — 2006. — № 9. — С. 30–33.

16. Шатуновская О. Фальсификация // Аргументы и факты. — 1990. — № 22.

17. Статистика Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://europeancourt.ru/statistika-evropejskogo-suda-za-1959-2009-gody/#ll>.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: КВАЛИМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

И. И. Железкина

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы развития компетенций у будущих специалистов и практических работников социальной сферы для уголовно-исполнительной системы. Автор предлагает использовать возможности квалиметрического подхода для оценивания качества образовательного процесса и определения эффективности профессионально-ориентированной подготовки специалистов в рамках компетентностной парадигмы.

Ключевые слова: профессионально-ориентированная образовательная деятельность, компетентность специалиста, подготовка специалиста социальной сферы для уголовно-исполнительной системы, квалиметрический подход.

Summary: this article deals with the development of competencies of future specialists and practitioners in the social sphere of the penal system. The author proposes to use the opportunity qualimetric approach to evaluate the quality of the educational process and determine the effectiveness of professionally-oriented training in the competency-based paradigm.

Keywords: professional-oriented educational activities, professional competence, specialist training for social penal system qualimetric approach.

Современные условия смены содержания образования обуславливают потребность рассмотрения процесса подготовки специалиста социальной сфе-

ры для уголовно-исполнительной системы через призму компетентностной парадигмы. Компетентностный подход как системообразующий компонент образовательной деятельности определяет ориентиры на модель специалиста, в основу которой положены ведущие и специальные компетенции, способствующие пониманию цели практики и формирующие умения использовать теоретические знания в определенной профессиональной области применения.

Значимость компетентностного подхода в процессе профессионально-ориентированной образовательной деятельности определяется содержанием понятий «компетенции», «компетентность», «профессиональная компетентность». Понятие «компетенции» трактуется учеными как способность качественной реализации на практике совокупности знаний, умений и навыков, с учетом характеристик качеств личности и уровнем подготовки (Е.Ю. Игнатъева, Ю.В. Фролова, Д.А. Махотина, Р.К. Шакурова, А.И. Щербакова и др.), внутренние, психологические новообразования личности (И.А. Зимняя). Категория «компетентность» рассматривается как характеристика личности, обладающей определенными компетенциями (И.С. Зинкина, В.А. Болотов, В.А. Сластенин, Ю.Г. Татур и др.); способность использования знаний, умений и опыта, определяющих успешность профессиональной деятельности (Э.Ф. Зеер); как следствие саморазвития, личностного и деятельностного опыта, полученного в процессе обучения (В.А. Болотов, В.В. Сериков); характеристика качеств личности, основанная на компетенциях (знаниях, алгоритмах деятельности и т. д.), проявляющихся в деятельности (смоделированной или ре-

альной) (Е.Ю. Игнатъева). Термин «профессиональная компетентность» определяется как «личностные новообразования, включающие когнитивный и поведенческий аспекты, долговременную готовность к профессиональной деятельности, возможность творчески подходить к решению проблем, получать результат» [1, с. 107].

Анализ теории и практики показывает, что в процессе профессионально-ориентированной подготовки специалистов социальной сферы уголовно-исполнительной системы компетенции следует рассматривать как способность к проявлениям многофункциональности, то есть использованию знаний, умений, отношения и опыта в знакомых и незнакомых ситуациях, в различных сферах жизнедеятельности. Компетентность определяется как характеристика личности, владеющей профессионально-ориентированными компетенциями, обеспечивающими высокий уровень реализации теоретических знаний, умений, опыта на практике. Таким образом, *профессиональная компетентность специалиста уголовно-исполнительной системы* — это характеристика личности, владеющей компетенциями, обеспечивающими уровень интеллектуального развития, профессиональной направленности, возможность полноценного оказания социально-педагогической помощи лицам с особыми нуждами, имеющая многофункциональный характер, стимулирующая формирование личностных профессионально значимых новообразований, качественное преобразование практической деятельности с тенденцией расширения, обогащения, обновления профессионального опыта.

Одним из значимых условий формирования профессиональной компетентности специалиста социальной сферы уголовно-исполнительной системы является организация профессионально-ориентированной образовательной деятельности с учетом реализации следующих познавательных функций и принципов:

– обучающая функция — обеспечивает освоение теоретико-методологических основ пенитенциарной социально-педагогической деятельности. Реализации данной функции способствует следование принципу научности обучения — изучение и использование научно-достоверной и аргументированной профессионально значимой информации в рассматриваемой области;

– расширяющая функция — увеличивает объем знаний в изучаемой профессиональной области в результате системного анализа отечественного и зарубежного опыта работы. Используется принцип доступности — создание условий для рассмотрения необходимой информации с комментариями и оптимизацией образовательной деятельности в целом с использованием различных форм взаимодействия, обучения (теоретико-прикладные семинары, лекции и т. д.);

– аналитическая функция — способствует формированию аналитико-прогностических оценок с использованием принципа практичности, под которым понимается определенная степень глубины и осознанности полученных теоретико-прикладных знаний, умений, навыков, определяющих возможность формирования профессиональной интуиции.

Профессиональная компетентность специалиста социальной направленности уголовно-исполнительной системы предопределяет перечень компонентов, которые обуславливают наличие знаний предмета и объекта деятельности; умение решать вопросы, связанные с профессией, нестандартным образом; профессиональное предвидение результатов своей деятельности. Следовательно, профессиональная компетентность имеет взаимодополняемые, взаимообусловленные и взаимозависимые характеристики — когнитивную, деятельностьную и индивидуальную. Когнитивная характеристика предполагает высокий уровень владения знаниями в области профессиональной реализации; индивидуальная — выражается в интеллектуальной, мотивационной, эмоционально-волевой подструктурах личности; деятельностьная — определяет значимость умения преобразовывать теоретические знания в область практической реализации со всеми сопутствующими дополнениями.

В целом *компетентный специалист* — это конкурентоспособный на рынке труда, владеющий профессиональными знаниями на уровне их полноценной реализации на практике, способный выполнять свои обязанности на высоком профессиональном уровне, постоянно стремящийся к повышению своего образовательного уровня и профессионального мастерства, отличающийся своими личностными характеристиками, соответствующими требованиям, предъявляемым практикой. Кроме того, компетентный специалист — это субъект, способный не только использовать, но и создавать инновации, актуализируя личностный потенциал,

включая достижения науки и практики.

Имея неоспоримую значимость в образовательной деятельности компетентностный подход, определяя новые требования к специалисту, может рассматриваться как полноценный в совокупности с квалиметрическим подходом. Это обусловлено потребностью в использовании новых средств определения достижений в образовательной деятельности и отличающимся от традиционных диагностических процедур выделением иных измерительных категорий, таких как: потребность к познанию, способность к использованию теоретических знаний на практике и др.

Е.В. Борисов определяет практико-ориентированную значимость квалиметрического подхода. По его мнению, она является практико-ориентированной тактикой управления становления и развития системы оценивания качества образовательного процесса [2, с. 4]. Е.Ю. Игнатъева выделяет субъекты образовательной системы, подлежащие квалиметрии: образовательный стандарт, содержание образования (учебные планы, программы, образовательные технологии), личность и уровень подготовки студентов, педагогические кадры [3, с. 4]. А.И. Субетто, предлагая модель оценочной деятельности (субъект оценивания, объект оценивания, база оценивания, логика сравнительного оценивания), предопределяет потребность в методическом обеспечении процесса оценивания образовательной деятельности [5].

Объективность квалиметрии в профессионально-ориентированной подготовке специалистов в высшей школе обуславливает потребность в дополнении перечня разработки и реализации измерений профессиональной компе-

тентности специалистов-практиков. Такой подход дает возможность увидеть и улучшить результаты образовательной деятельности, внести коррективы в содержательное наполнение процесса обучения. Методологическая значимость квалиметрии заключается в возможности представить результаты практико-ориентированной образовательной деятельности в количественных показателях. Количественные показатели определяются в процессе оценочной деятельности. Таким образом, процесс оценивания структуры и качества компетенций определяет необходимость в разработке диагностического инструментария, измерительных шкал, критериальных показателей и иных процедур, обеспечивающих определение качества профессионально-ориентированной деятельности.

Е.В. Борисов отмечает трудности в разработке методического сопровождения, которые усматриваются в том, что достижения образовательных результатов в основном ориентированы на внешний контроль, а не на повышение мотивации обучающегося [2, с. 6]. При условии повышения требований к качеству подготовки выпускников методы квалиметрии компетенций специалиста стали определять соответствие результатов учебной деятельности требованиям образовательных стандартов, коррекцию образовательного процесса при условии изменений компетентностных характеристик, возможность реализации содержания личностно-ориентированного подхода с учетом компетентностных характеристик на разных этапах обучения, корректировку учебно-методического обеспечения в рамках компетентностного подхода.

Итак, анализ теоретико-прикладных исследований показал, что реализация квалиметрического подхода в процессе подготовки специалистов социальной сферы уголовно-исполнительной системы возможна при условии:

- теоретико-методологического обоснования практико-ориентированной технологии квалиметрии компетенций. Данное условие должно выстраиваться на основе системно-целостного, личностно-ориентированного, деятельностного и аксиологического проходов;

- построения квалиметрической модели специалистов-практиков в контексте компетентностного подхода. Под этим понимается методическое и техническое обоснование измерений компетенций на разных этапах профессиональной деятельности — теоретического освоения, начального практико-ориентированного включения, непосредственной реализации, в случаях возникновения проблем, связанных с профессиональной адаптацией. Важное значение имеет стандартизация процесса повышения квалификации и переподготовки кадров в рамках компетентностного подхода в условиях вузовской подготовки и в специализированных учебных центрах;

- обеспечения не просто диагностики уровня образованности, оценки качества обучения, но ориентации на развитие компонентов образовательной системы (содержания, технологий, среды), профессиональной готовности студентов, пригодности специалистов-практиков. Квалиметрия компетенций не должна являться стандартной процедурой фиксации учебных достижений, а должна включать в себя развивающий компонент, определяющий

возможность повышения уровня мотивации познавательной деятельности, профессиональной активности, научно-исследовательской заинтересованности, которая закладывается в содержании и процедуре реализации диагностического инструментария, в частоте и корректности применения.

Квалиметрия профессиональной компетентности специалиста, ориентированного на юридическую практику, предполагает рассмотрение следующих компонентов личности:

- профессионально-личностную направленность — наличие целеустремленности в обучении, овладении знаниями в профессионально значимой области, умениями решать практически важные задачи, управлять своим поведением через анализ познавательной активности, эмоционально-волевой сдержанности, потребностно-мотивационной ориентации;

- профессионально-личностные качества — рассматривается темперамент как характеристика психологической деятельности, которая обуславливает скорость освоения материала, возможность формирования быстроты реакции, профессиональной гибкости. Определяются особенности характера как относительно устойчивого образования личности, которые необходимо учитывать для формирования профессионально значимых качеств специалиста. Определяются возможности более углубленного освоения профессиональных знаний на основе общих и специальных способностей;

- профессионально-личностные реакции — способность правильного реагирования, проживания сложных ситуаций, связанных с профессиональной де-

тельностью, быстрого поиска внутренних и внешних ресурсов в экстремальных случаях — контроль над собственными состояниями, способность быстрого реагирования, уверенность для принятия правильного решения (самооценка, организаторские, лидерские качества);

– профессионально-личностные новообразования — учитывается не только определенный результат образовательной деятельности, уровень профессионально значимых знаний, умений, опыта, но и стремление добывать их самостоятельно, способность к проведению научно-исследовательской деятельности, умение использовать знания на практике (самостоятельность, целеустремленность, творческая активность, профессиональная интуиция).

Анализ психолого-педагогической литературы, разработка и апробация диагностического инструментария по выявлению уровня компетенций студентов вуза и профессиональной компетентности специалистов-практиков в рамках деятельности межведомственной научно-исследовательской лаборатории профессионально-ориентированного обучения Орловского государственного университета и УФСИН России по Орловской области в период с 2005 года по настоящее время позволил определить следующие особенности системы компетенций.

Диагностический материал для проведения таких исследований должен быть тщательно подобран и затрагивать те области, которые выявляют уровень профессиональной компетентности специалиста в условиях пенитенциарной практики. Необходимо учитывать требования к методикам на выявление степени готовности специалиста-практика

к профессиональной деятельности, такие как: оптимальный объем диагностического инструментария (опросные листы должны быть сформулированы кратко и точно, не занимать слишком много времени в связи с загруженностью работой); содержание диагностики должно затрагивать профессионально значимые компоненты; условием для проведения диагностического исследования является возможность ответить на вопросы самостоятельно, то есть индивидуальное тестирование.

Как показали проведенные исследования, квалиметрия профессиональной компетентности специалистов-практиков предполагает учет следующих особенностей.

1. Психологию взрослого человека, которая показывает отношения личности к прошлому, настоящему, будущему (свое настоящее и будущее взрослый человек соотносит с прошлым и стремится учесть свой опыт для того, чтобы принимать более адекватные жизненно важные решения). Такой подход может влиять на раскрытие сущности самопознания как элемента профессиональной компетентности специалиста пенитенциарной практики. Самопознание в процессе профессиональной реализации определяется деловыми характеристиками, которые связаны со способностями и проявляются в личном и деловом общении с людьми и вызывают с их стороны определенные реакции [4].

2. Диагностический материал, выявляющий профессиональный уровень специалиста, должен быть ориентирован:

– на выявление сохранности общих знаний (необходимых интеллектуальных

способностей: памяти, внимания и т.д.). В данном случае предполагается обратить внимание на долговременную, произвольную, логическую, опосредованную кратковременную и оперативную память. Для выявления особенностей памяти взрослого человека достаточно получить данные о динамике процесса заучивания, в котором фактически одновременно включены все основные виды памяти и ее процессы [4]. Желательно иметь два комплексных показателя внимания: продуктивность и устойчивость, распределение и переключение;

- выявление потребности в развитии специальных знаний (в области пенитенциарной социальной работы — требования к данной профессии). Предполагаются исследования в рамках значимых компонентов в определенной профессиональной области через разработку и использование тестов достижений;

- выявление личностных характеристик (в перечень исследуемых личностных качеств могут входить компоненты структуры личности: эмоционально-волевая и мотивационная сферы личности);

- социально-психологически ориентированные качества, морально-нравственные ценности и установки специалиста в области пенитенциарной практики.

Как показали проведенные исследования, для того чтобы оценить успешность овладения студентами профессионально-ориентированными знаниями определяется рациональность использования тестов достижений. С их помощью определялась эффективность учебных программ, используемых методов обучения, динамики развития обуча-

ющегося. При соблюдении заданий тестов достижений следует соблюдать ряд правил: проанализировать содержание заданий с позиций равной представленности; предусмотреть недопустимость перегруженности второстепенными терминами; задания должны быть сформулированы четко, недвусмысленно; вопросы и ответы не должны служить подсказкой для ответа; при подборе вариантов ответов надо исключить возможность догадки или отбрасывания неподходящего ответа.

Одновременно с тестами достижений для определения успешности обучения применялись тесты профессиональной направленности для определения уровня практических навыков. Такие тесты были ориентированы на оценку уровня знаний, необходимых для определенной профессии через использование заданий, в которых измеряется успешность их выполнения по времени, качеству, включение узко профессиональных вопросов, вопросов на выявление наличия специальных знаний, информированности.

Для выяснения степени усвоения знаний, уровня сформированности профессиональной установки, полученных в процессе изучения темы «Технология социальной работы в пенитенциарной системе», был проведен промежуточный контроль с использованием тестовых заданий, текст которых составлен в соответствии с содержанием одной из тем дисциплины. Записи ответов фиксировались в специально разработанных бланках. Расшифровка результатов осуществлялась с помощью заранее подготовленного ключа. Интерпретация полученных данных проводилась с использованием разработанных критериев оцен-

ки, которые предполагали такие уровни оценки знаний студентов, как «зачтено» и «не зачтено».

Тестовое задание было апробировано до начала изучения дисциплины с целью выявления начального уровня знаний у студентов в конкретной профессиональной области и включало в себя три блока вопросов. Первый блок — определение профессиональной зрелости студентов, выявление конкретного профессионального выбора с учетом знаний, умений, навыков, полученных в рамках учебного процесса («выбор сделан в соответствии с полученными знаниями, личностными качествами, профессиональным опытом» и т. д.). Содержание второго блока ориентировано на определение профессионально значимой области через анализ категории лиц, нуждающихся в оказании социальной помощи, видов профессиональной деятельности («проявляется интерес к виду помощи: коррекция девиантного поведения, пенсионное обеспечение, реабилитация» и т. п.). Третий блок способствовал определению ориентации на профессиональную реализацию полученных знаний в пенитенциарной практике. Данная задача решалась через выявление уровня сформированности профессионально значимых качеств (эмоциональная сдержанность, эмпатия, сила воли, познавательная активность), наличие профессионально-ориентированных знаний («на каком этапе пребывания осужденного в исправительном учреж-

дении социальный работник начинает свою деятельность» и т. д.).

В целом реализация квалиметрического подхода в процессе профессионально-ориентированной подготовки специалистов социальной сферы уголовно-исполнительной системы определена потребностью повышения уровня их профессиональной компетентности, рассматриваемой в постоянно меняющихся социально-экономических и правовых условиях, обусловленной психолого-педагогическими и социальными особенностями лиц, в отношении которых осуществляется их деятельность.

Литература

1. Безукладников К.Э. Методологические основы формирования компетенций в процессе профессиональной подготовки будущих работников // Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании: теория, методология, технологии: материалы междууниверситетского науч.-метод. конф. / под общ. ред. В.И. Стаматина. — Пермь: Западно-Уральского института экономики и права, 2011. — 167 с.
2. Борисов Е.В. Квалиметрия компетенций: методологические подходы и методы: монография. — Тверь: ТГТУ, 2010. — 152 с.
3. Игнатьева Е.Ю. Квалиметрическое обеспечение как фактор развития образовательных систем в высшей школе: монография / под науч. ред. О.С. Орлова. — Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та имени Я. Мудрого, 2006. — 144 с.
4. Немов Р.С. Психология: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. — М.: Гумат. изд. центр ВЛАДОС, 1998. — С. 414–417.
5. Субетто А.И. Квалиметрия человека и образования: методология и практика // От квалиметрии человека — к квалиметрии образования (генезис): материалы II симпозиума. — М., 1993.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Г. К. Аксенова, П. Ю. Аксенова

Аннотация: статья посвящена проблеме адаптации личности в отечественной психологии. В ней проанализированы основные подходы к пониманию сущности процесса адаптации личности отечественных ученых, выделены ключевые понятия в теории адаптации личности.

Ключевые слова: адаптация, взаимодействие, развитие, адаптивность, активность.

Summary: the article is devoted to the problem of adaptation of the individual in the national psychology. It analyzes the main approaches to the understanding of the adaptation of the individual national scientists, defined the key concepts in the theory of adaptation of the individual.

Keywords: adaptation, interaction, development, adjustability, activity.

В отечественной психологии существует множество подходов к определению сущности процесса адаптации личности. Большинство отечественных ученых придерживаются мнения, что изучение проблемы адаптации целесообразно проводить с позиции системно-деятельностного подхода к исследованию личности (П.К. Анохин, А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов) и интегрального подхода к изучению адаптации (А.Н. Жмыриков, Э.Ф. Зеер, А.А. Реан). Ориентация на личность, интегрирующую психофизиологический, социально-психологический, деятельностно-психологический способы взаимодействия с окружающей средой и все уровни психической органи-

зации, позволяет воспринимать адаптацию как результат деятельности целостной самоуправляемой системы [4].

Ряд ученых рассматривают адаптацию личности в неразрывной связи с социализацией. Согласно А.В. Петровскому, процесс социализации — это смена фаз адаптации, индивидуализации и интеграции. Каждый период жизни человека начинается фазой адаптации, в ходе которой происходит усвоение действующих в обществе норм и овладение соответствующими формами и средствами деятельности. Фаза индивидуализации связана с противоречием между достигнутым результатом адаптации и потребностью в максимальной реализации своих индивидуальных особенностей. Третья из перечисленных фаз вызвана противоречием между потребностью личности в самореализации и стремлением группы принять только часть ее индивидуальных особенностей, а в случае успешной социализации она разрешается как интеграция личности и группы [14].

А.А. Налчаджян под онтогенетической социализацией понимает такой процесс взаимодействия индивида и социальной среды, в ходе которого, оказываясь в различных проблемных ситуациях, возникающих в сфере межличностных отношений, индивид приобретает механизмы и нормы социального поведения, установки, черты характера и их комплексы, другие особенности и подструктуры, имеющие в целом адаптивное значение. Каждый отдельный про-

цесс преодоления проблемных ситуаций можно считать процессом социально-психической адаптации личности, в процессе которого она использует приобретенные на предыдущих этапах своего развития и социализации навыки, шаблоны поведения или открывает новые способы поведения и решения задач, новые программы и планы внутрипсихических процессов. Адаптивные механизмы личности успешно выполняют свои функции, если приводят человека к адаптированности в социальной ситуации и природной среде [12].

Важно отметить, что адаптационные процессы идут непрерывно, поскольку постоянно происходят изменения как вокруг человека, так и в нем самом. В реальной жизни человек постоянно сталкивается с новыми условиями деятельности и общения, поэтому он должен осмысленно выбирать адекватную линию поведения и самосовершенствования. В отличие от социализации, отражающей становление личности, обусловленное в основном влиянием со стороны общества, процесс адаптации отражает в большей степени субъективно опосредованное развитие личности, соответствующее ее индивидуальным особенностям и склонностям [15].

Л.М. Рацова дает свое видение соотношения процесса социализации и адаптации, утверждая, что социализация представляет собой прежде всего общее направление развития личности, а адаптация связана с сообщением личности конкретной программы деятельности в определенном коллективе. При этом условием успешного протекания адаптации является наличие необходимого уровня социализации личности (соответствующих знаний, умений, навыков

и др., позволяющих адаптироваться человеку в определенных ситуациях), в то же время процесс адаптации — это определенный вклад в социализацию индивида. Л.М. Рацова отмечает значимость условий, формирующихся в процессе социализации, поскольку их отсутствие может не только затормозить, но и сделать невозможной адаптацию личности в той или иной среде. Она указывает на целесообразность изучения социальной среды, в которой будет осуществляться процесс адаптации, так как среда может либо соответствовать общему направлению социализации личности, либо препятствовать ему [1].

О.И. Зотова и И.К. Кряжева утверждают, что социализация личности — необходимое условие адаптации индивида в обществе и конкретном коллективе, но вместе с тем адаптация — это один из необходимых путей полной социализации личности [6].

Таким образом, можно отметить два значимых момента в соотношении процессов социализации и адаптации. Во-первых, благодаря этим процессам человек развивает свою личность, усваивает требования и нормы поведения, присущие обществу, овладевает жизненным опытом. Во-вторых, существует ряд различий между данными понятиями по содержанию, характеру и глубине изменений, происходящих в личности.

Ю.О. Яблонская выделяет следующие различия: 1) понятие «социализация» шире понятия «социальная адаптация», поскольку социализация представляется для личности глобальным процессом, а социальная адаптация разворачивается в достаточно определенных границах вхождения в новые социальные обстоятельства, новые социальные общества;

Таблица 1

Подходы к определению сущности процесса социальной адаптации

Ученые	Понятие процесса социальной адаптации
1	2
Д. А. Андреева	Процесс выработки оптимального режима целенаправленного функционирования личности, то есть приведение его в конкретных условиях времени в такое состояние, когда вся энергия, все физические и духовные силы личности направлены и расходуются только на выполнение ее основных задач
И. А. Милославова	Сложный противоречивый процесс, включающий в себя момент активности со стороны личности и сопровождающийся определенными сдвигами в ее структуре
А. В. Петровский	Усвоение действующих в обществе норм поведения и овладение соответствующими формами и средствами деятельности
Т. Г. Дичев	Процесс взаимодействия и взаимовлияния двух систем — социальной среды и личности, в результате чего происходит изменение в обеих системах
В. Я. Кравкин	Процесс активного освоения личностью новой социальной среды, связанной с усвоением знаний об окружающей ее действительности, приобретением умений и навыков в построении собственного образа жизнедеятельности, активным участием в общественной жизни, присвоением норм и ценностей
Б. Н. Алмазов	Уравновешенное состояние социальной действительности и социального в человеке
М. И. Скубий	Детерминированный социально-экономическим и политическим строем процесс взаимодействия субъекта с новой социальной средой, в ходе которого изменяются объективные и субъективные характеристики обеих сторон и тем самым обеспечивается эффективность их функционирования
Л. А. Гордон	Процесс психологического и поведенческого освоения меняющегося типа целостной системы общественных отношений

2) социальная адаптация — один из механизмов социализации; 3) личность в процессе социальной адаптации в большей степени выступает субъектом этого процесса, а в социализации она является объектом воздействия общества [18].

Современные отечественные ученые выделяют различные виды адаптации личности: социальная (Д.А. Андреева, И.А. Милославова, Л.Л. Шпак и др.); психологическая (А.Г. Абрумova, Ю.А. Александровский, В.Д. Тихоненко и пр.); социально-психологическая (Н.Н. Мельникова, А.А. Налчаджян, В.С. Олейников и др.); педагогическая (Б.А. Бенедиктова, Н.Ю. Бугримова). Анализ психолого-

педагогической литературы показал, что нет единства взглядов в понимании сущности социальной адаптации.

Из таблицы мы видим, что определения сущности процесса социальной адаптации весьма разнообразны. Однако несмотря на множественность трактовок этого феномена, можно выделить ряд общих положений:

- социальная адаптация возникает в результате взаимодействия и взаимовлияния двух систем (социальной среды и личности) и приводит к изменению и развитию в обеих системах;
- постоянная изменчивость условий социальной среды свидетельствует о не-

прерывности процесса адаптации;

- социальная адаптация имеет социально трансформированные способы и средства вхождения личности в изменившиеся социальные обстоятельства, поэтому качественно отличается от приспособительных механизмов в животном мире;

- социальная адаптация личности — динамичное явление, проходящее в своем функционировании ряд стадий, последовательность развёртывания которых различна;

- в общественной жизни социальная адаптация личности выступает фактором оптимизации и регуляции общения, условием и предпосылкой эффективности человеческой деятельности [2].

Ряд отечественных ученых (П.К. Анохин, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович) под психологической адаптацией понимают приспособление человека к условиям жизни на уровне психических процессов [16]. Мы считаем данную позицию в некоторой степени узкой, так как она не подразумевает внутреннего характера адаптации, а сводит адаптационный процесс к элементарному приспособлению.

А.Н. Макарова в своем исследовании под психологической адаптацией понимает процесс психологической включенности личности в системы социальных, социально-психологических, и профессионально-деятельностных связей и отношений, в исполнение соответствующих ролевых функций. Согласно А.Н. Макаровой, психологическая адаптация осуществляется путем усвоения норм и ценностей общества. Основное проявление этого феномена заключается во взаимодействии (в том числе общении) человека с окружающими людьми

и его активной деятельности. Важное средство достижения адаптации — образование и воспитание, а также трудовая и профессиональная подготовка. Процесс психологической адаптации личности характеризуется активностью человека, выраженной в целенаправленности его действий по преобразованию действительности, среды, как с использованием различных средств, так и с подчиненными ему приспособительными актами [9].

Ключевой момент указанной позиции состоит для нас в признании автором в качестве ведущих средств достижения успешности адаптационного процесса обучения и воспитания, а также необходимости активности личности в процессе адаптации.

Следует отметить позицию Г.И. Сибиной, рассматривающую психологическую адаптацию как процесс, возникающий в ответ на значительную новизну окружающей среды, включающий в себя мотивацию адаптивного поведения человека, формирование целей и программы поведения. С точки зрения автора, психологическая адаптация, будучи социально обусловленной общественным характером вызывающих ее изменений окружающей среды и человеческого сознания и психики, в свою очередь, через формирование целей и программы жизнедеятельности воздействует на эффективность адаптивной деятельности, а также придает ее динамике индивидуально-эмоциональную окраску [17].

Согласно исследованиям М.Е. Дуранова, педагогическую адаптацию следует рассматривать как вхождение личности в социокультурную среду, как процесс, в котором основные параметры со-

циальной характеристики личности приводятся в соответствие с новыми условиями образования [5].

А.Н. Макарова и Е.Е. Федорова под педагогической адаптацией личности понимают процесс ее взаимодействия с образовательным пространством, и выделяют два ее вида: 1) адаптация к учебно-профессиональной деятельности, потребностям изменившейся социальной среды; 2) адаптация как процесс формирования новых качеств личности, в том числе ее ориентация на профессионально значимые ценности.

В социальной педагогике адаптация рассматривается как развитие или восстановление утраченных ранее социальных связей индивида, широкого спектра отношений с людьми, к семье, самому себе, а также возвращение или принятие в мире нравственных ценностей важнейших видов человеческой деятельности, при этом она имеет свою специфику [9].

Мы полагаем, что наиболее емкое в педагогическом контексте определение адаптации учащихся дает Г.И. Симонова, определяя ее как процесс педагогически целесообразно организованного взаимодействия учащихся с новой социальной средой и как результат, характеризующийся их самоопределением, самоактуализацией, самоутверждением, саморазвитием и жизненной устойчивостью [17].

В отечественной психолого-педагогической литературе проблемой социально-психологической адаптации занимались такие ученые, как Н.А. Ермоленко, Р.У. Исмагилов, И.К. Кряжева, Н.Н. Мельникова, А.А. Налчаджян, Г.Г. Овчинникова, В.С. Олейников, А.А. Реан и др.

В современной науке существуют

два основных подхода к пониманию социально-психологической адаптации личности. Первый подход — *философско-социологический* (И.А. Милославова, В.В. Новиков, М.И. Субий и т. д.), в его рамках социально-психологическая адаптация понимается как аспект либо производственной (в случае адаптации к профессии), либо социальной (в случае адаптации к социуму) адаптации. При таком понимании адаптацию определяют два направления: адаптация к предмету труда и адаптация к отношениям в коллективе, под которой и понимают социально-психологическую адаптацию. В рамках второго подхода — *социально-психологического* — социально-психологическую адаптацию рассматривают не как аспект во всех ситуациях адаптации, а как самостоятельный процесс уравнивания внутренней среды человека как личности и социума, способствующий качественным изменениям взаимодействующих сторон (А.Д. Глоточкин, Э.В. Мусаева, Ж.Г. Сенюков и др.) [3]. Однако выделение границ, специфики, предметных областей социально-психологической адаптации не проводится. Нередко социально-психологическая адаптация отождествляется с адаптацией личности (психологической) в целом.

Г.Н. Филонов определяет социально-психологическую адаптацию как оптимизацию взаимоотношений личности и групп, сближение цели их деятельности, ценностных ориентаций, усвоение индивидом норм и традиций группы, вхождение в ее ролевую структуру [8].

Социально-психологическая адаптация, по определению О.И. Зотовой и И.К. Кряжевой, — это взаимодействие личности и социальной среды, которое приво-

дит к правильным соотношениям целей и ценностей личности и группы. Адаптация наступает тогда, когда социальная среда способствует реализации потребностей и стремлений личности, служит раскрытию ее индивидуальности [7].

На наш взгляд, общим звеном в указанных дефинициях является использование категории «взаимодействие» в определении сущности социально-психологической адаптации личности, свидетельствующее о возможных изменениях как адаптирующейся личности, так и группы (среды), к которой она адаптируется. При этом социально-психологическая адаптация личности может выступать одновременно и как аспект учебной, профессиональной, производственной адаптации, и как самостоятельный автономно происходящий процесс.

Стоит отметить позицию А.А. Налчаджяна, который полагает, что определение сущности социально-психологической адаптации личности возможно только на основе идеи онтогенетической социализации, рассмотренной нами ранее. Социально-психологическая адаптированность — такое состояние взаимоотношений личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою деятельность, удовлетворяет социальные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней группа, переживает состояние самоутверждения и свободного выражения творческих способностей. В свою очередь, адаптация — это социально-психологический процесс, который при благоприятном течении приводит личность к состоянию адаптированности [11].

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме социально-психологической адаптации личности позволяет определить следующие ее особенности:

- протекает в постоянно меняющейся среде;
- не имеет четких границ и развивается в течение всего онтогенетического развития человека;
- характеризуется индивидуальностью и уникальностью способов;
- имеет высокую степень реализации активной преобразовательной функции как личности, так и среды (существенная особенность данного процесса);
- подразумевает взаимодействие равноправных сторон — личности и среды, а не сводится к элементарному приспособлению;
- предполагает больше возможностей контроля и целенаправленной организации процесса со стороны личности;
- предусматривает в качестве основной цели не приспособление, а самореализацию личности.

Проанализировав все многообразие взглядов на проблему адаптации личности в отечественной психологии, можно сделать ряд выводов:

1. *Выявлена бинарная сущность адаптации личности, заключающаяся в единстве процессуальной и результирующей составляющей.* При этом адаптация личности как процесс предполагает взаимодействие индивида и той социальной среды, к которой он адаптируется (микросоциум, группы людей, институты общества и др.). Анализ процессуальной составляющей адаптации позволяет решать задачи по поиску оптимальных пу-

тей взаимодействия адаптирующейся личности и среды, и разрабатывать комплекс психолого-педагогических технологий (психолого-педагогическое сопровождение), направленных на оптимизацию адаптационного процесса. Результирующая составляющая рассматривается через призму категории «адаптированность», являющейся результатом адаптации личности. В свою очередь, адаптация — процесс социально-психологического взаимодействия, который при благоприятном течении приводит личность к состоянию адаптированности [10]. В этом случае динамика адаптации личности предполагает движение адаптирующейся личности, включающейся в процесс взаимодействия с новой средой, к адаптированной личности, находящейся в состоянии равновесия с этой средой.

2. *Ключевое понятие в теории адаптации — это «взаимодействие»*, оно основывается на четырех аспектах: 1) процесс адаптации всегда предполагает взаимодействие двух или нескольких систем; 2) взаимодействие разворачивается в особых условиях — условиях дисбаланса, несогласованности между системами; 3) основная цель такого взаимодействия — некоторая координация между системами, степень и характер которой могут варьироваться в достаточно широких пределах; 4) достижение цели предполагает изменения во взаимодействующих системах.

Взаимодействие — это категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосред-

ственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения, связи. Свойства объекта могут проявиться и быть познанными только во взаимодействии с другими объектами. Понятие взаимодействия носит объективный и универсальный характер. Каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и, как следствие, одновременно обратного влияния противоположной стороны. Взаимодействие обуславливает развитие объектов. Оно характеризуется как многокомпонентный процесс, включающий в себя взаимопознание, взаимопонимание, взаимоотношение, взаимные действия, взаимовлияние субъектов взаимодействия [13]. По нашему мнению, именно понятие взаимодействия наиболее точно отражает особенности протекания процесса адаптации.

3. *Идея активности личности в процессе адаптации.* Взаимодействие человека со средой происходит в различных формах. Следовательно, и процесс адаптации личности, основывающийся на понятии взаимодействия, имеет несколько форм проявления. Активная форма предполагает воздействие адаптирующейся личности на среду адаптации с целью ее изменить. На наш взгляд, именно такая форма способствует оптимизации адаптационного процесса и свидетельствует об истинной адаптации личности. Пассивная форма — отсутствие стремления воздействовать и изменять среду адаптации; конформное отношение к требованиям и нормам, предъявляемым к адаптирующейся личности. Мы считаем, что постоянное использование подобной формы в процессе адаптации приведет личность к состоянию лжеадаптации или дезадаптации.

4. *Взаимосвязь процессов адаптации и развития.* При достижении согласованности и гармонии в процессе адаптации происходит преодоление внутренних и внешних конфликтов, решение проблем, формирование личностных новообразований, приобретение знаний, умений, навыков, что свидетельствует о неразрывной связи, а также существенном пересечении процессов адаптации и развития. Наша точка зрения солидарна с позицией исследователей (А.В. Петровский, С.М. Редлих, А.Н. Ростовцев и др.), рассматривающих адаптацию как микроцикл в развитии личности, начало определенного периода ее развития, прохождение которого в значительной степени определяет характер дальнейшего личностного развития индивида [8]. Более того, мы полагаем, что одним из самых существенных результатов процесса адаптации является развитие личности, то есть адаптация всегда ведет за собой развитие, иначе следует говорить о дезадаптации/лжеадаптации личности.

5. *Адаптационные способности человека во многом зависят от психологических особенностей, качеств и свойств личности, определяющих возможность адекватной регуляции функционального состояния организма в разнообразных условиях жизнедеятельности.* Чем значительнее адаптационные способности, тем выше вероятность нормального функционирования организма и эффективной деятельности при увеличении интенсивности воздействия психогенных факторов внешней среды. Чем выше уровень их развития, тем выше вероятность успешной адаптации, и тем значительнее диапазон внешних факторов среды, к которым личность может

адаптироваться. Данные психологические особенности, свойства и качества личности взаимосвязаны и образуют одну из интегративных характеристик ее психического развития — адаптивность (личностный адаптационный потенциал). Адаптивность, на наш взгляд, представляет собой интегрирующее свойство адаптации личности к среде адаптации, высокий уровень которой обеспечивает успешное протекание процесса адаптации и соответственно высокую степень адаптированности индивида как результат адаптации.

Литература

1. *Бенедиктов Б.А., Бенедиктов С.Б.* Психология обучения и воспитания в высшей школе. — Минск: Вышэйшая школа, 1983. — 223 с.
2. *Варламова И.А.* Адаптация студентов младших курсов к профессиональному образованию в технических вузах: дис. ... канд. пед. наук. — Магнитогорск, 2006. — 188 с.
3. *Волкова М.Г.* Адаптация курсантов военного вуза в условиях изменения социальной среды: дис. ... канд. психол. наук. — Ярославль, 2003. — 239 с.
4. *Дорошенко Т.Е.* Социально-психологическая адаптация как фактор развития профессиональной Я-концепции студентов вуза: дис. ... канд. психол. наук. — Ставрополь, 2008. — 224 с.
5. *Дуранов М.Е.* Управление профессиональным образованием будущего специалиста в высшей школе (социокультурный аспект). — Челябинск: ЧГАКИ, 2006. — 337 с.
6. *Зотова О.И., Кряжева И.К.* Методы исследования социально-психологических аспектов адаптации личности // Методология и методы социальной психологии. — М.: Наука, 1977. — С. 219–232.
7. *Зотова О.И., Кряжева И.К.* Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции поведения. — М.: Просвещение, 1979. — С. 219–232.
8. *Кундозерова Л.И., Редлих С.М., Ростовцев А.И.* Проблемы социально-профессиональной адаптации. — Новокузнецк: НГПИ, 2001. — 230 с.
9. *Макарова А.Н.* Адаптация студентов к профессионально-педагогической деятельности в условиях многоуровневого образования: дис. ... канд. пед. наук. — Н. Новгород, 2005. — 189 с.
10. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в

экстремальных условиях // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — № 1. — С. 16–24.

11. Налчаджян А.А. Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1995. — 345 с.

12. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы, стратегии). — Ереван: Изд-во АН Армянский ССР, 1988. — 207 с.

13. Охремчук С.И. Социально-педагогическая адаптация курсантов в условиях высшего военного учебного заведения: дис. ... канд. пед. наук. — Магнитогорск, 2002. — 192 с.

14. Петровский А.В. Личность, деятельность, коллектив. — М.: Просвещение, 1982. — 255 с.

15. Психологические механизмы регуляции социального поведения / отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. — М.: Наука, 1979. — 335 с.

16. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. — СПб.: Речь, 2006. — 365 с.

17. Симонова Г.И. Педагогическое сопровождение социальной адаптации учащихся образовательных учреждений: теория и практика: дис. ... д-ра пед. наук. — Киров, 2006. — 425 с.

18. Яблонская Ю.А. Социально-педагогическая адаптация детей сирот в условиях учреждения НПО: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Челябинск, 1975. — 21 с.

«УРОВНЕВЫЙ» ПОДХОД В КЛАССИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТЕЙ А. Ф. ЛАЗУРСКОГО И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В. А. Урываев

Аннотация: в публикации рассматриваются перспективы использования в правоприменительной деятельности (криминология, судебная экспертиза, работа с кадрами) первой отечественной концепции личности, разработанной А.Ф. Лазурским.

Ключевые слова: теория личности А.Ф. Лазурского, уровень личности, личность преступника, извращенная личность, судебная экспертиза, отбор кадров.

Summary: the article considered an opportunity of first native personality conception of A.F. Lazurski using in judicial practice (criminal law, legal expertise, the work with personnel).

Keywords: personality theory of A.F. Lazurski, personality level, the personality of criminal, perversive personality, legal expertise, manpower deployment.

Несмотря на высокую оценку вклада А.Ф. Лазурского в развитие психологии личности целым рядом ведущих специалистов (Б.Ф. Ломов, 1984; Ю.Б. Гиппенрейтер, 1988; А.В. Брушлинский и соавт., 1997; В.А. Аверин, 2002 и др.), его концепция личности, к сожалению, практически упущена в современных курсах психологии. Вместе с тем профессор Д.А. Леонтьев дает превосходную оценку теории личности А.Ф. Лазурского, «... которая при пристальном анализе оказывается не только первой полноценной теорией личности в отечественной психологии, но и практически первой в мире» [4, с. 8]. Мы не просто соглашаемся с оценкой Д.А. Леонтьева, но полагаем, что вклад А.Ф. Лазурского не только исторический. Мы убеждены, основываясь на практике работы в правоприменительной системе, что концепция личности А.Ф. Лазурского, созданная поч-

Общепсихологический аспект анализа теории

Качественная характеристика уровня ▼	Основные типологии Личностей ▼
Приспосабливающие	Духовно-нравственная типология личностей
Приспособившиеся успешно	Социально-психологическая типология личностей
Адаптирующиеся с трудом	Конституционально-типологическая типология личностей

Рис. 1. Сопоставление «уровневой» концепции подхода к классификации личностей А.Ф. Лазурского с современными типологиями

ти столетие назад, имеет не до конца исчерпанный объяснительный потенциал, актуальный и в настоящее время.

Первым принципиальным положением классификации личностей А.Ф. Лазурского нам представляется допущение, что люди психологически не равны, имеют различный психологический потенциал. «При нормальных внешних условиях и соответствующем воспитании и образовании уровень этот определяется, как уже сказано, природной одаренностью человека, сводящейся, в конце концов, к общему (потенциальному) запасу его нервно-психической энергии или, употребляя другой термин, к присущему ему большему или меньшему количеству психической активности» [3, с. 12].

Второй важнейший аспект — повышение уровня соответствует усилению волевой активности личности. Обращение к феноменам воли как системообразующим факторам становления личности согласно нашим представлениям привносит в понимание личности именно те акценты, которые нам важны для понимания ее поступков в реальной действительности.

Третий важнейший аспект — постулируется смена основания для классификации личностей при повышении уровня (рис. 1).

Нам представляется, что данное решение — принципиальный отказ от построения единой для всех теории личности — является революционной идеей для психологической науки. Идеей, к сожалению, не замеченной, незаслуженно забытой, не обсуждаемой до сих пор. Не обсуждается и идея смены системообразующего фактора на каждом из уровней.

Вместо абстрактной личности мы видим, сообразно уровню общеадаптационных способностей, три ряда (регистра) личностей.

1. Ряд личностей *приспосабливающихся*. Их потенциал относительно невысок. Основа для классификации на этом уровне — конституционально-типологический подход, с его проблемами темпераментов, дисгармоничных характеров и акцентуаций. Личность зреет не столько под влиянием социума, сколько под формирующим влиянием внутренних (генетически детерминированных) факторов, складывается де-факто вокруг наиболее выдающейся

черты, особенности, способности. Личность довольно хорошо типологически описывается, прочитывается и просчитывается.

2. Ряд личностей *хорошо приспособляющихся* — вводится уже социально-психологическое основание типологии. Здесь же находят место и проблемы адаптации личности к производительному труду и невротические коллизии дезадаптации (к этому уровню смело можно отнести «теорию черт», «характерологию» Э. Фромма и др.). Подчеркнем, как раз на данном уровне А.Ф. Лазурским и описано наибольшее число различных типов личности, включая смешанные.

3. Высший уровень — ряд личностей *приспосабливающих* — основу типологии составляет классификация видов общественно значимой активности («знания» с подвидами «индуктивное» и «дедуктивное»; «красота», «общественность», «внешняя деятельность, инициатива», «власть, борьба», «система, организация», «смешанные типы»). В примерах, иллюстрирующих типологию этого уровня, мы видим людей, опережающих свое время и взваливающих на себя колоссальное бремя ответственности, просто недоступное предыдущим уровням. Предыдущие основания для типологии личностей на этом уровне не работают.

Ю.Б. Гиппенрейтер замечает, «...что переходя от низшего уровня к высшему, А.Ф. Лазурский исключает из описания индивидуальности черты характера, заменяя их свойствами личности» [1, с. 278].

Четвертый аспект — нефаталистический характер типологии.

В послесловии А.В. Брушлинского, В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника [3, с. 437] подчеркивается эта особенность

теории личности А.Ф. Лазурского — ее НЕФАТАЛИСТИЧЕСКИЙ характер и постулирование примата духовного. Человек не предопределен наследственной конституцией (или общественными условиями) жить на том или ином «уровне». По А.Ф. Лазурскому, человеку присуще стремление к повышению своего уровня: «...в качестве критерия... оценки необходимо выставить... большую или меньшую ТЕНДЕНЦИЮ К ПОВЫШЕНИЮ ПСИХИЧЕСКОГО УРОВНЯ (выделено А.Л.), большее или меньшее стремление к совершенствованию. Если ни один человек не может дать в своих психических проявлениях больше того, что в него вложено от природы (прирожденные особенности нервно-психической организации), то зато имеющиеся от природы духовные силы могут или остаться неразвитыми, в зачаточном состоянии, или, наоборот, развернуться *ad maximum* как в количественном, так и в качественном отношении. И ЭТОТ ИМЕННО «СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ» (выделено В.У.), это стремление к возможно более полному и всестороннему развитию и проявлению своих духовных сил мы считаем одинаково ценным, будет ли оно проявляться в яркой и разнообразной психике богато одаренного человека, или же в бедной примитивной душе индивидуума, принадлежащего к низшему психическому уровню» [3, с. 20].

С рассматриваемой позиции имеющие различный адаптационный потенциал личности по-разному будут строить свои стратегии и в части выбора вариантов отклоняющегося (преступного) поведения. Помимо этого общего положения, в работах А.Ф. Лазурского сформулирована и концепция извращенных личностей (рис. 2).

Криминологический аспект использования теории

Извращенные личности (по А.Ф. Лазурскому) ▼	Криминологическая квалификация преступной деятельности ▼
Антисоциальные типы (в широком смысле слова)	Профессиональная преступность (часто «заказчики»)*
Лицемерные, властные извращенные	Групповые преступления (часто «организаторы») * *
Насильники, расчетливые эгоисты	Насильственные, корыстные преступления (часто «исполнители») * * *

Рис. 2. Сопоставление «уровневой» концепции подхода к классификации извращенных личностей А.Ф. Лазурского с подходом, представленным в работах, цитируемых В. Фоксом [6, с. 259]:

* крайне высокая вероятность встречи с типами, отлично разбирающимися в механизмах жизнедеятельности общества;

* * растущий эгоизм, потакание собственным слабостям, податливость деформирующему влиянию макро- и микросреды;

* * * крайне часты недостатки социализации личности вследствие природной неполноценности

В отношении их определения и дифференцировки от других дезадаптивных форм поведения, автор пишет: «Возникает естественно проблема разделения понятий и признаков невроза и извращения. Не входя в специальное обсуждение этого вопроса, отметим тот факт, что, если и то и другое в биологической перспективе является известной формой приспособления и уравновешения, то в неврозе и психозе, в согласии с воззрениями новейшего времени, усматривается отказ от внешней реальности (бегство в болезнь — freud, аутизм — bleuler), пренебрежение к ее требованиям, в также поиски равновесия в сфере субъективных переживаний и субъективной реальности; в извращении же контакт с внешней средой сохраняется в приспособлении к ней, личность руководится логикой реальности, только способ и направление приспособле-

ния обычно имеет в этом случае характер антисоциальный» [3, с. 213].

Четыре эффекта подчеркивает А.Ф. Лазурский в вопросе об извращенных личностях.

Во-первых, «...извращение, идя далеко вглубь, расщепляет личность, уничтожает координированность ее проявлений, влечет за собой оскудение».

Во-вторых, «...на высшем уровне извращение сказывается уже тогда, когда не отразившись на формальной структуре личности, оно коснется динамики соотношений ее со средой, направления и способов ее деятельности».

В-третьих, «...извращение эгоцентрирует личность. Высший тип характеризует направленность на сверхличные цели, что справедливо отмечает Н.О. Лосский» (при извращении же — вплоть до идей сверхличности - примечание — В.У.).

Использование концепции А.Ф. Лазурского в работе с персоналом

Качественная характеристика уровня личности ▼	Основные требования к уровню регуляции системы управления ▼
Приспосабливающие	Управление (развитие организации)
Приспособившиеся успешно	Администрирование (обеспечение стабильности работы организации)
Адаптирующиеся с трудом	Воспроизводство (поддержание качества работы элементов системы)

Рис. 3. Сопоставление «уровневой» концепции подхода к классификации личностей А.Ф. Лазурского с современными требованиями системного подхода в управлении [2, с. 107]

В-четвертых, в отношении высшего уровня: «...представляется возможным идеалы по степени их охраняющей личность значения расположить в убывающем порядке следующим образом: альтуизм, религия, знание, красота, общество (государство), система (организация), внешняя деятельность, инициатива и власть (борьба)». [3, с. 215]. Как мы видим, знание — не может служить существенным препятствием для развития порока, оно уступает и альтуизму и религии.

Принятие на вооружение современными психологами взглядов А.Ф. Лазурского, в частности, позволяет экспертной практике:

- во-первых, точнее охарактеризовать роль собственно социальных факторов в организации деятельности личностей разных уровней;

- во-вторых, значительно улучшить прогноз, являющийся обязательной частью диагноза;

- в-третьих, оказывать существенное влияние на волевую регуляцию поведения и деятельности, включая содержательные стороны, посредством уровня личности;

- в-четвертых, реализовать новые возможности понимания отклоняющегося поведения на базе концепции, объединяющей в одном подходе здоровье, болезнь, асоциальное и антисоциальное поведение.

Проблемы аттестации кадров и критерии отбора резерва на руководящие должности не теряют актуальности во все периоды их обсуждения. На этом фоне подход, базирующийся на концепции А.Ф. Лазурского, полностью себя оправдал. В проведенном нами диссертационном исследовании резерва на должность начальников горрайорганов безусловный приоритет подтвердили сотрудники, имеющие более высокие оценки по общему психическому уровню. Сопоставлялись показатели сформированности индивидуальной управленческой концепции и характеристики личности, выстроенные в систему оценки на базе представлений об уровне личности А.Ф. Лазурского (рис. 3).

В менеджменте известна притча о том, как ответили на вопрос: «Чем Вы занимаетесь?» трое рабочих, возивших песок на строительстве церкви. Один сказал: «Вожу песок», второй ответил: «За-

рабатываю деньги», третий произнес: «Строю собор»... Приведенная метафора хорошо иллюстрирует важность выявления не только когнитивных, но и личностных предпосылок развернутого видения проблем управления.

Приведем (схематично), основные позиции, выделяемые А.Ф. Лазурским в оценке уровня личности (заметим, что если придерживаться данной схемы, то обнаруживается чрезвычайно лаконичная и емкая характеристика кандидата на должность): 1) широта интересов; 2) высшие достижения в сфере профессиональной деятельности; 3) гармоничность личности; 4) сознательность, идейность; 5) стремление к повышению своего уровня.

Таким образом, работа А.Ф. Лазурского по созданию оригинальной концепции личности, не завершенная им при жизни (1874–1917), на наш взгляд,

должна быть продолжена в настоящее время, поскольку не утерян ее объяснительный потенциал. Напротив, с годами все отчетливей вырисовывается богатство ее объяснительных возможностей.

Литература

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988.

2. Исаенко А.Н. Кадры управления в корпорациях США. — М.: Наук а, 1988.

3. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. — М.: Наука, 1997.

4. Леонтьев Д.А. Теория личности А.Ф. Лазурского: от наклонностей к отношениям // Методология и история психологии. — Вып. 4. — 2008. — Т. 3. — С. 7–20.

5. Урываев В.А. «Классификация личностей А.Ф. Лазурского» — теория личности, опередившая время // Психология: современные направления междисциплинарных исследований: материалы науч. конф., посвященной памяти члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского (8 окт. 2002 г.). — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2003. — С. 478–487.

6. Фокс В. Введение в криминологию / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1985.

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ОСУЖДЕННЫХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА*

Т. Н. Савченко, Г. М. Головина

Аннотация: в работе описаны подходы к моделированию взаимодействия человека, находящегося в закрытой среде с интеллектуальной информационной средой. Исследуется влияние информационной среды на удовлетворенность жизнью и субъективное качество жизни осужденных, вовлеченных во взаимодействие с данной средой.

Ключевые слова: закрытая среда, интеллектуальная информационная среда, ценности, субъективное качество жизни осужденных.

Summary: in work approaches to modeling of interaction of the person being in the «closed» environment with «intellectual information» are described. Influence of the information environment on satisfaction with life and subjective quality of life condemned, involved in interaction with this environment is investigated.

Keywords: the closed environment, the intellectual information environment, values, subjective quality of life of the condemned.

В отечественной и зарубежной литературе получили довольно широкое освещение вопросы влияния информационных факторов на деятельность человека и его состояние (В.А. Бодров, В.Ф. Венда, Б.М. Величковский, А.И. Галлактионов, Н.Д. Завалова, Г.М. Зараковский, В.П. Зинченко, В.В. Лапа, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко, Р. Hockey, E. Hubbard, D. Salvendy, C. Wickens и др.).

Проблема взаимодействия человека с интеллектуальной информационной средой приобретает все большую научную и практическую значимость. Интеллектуальная информационная среда является естественным развитием электронных, информационных и коммуникационных технологий. В настоящее время большинство профессиональных и домашних систем передачи и обработки цифровой аудио- и видеoinформации подключены к глобальным информационным сетям (например, Интернет). В повседневной жизни человек широко использует всевозможные электронные устройства с возможностью доступа к разнообразным информационным ресурсам. Интеллектуальная информационная среда оказывает воздействие на жизнь каждого человека, независимо от того, вовлечен он в непосредственное взаимодействие с ней или нет. Рост количества социальных сетей, информационных и коммуникационных систем, а также числа их пользователей обуславливают актуальность данной темы исследования.

В зарубежных научных центрах все большее количество исследований посвящается вопросам взаимодействия человека с интеллектуальной информационной средой, в частности с социальными сетями. Большое внимание уделяется вопросам разработки и внедрения интеллектуальных агентов в среду обитания человека. Под термином «ин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Грант 12-06-12058-в) и РФФИ (Грант 11-07-00720-а).

теллеktуальный агент» (в рамках данной статьи) мы будем понимать некоторый программный модуль, осуществляющий мониторинг (наблюдение за окружающей средой), способный к обучению и действующий в среде, при этом его поведение рационально в том смысле, что его действия всегда направлены на достижение какой-либо цели. Для определения интеллектуальности программного модуля с помощью теста Тьюринга (Turing, 1950) проводится сравнение поведения (взаимодействия с окружающей средой) человека с поведением агента в аналогичных условиях. Исследования корпорации Intel показывают, что в странах Евросоюза доля интеллектуальных электронных устройств с каждым годом неуклонно растет. Все больше используется интеллектуальных информационных технологий при создании не только электронных устройств, но и инженерных систем (например, систем отопления или вентиляции). Большинство европейских офисных или жилых зданий и сооружений уже оснащены интеллектуальными, экологичными и экономичными системами жизнеобеспечения. Эти исследования стимулируют Intel на создание интеллектуального центра, который позволит обеспечить контроль и мониторинг инженерных систем. Компания LG также активно разрабатывает концепцию современной интеллектуальной среды обитания. Интеллектуальная среда воспринимается специалистами компании как совокупность электронных интернет-устройств под общим названием Dream Home products. Компания Apple в рамках создания интеллектуальной среды обитания разрабатывает совокупность взаимосвязанных мультимедийных электронных устройств, каж-

дый из которых будет отвечать за выполнение определенной функции или предоставление того или иного сервиса. Поставщик услуг мобильной связи Orange использует экспериментальный подход к разработке концепции современной жилой среды — Оранжевый умный дом (Orange Intelligent Home). При разработке и проектировании интеллектуальной среды в качестве интерфейса используются методы распознавания речи, компьютерные методики обработки текстовых сообщений с последующим синтезом речи, различные технологии создания трехмерных изображений. Каждый из этих проектов представляет собой комплексное решение по внедрению интеллектуальных агентов в среду обитания человека.

Взаимодействие человека с интеллектуальной информационной средой мы будем рассматривать как взаимодействие пользователя посредством некоторого электронного устройства (например, компьютера) с некоторой информационной системой. Традиционно для описания взаимодействия пользователя посредством компьютера с чем-либо используется термин «человеко-компьютерное взаимодействие».

Наша статья посвящена вопросам исследования взаимодействия человека с интеллектуальной информационной средой, и компьютер (или иное электронное устройство) является лишь инструментом этого взаимодействия.

В целях изучения взаимодействия в системе «человек — интеллектуальная информационная среда» было проведено исследование структуры и характеристик информационных потоков, а также их взаимосвязи с восприятием субъектом качества жизни и стилем его пове-

дения. Изучение психологических механизмов этого взаимодействия может служить основой создания комфортных условий для жизни и деятельности человека, позволит создать методики проектирования удобной и безопасной информационной среды.

На основании проведенных ранее исследований взаимосвязи субъективного качества жизни человека с его отношением к информационным системам была разработана модель взаимодействия человека с интеллектуальной информационной средой [3].

Модель включает структуру и характеристики информационных потоков в этом взаимодействии, а само оно представлено как процесс обмена информацией между человеком и некоторой интеллектуальной информационной системой. Этот процесс был описан в виде конечного цикла: человек инициирует процесс, вводит информацию, получает (посредством пользовательского интерфейса) информацию, анализирует ее, принимает решение и снова вводит информацию и т. д. Принятая и введенная пользователем информация оценивалась качественно и количественно. Для формализованного описания и количественной оценки информационного взаимодействия человека с интеллектуальной информационной средой использовались следующие математические методы и теории: теория информации, теория массового обслуживания, теория игр. Кроме того, в модели для учета ограниченных возможностей человека по приему и преобразованию информации использовался ресурсный подход. В рамках этого подхода предполагается, что возможности пользователя по приему, передаче и обработке информа-

ции являются в каждый конкретный момент времени изменяющимися, но ограниченными. Учет в модели так называемых ресурсоподобных свойств позволяет, во-первых, отразить ограниченность средств обработки информации, которыми располагает человек, во-вторых, показать возможности гибкого распределения и перераспределения человеком этих средств между разными этапами, стадиями, каналами, уровнями в ходе преобразования информации.

Исследования восприятия интеллектуальной среды проводились нами в социумах, которые можно было отнести к открытым системам. В нашей работе мы поставили цель — изучить структуру субъективного качества жизни людей (в которую входит интеллектуально-информационная составляющая), основная жизнедеятельность которых на больших отрезках времени определяется степенью закрытости социума, что позволяет свести влияние внешней среды к минимуму. Что же такое закрытая система?

В предыдущей работе Д.В. Сочивко, Т.Н. Савченко и Г.М. Головиной приводится сравнительный анализ понятий закрытости, замкнутости, изолированности [6]. Ввиду того, что нас интересовало формальное определение этих понятий, мы обратились к теории систем.

Центральным понятием в теории систем, системного анализа является понятие системы. Существует много определений систем.

Система — совокупность частей или компонентов, связанных между собой организационно. Под системой может пониматься естественное соединение составных частей, самостоятельно существующих в природе, а также нечто

абстрактное, порожденное воображением человека. Эти определения аккумулируют как определение системы, так и ее свойства. Р. Акоффа и Ф. Эмери понимают систему как множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любые подмножества этого множества не могут быть независимыми. А.И. Уемов останавливается на следующих определениях системы: 1) множество объектов, на котором реализуется определенное отношение с фиксированными свойствами; 2) множество объектов, которые обладают заранее определенными свойствами с фиксированными между ними отношениями.

Свойства области существования системы и накладываемые на нее ограничения определяют научный подход и методологию, которые должны быть использованы при изучении системы.

Можно выделить абстрактные и конкретные системы. Все абстрактные системы являются неживыми, в то время как конкретные системы могут быть живыми, и неживыми.

Особое значение с точки зрения проведения эксперимента имеет свойство замкнутости, закрытости системы. Деление систем на открытые и замкнутые — важное основание классификации систем. Система замкнутая, если у нее нет окружающей среды, то есть внешних контактирующих с ней систем. К замкнутым системам относятся те системы, на которые внешние системы не оказывают существенного влияния, у которых отсутствует обмен материей, энергией и информацией с окружающей средой.

В закрытой системе (частично изо-

лированной) отсутствует обмен материей с окружающей средой, однако возможен обмен энергией и информацией. В полностью изолированной системе отсутствует и обмен энергией, а в замкнутой — еще и обмен информацией.

Различие между открытыми и замкнутыми системами — это основной момент в понимании фундаментальных принципов общей теории систем. Если рассматривать открытые системы как замкнутые, не принимая во внимание влияние окружающей среды (модельно ограничить ее влияние), можно получить искаженные результаты. Большинство живых систем можно отнести к открытым системам. Неживые системы являются относительно замкнутыми; наличие обратной связи наделяет их некоторыми свойствами живых систем, связанными с состоянием равновесия.

Ранее Д.В. Сочивко, Т.Н. Савченко и Г.М. Головиной анализировались системы с различной степенью закрытости [6]. К частично изолированным живым системам с различной степенью закрытости в смысле социально-психологического взаимодействия были отнесены система исправительных учреждений и система обучения курсантов Академии ФСИН России, а к замкнутым — некоторые структуры особо строгого режима.

Такой подход к этим структурам и учреждениям дает нам возможность при обращении к ним построить исследование живых естественных систем по плану, приближенному к истинно экспериментальному, что важно для построения достаточно строгих исследований в естественной среде. В последние годы в отечественной экспериментальной психологии уменьшилось количество лабо-

раторных экспериментов, при этом возросло число эмпирических исследований в естественных средах. В связи с этим возможность построения эксперимента, приближенного к истинному экспериментальному плану, в естественной среде приобретает особое значение.

По степени закрытости различаются среды осужденных и сотрудников исправительных учреждений. Осужденные находятся в колонии постоянно, для работающих осужденных предусмотрен отпуск раз в год на 10 дней, если они осуждены по статье за тяжкое преступление (на практике применяется не очень часто). Сотрудники живут в поселке, обычно окружающем исправительное учреждение, имеют довольно напряженный график работы, за что получают специальную доплату. Таким образом, их контакты за пределами работы и поселка весьма ограничены. В целом можно сказать, что ИУ для сотрудников, и тем более для осужденных, представляет собой (хотя и в разной степени) закрытую систему.

Понятие качества жизни (КЖ) социально-экономической среды жизни людей. Качество жизни выступает как функция следующих параметров: психическое здоровье, рождение, смертность, количество больниц, количество медицинского персонала, курение, потребление алкоголя, наркотиков, государственные ассигнования на лечение, средний уровень потребления и др. Каждому из перечисленных параметров придается условный вес и с помощью теории игр выводятся индикаторы, представленные в виде риска или оценки здоровья.

Наиболее показательными являются индексы роста государственных вложений в лечение и питание населения,

сравненные со смертностью и заболеваемостью людей [4]. Другой распространенный подход — выяснение сущности понятия качества жизни на основе социологических опросов, то есть качество жизни рассматривается как субъективный показатель. Близкое совпадение жизненных стереотипов и возможности их реализации дает максимум этого качества. Оба эти подхода в отдельности не дают желаемого результата. Необходим интегративный подход, который будет включать изучение как объективных, так и субъективных показателей, определяющих понятие «качество жизни». Проблема качества жизни актуальна в тех обществах или общественных группах, уровень жизни которых в целом удовлетворительный, когда проблема физического выживания не стоит столь остро.

Разрабатываемая в последнее время концепция качества жизни связана с изучением социально-психологических механизмов, опосредующих реальное удовлетворение жизнью, с изучением когнитивного, аффективного компонентов КЖ. В России лишь намечаются пути систематизации и интеграции знаний с целью дальнейшей разработки концепции КЖ. Существуют различные трактовки КЖ, включающие психологическую составляющую, и в соответствии с этим разрабатываются различные критерии и методы его оценки. (Г.М. Зарковский, Е.В. и А.А. Давыдовы, В.А. Хашченко, И.А. Джидарьян, А.Л. Журавлев, К.А. Абульханова-Славская и др.).

Изучение КЖ проводится в лаборатории математической психологии Института психологии РАН с 1995 г. [2]. За это время определено понятие качества жизни как интегрального показателя, который включает в себя объектив-

ные и субъективные параметры. К первым относятся рекомендуемые Госкомстатом показатели уровня жизни; ко вторым — ценностные ориентации, потребности, то есть восприятие субъектом качества своей жизни через личностные структуры. Исследования направлены на изучение субъективного восприятия качества жизни, в результате разработана методика оценки параметров КЖ. Построена модель динамики КЖ и психологического статуса, с помощью которой можно прогнозировать удовлетворенность жизнью и тенденции к появлению внутриличностного конфликта в зависимости от изменения структуры качества жизни (Савченко, Головина, 2006; Савченко, Соколов, 2002; Головина, 2003).

В своих исследованиях субъективного КЖ в качестве методологической основы мы использовали: системный подход; субъектный подход; принцип моделирования; макро-микродинамический подход (Савченко, 2005).

Нами было введено операциональное определение КЖ как интегративного показателя жизнедеятельности людей, который включает в себя как объективные, так и субъективные показатели (Головина, 2002; Савченко, Головина, 2007). Объективные показатели характеризуют уровень жизнедеятельности (уровень жизни) конкретного человека или общества, субъективные показатели — степень удовлетворения его потребностей и ценностных структур различного уровня.

В работах проведено исследование субъективного качества жизни (СКЖ) в связи с информационным взаимодействием человека с интеллектуальной информационной средой [3]. Опишем под-

робно эту работу, так как это исследование позволило сформулировать этапы нового исследования и моделирования взаимодействия заключенных с ИИС.

Использовались следующие методики:

1. *Субъективное качество жизни*

Под субъективным качеством жизни понимается степень соответствия оценок реального и желаемого качества жизни респондента. СКЖ вычисляется как среднее взвешенное отклонение субъективных оценок реального КЖ от желаемого КЖ по каждому понятию, входящему в структуру СКЖ. Для того чтобы высокие значения показателей СКЖ соответствовали более высокому уровню удовлетворенности жизнью, отклонения по каждому понятию вычитаются из максимального балла оценок.

Респонденты оценивают субъективную значимость каждого понятия (ценности) по 10-балльной шкале.

Ценности, входящие в представленную методику, можно разделить на четыре составляющих: когнитивный компонент, эмоциональный компонент, социальное благополучие и здоровый образ жизни (физическое благополучие).

Когнитивный компонент включает в себя: высшее образование, отношение к профессии, достойный круг общения, самоуважение, уважение окружающих и личностная свобода.

Эмоциональный компонент состоит из таких категорий, как: развлечения, любовь, духовные ценности, отношение к домашним животным.

Социальное благополучие представлено уверенностью в завтрашнем дне, стабильной обстановкой в стране, работой, наличием своего жилья, материальным достатком.

Здоровый образ жизни объединяет такие ценности, как здоровье, экология, спорт, питание, полноценный отдых.

Следует заметить, что при проведении факторного анализа объединенных выборок многочисленных исследований обычно выделяются приведенные факторы. Для различных страт описанные компоненты входят в СКЖ с различными весами.

Исходя из того что многочисленные исследования показали, что СКЖ связано с мотивацией, можно предположить, что уровень СКЖ детерминирует мотивацию к жизни. Иными словами, норма СКЖ говорит о существовании мотивации к жизни, а низкие значения — о депрессивном состоянии и отсутствии жизненных стимулов.

2. Анкета-опросник «Отношение к взаимодействию с электронно-информационной системой».

В разработанной авторами анкете предлагалось оценить взаимодействие респондента со следующими системами:

1) информационной системой (системой бронирования билетов, платежным терминалом);

2) поисковой информационной системой (Google, Яндекс);

3) социальной сетью.

Исследование проводилось на выборке респондентов разных возрастов. Проведенный анализ показал, что в данной выборке такие составляющие СКЖ, как социальное благополучие и здоровый образ жизни, не оказывают влияние на отношение респондентов к информационным системам, а когнитивный и эмоциональный компоненты являются системообразующими факторами. Их сочетание позволило выделить четыре класса.

Кластеры респондентов:

1) с высокими значениями когнитивных параметров СКЖ и высокими значениями параметров эмоциональности. Отношение этих людей к информационным системам (ИС) неустойчиво: отвергая сначала, возможно придут к использованию ИС позже;

2) с высокими значениями когнитивных параметров СКЖ и низкими значениями параметров эмоциональности. Эти люди приветствуют информационные системы и активно их используют;

3) с низкими значениями когнитивных параметров СКЖ и низкими значениями параметров эмоциональности. Отношение этих людей к информационным системам индифферентно (оно зависит от условий их жизнедеятельности);

4) с низкими значениями когнитивных параметров СКЖ и высокими значениями параметров эмоциональности. Эти респонденты активно не принимают информационные системы.

Для выявления влияния факторов интеллектуальной информационной среды на восприятие качества жизни в закрытой среде предполагается провести аналогичное исследование на выборке осужденных. В предыдущей работе для проведения эмпирических исследований СКЖ личности в разных по качеству жизни условиях были выбраны следующие группы испытуемых: обучающиеся в военизированном учебном заведении, курсанты первого и четвертого курсов, осужденные и сотрудники колонии строгого режима [6].

Сравнение средних показателей реального и идеального качества жизни в разных по степени социальной закрытости группах испытуемых показало: наиболее открытая социальная система —

военизированное высшее учебное заведение (но более закрытая, чем обычный вуз) — отличается тем, что обе группы обучающихся (разной степени закрытости) не показывают значимых различий реального и идеального КЖ в группах студентов первого и четвертого курсов. Тем не менее и реальные и желаемые оценки качества своей жизни значимо ниже у осужденных, чем у сотрудников и курсантов.

Различие в оценках осужденных и других групп имеет много причин, в том числе психологических, связанных с переживаниями ограничения свободы, бесправности, добавляющихся к той причине, которую мы исследуем, а именно социальной закрытости. Вычленить ее достаточно трудно. Однако тот факт, что оценки идеального качества жизни существенно отличаются от оценок реального, может быть приписан именно социальной закрытости системы, так как это то немногое, что является общим и у осужденных, и у сотрудников, работающих на территории исправительного учреждения.

Для нашего дальнейшего исследования важны также низкие оценки идеального (желаемого) качества жизни осужденных. Похоже, что осужденных не интересует (или они не имеют информации) о таких параметрах качества жизни, как экология, спорт, обстановка в стране, работа, общение, духовные ценности.

Подобная парадоксальная для человека в открытой среде картина, вероятно, будет мешать адаптации к жизни в ней бывших заключенных. С помощью развитой информационной среды можно повысить интерес к жизни и привлекательность некоторых ее субъективно значимых ценностей.

Таким образом, в статье рассмотрены вопросы взаимодействия человека, находящегося в закрытой среде, с интеллектуальной информационной средой. Намечены подходы и разработаны этапы исследования субъективного качества жизни осужденных в контексте этого взаимодействия. Изучение психологических механизмов субъективного качества жизни в контексте взаимодействия человека с интеллектуальной информационной средой является актуальной научной задачей и служит основой для создания комфортных условий для жизни и деятельности человека.

Литература

1. Баканов А.С. Особенности психологического подхода к моделированию человеко-компьютерного взаимодействия // Вестник ГУУ. — 2009. — № 6. — С. 15–18.
2. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Влияние экономического фактора на субъективное качество жизни // Проблемы экономической психологии. Т. 1 / под ред. А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко. — М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
3. Интеллектуальная информационная среда обитания и субъективное качество жизни человека / Т.Н. Савченко, Г.М. Головина, А.С. Баканов [и др.] // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: тр. ИП РАН / под ред. В.А. Бодрова и А.Л. Журавлева. — М.: Изд-во ИП РАН, 2012.
4. Мичелос А.С. Смертность, заболеваемость и медицинская помощь (качество жизни в Канаде и США) // Медицинская география: XXIII Международный географ. конгресс. — М., 1976. — С. 88–89.
5. Савченко Т.Н., Головина Г.М., Сочивко Д.В. Моделирование субъективного качества жизни различных «замкнутых» социосистем // Психологические проблемы современного российского общества / под ред. А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко. — М.: Изд-во ИП РАН, 2012. — С. 248–271.
6. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 8–22.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ — БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ О ЖЕРТВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. В. Молоствов

Аннотация: в статье рассматриваются специфические особенности представлений осужденных — бывших сотрудников правоохранительных органов о жертвах преступлений.

Ключевые слова: социальные представления, личность осужденных — бывших сотрудников правоохранительных органов, образ жертвы преступления.

Summary: this paper discusses the specific features of representations of convicted former employees of law enforcement bodies of the victims of crime.

Keywords: social representations, personality sentenced former law enforcement officers, the image of the victim.

Подавляющее большинство преступлений возникает при взаимодействии преступника и жертвы. Познание механизма взаимодействия людей (преступника и жертвы) возможно на основе понимания содержания и динамики их представлений друг о друге. Представления преступника о жертвах своего преступления часто являются ложными, стереотипными, ведущими к деиндивидуализации личности жертв, что способствует самооправданию преступником своего поведения и снижает эффективность исправительного воздействия на него в процессе реализации наказания.

Конфликт преступника и жертвы является ярким следствием неконструктивности представлений преступника

о жертве. Учитывая особенности представлений осужденного о жертве своего преступления, мы можем побуждать его к освоению конструктивных образцов взаимодействия с другими людьми, в которых они не рассматривались бы как потенциальные жертвы.

В данном контексте исследование психологических характеристик представлений осужденных — бывших сотрудников правоохранительных органов (ПО) о жертвах преступлений — одно из перспективных направлений изучения психологических причин совершения сотрудниками ПО преступлений, позволяющее совершенствовать программы психологической коррекции личности осужденных за счет коррекции их представлений о жертвах преступлений.

Для выяснения специфики содержания представлений — бывших сотрудников ПО о жертвах преступлений в батарею методик нами была добавлена анкета, составленная на основе интервью с осужденными.

Предложенная анкета состояла из 15 стереотипных утверждений о жертвах с униполярными шкалами, имеющими семизначную градацию — от «полностью согласен» (7) до «совершенно не согласен» (1). В инструкции мы просили испытуемых выразить степень своего согласия со стереотипными утверждениями:

1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло.

Рис. 1

2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления.

3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений.

4. Любой человек может стать жертвой преступления.

5. Жертва и преступник могут примириться.

6. Жертва нуждается в сочувствии.

7. Жертва преступления хочет, чтобы преступник понес наказание.

8. Жертва преступления хочет понять преступника.

9. Потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы.

10. Жертва преступления может простить преступника.

11. Кражи с предприятий должны наказываться менее сурово, чем кражи личного имущества.

12. Преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем аналогичные преступления про-

тив мужчин.

13. Жертва преступления в первую очередь хочет возместить материальный ущерб.

14. Жертва преступления боится преступника.

15. Преступник желает, чтобы потерпевший понял его переживания и раскаяние.

Для изучения особенностей представлений осужденных — бывших сотрудников ПОО о жертвах преступлений уровневому анализу были подвернуты выборки осужденных — бывших сотрудников ПОО, осужденных иных категорий и правопослушных респондентов.

На графике (рис. 1) видно, что профиль представлений осужденных — бывших сотрудников ПОО о жертвах преступлений в целом повторяет профиль представлений о жертвах, характерный для общей выборки осужденных.

Анализ графика распределения оценок утверждений показывает явные раз-

Рис. 2

личия между группами осужденных, отбывающих наказания, и правопослушных респондентов. Значимые различия выборки правопослушных респондентов и осужденных получены по 8 утверждениям из 15 (1, 2, 5, 7, 11, 12, 13, 15 утв.). Выборки правопослушных респондентов и осужденных — бывших сотрудников ПО различаются по 7 утверждениям (1, 2, 7, 11, 12, 13, 15 утв.) (рис. 2). Так, правопослушные респонденты склонны отрицать вину жертвы в совершении преступления (утв. 1) (ср. 2, 7) по сравнению с осужденными (ср. 4, 7) и осужденными — бывшими сотрудниками ПО (ср. 3, 7). Это можно объяснить тем, что представления о поведении жертв преступлений правопослушные респонденты получают в основном из СМИ, которые транслируют преимущественно сюжеты о насильственных преступлениях, где жертвы и преступники не знакомы (захваты заложников, терроризм), либо развлекательные криминальные сери-

алы, в которых действует положительный герой, встающий на защиту невинных жертв [11, с. 118–122]. При этом умеренное стандартное отклонение (Std. Dev. 1,6) (утв. 1) позволяет говорить о том, что мнения обследованных правопослушных респондентов сходны. В то же время научные данные свидетельствуют, что в 40–50 % случаев жертвы преступлений сами вольно или невольно «помогали» совершению против них преступлений, так как вели себя в предпреступной ситуации либо в момент совершения преступления вызывающе, оскорбляли виновных, угрожали им или нападали первыми [5, с. 3–4].

Различны также показатели в изучаемых группах при оценке утверждения о том, что жертвы преступлений сами часто совершают преступления (утв. 2). Осужденные часто упоминают об этом в интервью и отмечают в анкете (ср. 5, 5), осужденные сотрудники (ср. 4, 7), правопослушные респонденты склонны с этим

не согласиться (ср. 3,8). Это различие также можно объяснить тем, что правопослушные респонденты не имеют опыта взаимодействия с жертвами преступлений, а информация о реальном поведении жертв в предпреступной ситуации и в момент совершения преступления им не доступна.

Возможности примирения жертвы и преступника (утв. 5) более высоко оценивают осужденные (ср. 5,7), чем правопослушные опрошенные. Это объясняется тем, что правопослушные респонденты стереотипно оценивают преступника и потерпевшего как непримиримых и неспособных к компромиссу субъектов. Многие осужденные (в первую очередь совершившие насильственные преступления) в свою очередь размышляют о такой возможности и в некоторой мере надеются и ожидают примирения. В то же время для осужденных высокий уровень ожиданий примирения с потерпевшими может являться иллюстрацией их инфантильного восприятия действительности и регрессивного типа психологической защиты.

Интересно, что по данному утверждению не отмечено различий оценок правопослушных испытуемых и осужденных — бывших сотрудников ПО. И те и другие невысоко оценивают шансы на примирение преступника и жертвы. Однако, на наш взгляд, за сходством взглядов могут стоять различные причины. Так, для правопослушных испытуемых может быть характерно незнание специфики взаимодействия в системе «преступник — жертва», информацию о котором они черпают из стереотипных сюжетов СМИ, где жертва непримирима и нацелена на отмщение. Кроме того, собственная тревожность от потенциальной

угрозы преступления обостряет защитную реакцию испытуемых.

В случае с невысокой оценкой этого утверждения осужденными — бывшими сотрудниками ПО, вероятно, действует другая объяснительная модель. Например, они не могут допустить для себя возможность примирения и прощения жертвы, так как сами повышают требования к себе и считают, что их преступление, совершенное сознательно, не может быть прощено.

Правопослушные респонденты (ср. 6,5), по сравнению с осужденными (ср. 5,6) и осужденными — бывшими сотрудниками ПО (ср. 5,46), демонстрируют большую степень согласия с идеей о том, что жертвы преступлений хотят, чтобы преступник понес наказание (утв. 7). Данные показатели правопослушной группы могут свидетельствовать о разделении ее членами представлений о справедливости, которые требуют, чтобы преступник был наказан, а жертве был возмещен ущерб (моральный и материальный). Преступники же — это люди, которые непосредственно взаимодействовали с жертвами, анализировали их чувства и видели, что эти чувства и желания не однозначны (что, возможно, жертвы винят себя в случившемся больше чем преступника). Другое объяснение может быть связано с фактом, что осужденные не признают своей вины в совершенном преступлении и не считают жертву вправе желать наказания преступнику.

Значительное различие взглядов отмечается в оценке респондентами утверждения о том, что кражи с предприятий должны наказываться менее сурово, чем кражи личного имущества (утв. 11). Правопослушные испытуемые ско-

рее не согласны с ним (ср. 2,6), а осужденные (ср. 4,5) и осужденные — бывшие сотрудники ПО (ср. 3,98) скорее согласны. Подобные показатели подтверждают теоретическую идею о том, что в качестве одной из основных стратегий самооправдания осужденных выступает стратегия деперсонализации жертв [1, с. 274–276; 10, с. 350]. Иными словами, если нет конкретной жертвы, то преступление представляется осужденным незначительным и наказание должно быть мягким. Такие суждения респондентов можно объяснить и действием на сознание остаточных стереотипов социалистического хозяйствования «государственное и общественное — значит ничье».

Влиянием субкультурных норм на представления осужденных о жертвах можно объяснить тот факт, что они (ср. 4,8) и осужденные — бывшие сотрудники ПО (ср. 4,6) более чем правопослушные опрошенные (ср. 3,3) склонны согласиться с тем утверждением, что преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем аналогичные преступления против мужчин (утв. 12). Преступная субкультура активно транслирует идею о том, что преступления против женщин, детей и престарелых людей являются не престижными в «преступной карьере» и порицаются преступным сообществом [4, с. 117–121]. Кроме того, этот факт может свидетельствовать о наличии в системе самооправдания осужденных идеи о малом вреде своего деяния для жертв. Распространенным высказыванием, зафиксированным в интервью с осужденными, было: «...У них (жертв) последнее никогда не забираешь...», «...Они сами воруют и должны быть на нашем месте...». Ины-

ми словами, если жертва преступления заведомо не может оказать сопротивления преступнику (чаще это женщина), то такое преступление противоречит позитивной идентичности осужденного, оно не имеет оправдания и должно более сурово наказываться. Однако исследования преступности против женщин показывают, что доля женщин в числе всех потерпевших составляет в последние годы в среднем 40 %, при этом динамика роста преступлений против женщин сохраняется [2, с. 59–64]. Таким образом, на уровне криминальной идеологии эти принципы провозглашаются, а в реальности соблюдаются не всеми осужденными (об этом свидетельствует и значительная дисперсия оценок данного утверждения осужденными).

Интересным представляется единодушие при оценке утверждения 12 осужденными и осужденными — бывшими сотрудниками ПО. Так, нам представляется, что осужденные — бывшие сотрудники ПО имеют меньший опыт освоения преступной субкультуры. Вероятно, идея о достойном и сильном сопернике, который становится жертвой преступления, является базисной в преступной субкультуре и наиболее доступна для освоения новичками.

Показательными, на наш взгляд, являются цифры, иллюстрирующие степень согласия осужденных (ср. 5,6) и осужденных — бывших сотрудников ПО (ср. 5,49) с утверждением о том, что жертвы в первую очередь хотят возмещения материального вреда (у правопослушных респондентов (ср. 4,1). Это может объясняться тем, что многие осужденные при отбывании наказания производят выплаты по судебным искам, и других упоминаний о потерпевшем они

Таблица 1

Сходство средних значений оценок, отражающих степень согласия осужденных, осужденных — бывших сотрудников ПО и правопослушных испытуемых с утверждениями о жертвах преступлений

	Осужденные		Правопослушные респонденты		Осужденные — бывшие сотрудники ПО	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений	5,09	2,00	5,13	2,04	4,66	2,08
6. Жертва нуждается в сочувствии	5,39	1,82	5,60	1,36	5,05	2,17
8. Жертва преступления хочет понять преступника	3,67	2,17	3,37	1,86	4,02	2,13
9. Потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы	5,36	2,02	5,03	1,95	4,85	2,40
14. Жертва преступления боится преступника	5,16	1,98	5,53	1,12	5,02	2,12

не имеют. Отсутствие специальных психокоррекционных программ для осужденных, отбывающих наказания, которые бы актуализировали для них проблемы неконфликтного взаимодействия с жертвами преступлений после освобождения, приводит к тому, что фокус внимания осужденного переключается только на материальные составляющие причиненного им вреда.

Утверждение о том, что преступник желает, чтобы потерпевший понял его переживания (утв. 15), оценивают более высоко осужденные (ср. 5) и осужденные — бывшие сотрудники ПО (ср. 5), не согласны с ними правопослушные испытуемые (ср. 3). Это подтверждает, что правопослушные респонденты оценивают преступников стереотипно, как безжалостных и бездумных. Сами осужденные, в свою очередь, оценивая утверж-

дение положительно, демонстрируют актуальность для них эмпатического взаимодействия с жертвами своих преступлений, что открывает дополнительные возможности психокоррекционного воздействия на них.

Таким образом, можно сделать вывод, что перечисленные утверждения, различно оцениваемые правопослушными респондентами и осужденными, представляют собой элементы периферической системы представлений о жертвах (то есть различаются у представителей различных групп из обследованной выборки), принятых в сообществе, в которое включены все опрошенные.

Треть из предложенных утверждений (5 из 15) получили единодушные оценки респондентов из трех групп (табл. 1).

Так, степень согласия с утверждением о том, что женщины чаще мужчин

Таблица 2

Различия средних значений оценок, отражающих степень согласия осужденных и осужденных — бывших сотрудников ПО с утверждениями о жертвах преступлений

	Осужденные (201 чел)		Осужденные — бывшие сотрудники ПО (41 чел.)		Уровень значимости различий
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	
1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло	4,72	2,26	3,73	2,05	0,01
2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления	5,54	1,90	4,73	1,45	0,0105

становятся жертвами преступлений (утв. 3) и у осужденных и у правопослушных опрошенных одинакова высока. Данный факт может объясняться влиянием на представления опрошенных гендерных стереотипов, предполагающих, что женщина слаба и зависима от мужчины [6, с. 215–220; 7, с. 65–68]. С утвержде-

нием о том, что жертва нуждается в сочувствии (утв. 6) осужденные и правопослушные респонденты согласны одинаково. При этом они скорее не согласны с тем, что жертва хочет понять преступника (утв. 8). Идея о том, что потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применени-

Рис. 3

ем физической силы (утв. 9) одинаково высоко разделяется осужденными и правопослушными респондентами, как и представление о том, что жертва боится преступника (утв. 14).

Следовательно, перечисленные утверждения, одинаково оцененные правопослушными респондентами и осужденными, являются элементами ядра представлений о жертвах (то есть одинаковы у представителей различных групп из обследованной выборки).

Представления осужденных и осужденных — бывших сотрудников ПО различаются оценкой утверждений о том, что жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло, и о том, что жертвы преступлений сами часто совершают преступления (табл. 2, рис. 3).

Меньшая по сравнению с осужденными степень согласия осужденных — бывших сотрудников ПО с утверждениями о том, что жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло, и о том, что жертвы преступлений сами часто совершают преступления, может говорить о том, что они берут ответственность за преступление на себя, более того они могут отводить жертвам преступления объектную роль. В работе Д.В. Соичинко приводится идея о том, что для организованной преступности может быть свойственно полное принятие вины за преступление в сочетании с принятием себя и полным отказом изменяться [8]. Эта идея позволяет объяснить и наши различия. Для осужденных — бывших сотрудников ПО совершение преступления является неким рубиконом, пересекая который они не видят для себя пути назад. При этом, совершая преступление, они четко осознают его вред и опасные последствия. Отсюда их принятие на

себя ответственности за случившееся.

Факторный анализ данных опросника для диагностики представлений осужденных о жертвах преступлений, проведенный с правопослушными испытуемыми, осужденными и осужденными — бывшими сотрудниками ПО, выявил различия факторных структур этих групп. Факторный анализ оценок утверждений о жертвах, сделанных осужденными, позволил нам получить трехфакторную структуру представлений осужденных о жертвах преступлений (табл. 3).

В первый фактор со значимыми весами (в порядке убывания весов) вошли утверждения о том, что женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений; о том, что любой человек может стать жертвой преступления; о том, что жертва преступления хочет наказать преступника.

Во второй фактор со значимыми весами (в порядке убывания весов) вошли утверждения о том, что жертва нуждается в сочувствии; о том, что жертва преступления хочет понять преступника; о том, что преступник желает, чтобы потерпевший понял его переживания.

В третий фактор со значимыми весами (в порядке убывания весов) вошли утверждения о том, что преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем аналогичные преступления против мужчин; что жертва преступления в первую очередь хочет возместить материальный ущерб; что жертвы преступлений сами часто совершают преступления.

Проанализировав содержание вошедших в каждый фактор утверждений, мы пришли к выводу, что в первый фактор объединяются утверждения, которые касаются *представлений о вине*

Таблица 3

**Факторная структура представлений о жертвах преступлений
в выборке осужденных**

Factor Loadings (Varimax normalized) (Данные по осужденным.sta) Extraction: Principal components (Marked loadings are > ,400000)	
Factor 1	
3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений	0,71
4. Любой человек может стать жертвой преступления	0,71
7. Жертва преступления хочет наказать преступника	0,70
11. Кражи с предприятий должны наказываться менее сурово, чем кражи личного имущества	0,51
1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло	0,42
Factor 2	
6. Жертва нуждается в сочувствии	0,76
8. Жертва преступления хочет понять преступника	0,61
5. Жертва и преступник могут примириться	0,48
15. Преступник желает, чтобы потерпевший понял его переживания	0,48
Factor 3	
12. Преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем аналогичные преступления против мужчин	0,63
13. Жертва преступления в первую очередь хочет возместить материальный ущерб	0,55
10. Жертва преступления может простить преступника	0,55
9. Потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы	0,52
2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления	0,41

и наказания преступников и жертв. Во второй фактор вошли утверждения, характеризующие *сочувствие преступников жертвам и ожидание такого сочувствия от жертв*. Утверждения, составившие третий фактор, можно охарактеризовать как описывающие *представления о последствиях преступления*, которые могут определять дальнейшую активность преступников по отношению к жертвам.

Проведенный факторный анализ структуры представлений осужденных о жертвах преступлений позволяет сделать выводы:

– первым (наиболее важным) фактором структуры представлений осужденных о жертвах преступлений является *фактор представлений о вине и наказании преступников и жертв*. Это может объясняться тем, что подавляющее большинство преступников начинают размышлять о жертвах в контексте подготавливаемого ими преступления. Подобные размышления сопровождаются активизацией преступниками психологических защит, обесценивающих жертв и оправдывающих преступления. Причем облегчает этот процесс для конкретного преступника наличие

транслируемых в преступном сообществе субкультурных шаблонов представлений, обесценивающих жертв и оправдывающих преступление. Преступнику остается только выбрать подходящий для себя шаблон представлений о жертве и встроить его в свой образ мира;

– вторым фактором структуры представлений осужденных о жертвах преступлений является *фактор, характеризующий степень сочувствия осужденных жертвам и ожидание такого сочувствия от жертв*. Он также значим в структуре представлений преступников о жертвах, поскольку эмоции встраиваются в механизм многих преступлений (например, эмоции страха и гнева по отношению к жертве у убийц или эмоции зависти и презрения к жертвам у воров);

– *третий фактор* структуры представлений осужденных о жертвах преступления, *описывающий представления о последствиях преступления и дальнейшей активности преступников по отношению к жертвам*, имеет сложное строение (распадается на несколько подфакторов, отражающих различные стороны поведенческой активности), что объясняется тем, что осужденные после совершения преступления до задержания, во время расследования преступления и суда во многих случаях непосредственно и опосредованно контактируют с жертвами своих преступлений, то есть от них требуется активность по отношению к жертвам преступлений. При совершении и планировании преступления преступники, как правило, не задумываются о том, как будут взаимодействовать с жертвами преступлений (или с их родственниками) после совершения преступления. Преступная субкультура, по сравнению с четко регламентиро-

руемым эмоциональным отношением к жертвам, не имеет четких предписаний относительно поведения преступников в отношении жертв после совершения преступления. В связи с этим способы активности осужденных по отношению к жертвам формируются на основе личного опыта взаимодействия с ними и собственных личностных качеств.

Анализ содержания утверждений позволяет сделать вывод, что выделенные нами факторы составляют базовую психологическую триаду (познание, эмоции, воля). Согласно концепции психодинамики поведения Д.В. Сочивко [9], познание, эмоции и воля составляют структуру психологического времени человека. Так, эмоции связаны с психологическим прошлым человека, познание — с его психологическим настоящим, а воля — с его акцептором будущего [9, с. 232]. С позиции приведенной концепции мы видим, что представления осужденных о жертвах преступлений:

– детально структурированы в настоящем (что обусловлено для них необходимостью постоянно поддерживать психологические защиты в активном состоянии, то есть постоянно получать рациональные самооправдания);

– подробно представлены в прошлом (то есть представления о жертвах базируются у них на прочном эмоциональном фундаменте, связанном либо с чувством страха (осужденные за насильственные преступления), либо с чувством зависти и неприязни (осужденные за корыстные преступления и др.);

– имеют неопределенный акцептор будущего (так как фактор состоит из утверждений с незначительными весами и при автоматической факторизации распадается на подфакторы).

Таблица 4

**Факторная структура представлений о жертвах преступлений
в выборке правопослушных респондентов**

Factor Loadings (Varimax normalized) (Данные по правопослушным.sta) Extraction: Principal components (Marked loadings are > ,400000)	
Factor 1	
12. Преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем аналогичные преступления против мужчин	-0,77
3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений	-0,68
13. Жертва преступления в первую очередь хочет возместить материальный ущерб	-0,58
10. Жертва преступления может простить преступника	0,49
5. Жертва и преступник могут примириться	0,47
14. Жертва преступления боится преступника	-0,45
4. Любой человек может стать жертвой преступления	-0,43
7. Жертва преступления хочет наказать преступника	-0,41
Factor 2	
14. Жертва преступления боится преступника	0,75
1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло	0,65
15. Преступник желает, чтобы потерпевший понял его переживания	0,56
2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления	0,49
3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений	0,47
Factor 3	
5. Жертва и преступник могут примириться	0,56
6. Жертва нуждается в сочувствии	0,44
8. Жертва преступления хочет понять преступника	0,65
9. Потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы	-0,65

Неопределенный акцептор будущего может говорить о том, что образ жертв преступления не предписывает осужденным четкой и однозначной линии поведения в ближайшем будущем, то есть это поведение зависит от влияния на них ситуативных переменных. На основании этого работа по разворачиванию и наполнению позитивными, конкретными действиями образа ближайшего будущего у осужденных представляется нам перспективной задачей их психокоррекции.

Для правопослушных граждан трехфакторная структура представлений осужденных о жертвах преступлений выглядит следующим образом (табл. 4).

В первый фактор со значимыми весами вошли утверждения о том, что преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем аналогичные преступления против мужчин; женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений; о том, что жертва преступления в первую оче-

редь хочет возместить материальный ущерб.

Во второй фактор вошли утверждения о том, что жертва преступления боится преступника; жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло.

Третий фактор составили утверждения — жертва преступления хочет понять преступника; потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы; жертва и преступник могут примириться; жертва нуждается в сочувствии.

Таким образом, первый фактор составили утверждения, которые мы классифицировали как утверждения, описывающие представления о последствиях преступления и поведенческую активность преступников и жертв.

Во второй фактор вошли утверждения, которые охватывают как размышления преступников и жертв друг о друге и о преступлении, так и эмоции, возникающие у жертв и преступников. Утверждения о размышлениях во втором факторе преобладают.

Третий фактор также включил в себя утверждения, в которых содержатся как размышления преступников и жертв друг о друге и о преступлении, так и эмоции, возникающие у жертв и преступников. Однако в третьем факторе преобладают утверждения, описывающие эмоции.

Анализ содержания факторов в выборке право послушных респондентов показывает, что в структуре представлений право послушных испытуемых наиболее выражен и оформлен компонент, описывающий поведенческую активность участников взаимодействия

системы «жертва — преступник». Когнитивные и эмоциональные компоненты представлений о жертвах право послушных граждан взаимосвязаны и выражены менее поведенческих.

Это может объясняться тем, что представления о жертвах право послушные респонденты формируют под действием сюжетов СМИ, отличающихся акцентом на поведенческой стороне системы «жертва — преступник». Размышления же о жертвах преступлений у них инициируются после просмотра сюжетов о преступлении либо услышанных рассказов, и сопровождаются эмоциональным фоном. Эмоциональный фон размышлений право послушных испытуемых о жертвах состоит из сопереживания жертвам преступлений и тревожности, связанной с возможностью самим стать жертвами. Опираясь на концепцию Д.В. Сочивко, можно сказать, что у право послушных испытуемых представления о жертвах более структурированы и развернуты в области акцептора будущего. Иными словами, у право послушных испытуемых присутствует четкая модель поведения, в которой предписывается равноправное взаимодействие с другими людьми (то есть право послушный человек не склонен воспринимать другого человека как свою потенциальную жертву или агрессора).

Сравнивая факторные структуры представлений о жертвах преступлений осужденных и право послушных испытуемых, можно отметить, что основное отличие представлений о жертвах преступлений в этих двух группах состоит в том, что поведение право послушных испытуемых в настоящем базируется на анализе своих эмоций и выстраивании детализированной картины ближайшего

Таблица 5

**Факторная структура представлений о жертвах преступлений
в выборке осужденных — бывших сотрудников ПО**

Factor Loadings (Varimax normalized) (Данные по осужденным — бывшим сотрудникам ПО) Extraction: Principal components (Marked loadings are > ,500000)		
Factor 1	Факторная нагрузка	Средние
1. Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло	0,69	3,73
3. Женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений	0,64	4,66
4. Любой человек может стать жертвой преступления	0,63	6,39
13. Жертва преступления в первую очередь хочет возместить материальный ущерб	0,57	5,49
15. Преступник жалеет, чтобы потерпевший понял его переживания	0,57	5,00
Factor 2		
5. Жертва и преступник могут примириться	0,70	5,44
6. Жертва нуждается в сочувствии	0,69	5,05
7. Жертва преступления хочет, чтобы преступник понес наказание	0,55	5,46
10. Жертва преступления может простить преступника	0,63	5,49
14. Жертва преступления боится преступника	0,66	5,02
Factor 3		
2. Жертвы преступлений сами часто совершают преступления	0,73	4,73
9. Потерпевший от кражи страдает меньше, чем потерпевший от ограбления с применением физической силы	0,71	4,85
11. Кражи с предприятий должны наказываться менее сурово, чем кражи личного имущества	0,61	3,98

и далекого будущего. Поведение осужденных (преступников) является своеобразным отреагированием (простым переживанием) эмоций без учета последствий этого поведения в будущем.

Трехфакторная структура представлений осужденных — бывших сотрудников ПО о жертвах преступлений (табл. 5) является специфичной и отличается от рассмотренных ранее.

По нашему мнению, представления осужденных — бывших сотрудников ПО о жертвах трансформируются профессиональным опытом и знаниями. Так, первый фактор факторной структуры мы назвали *профессиональный взгляд* на проблемы жертв преступлений. Сотрудники, основываясь на профессиональном опыте, оценивают вероятность человека стать жертвой преступления, оцени-

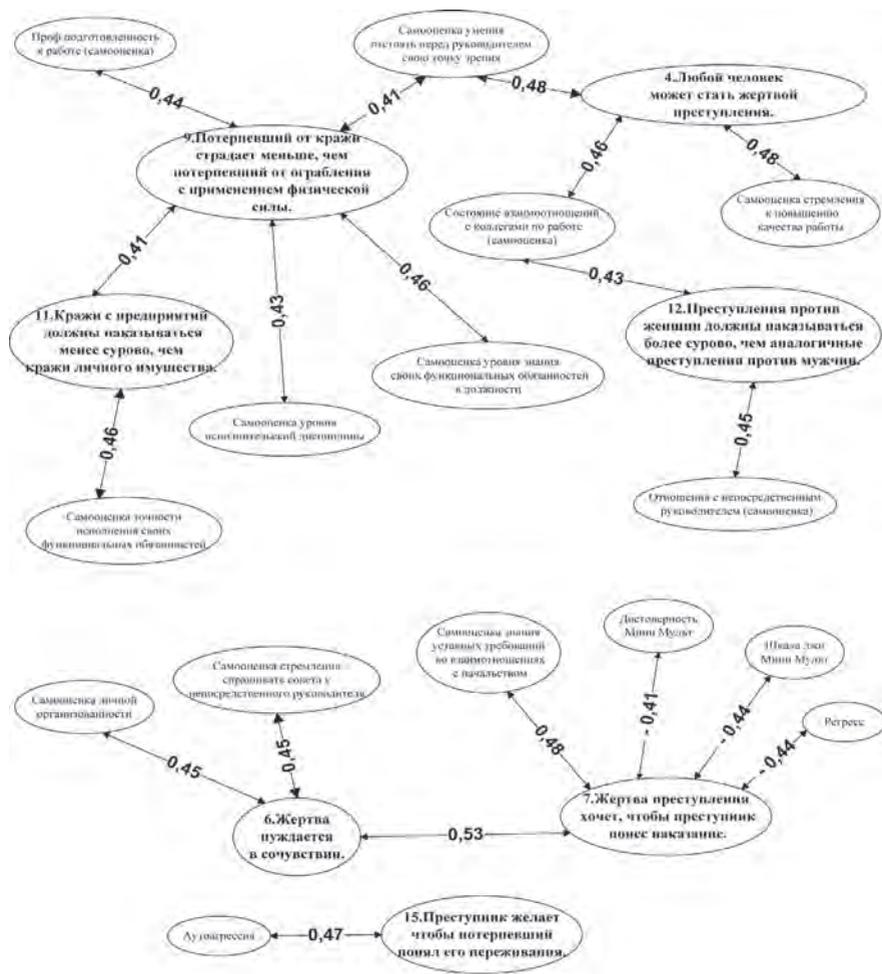

Рис. 4. Корреляционная плеяда утверждений о жертвах преступлений с показателями других опросников (выборка осужденных — бывших сотрудников ПО)

вают степень вины жертв преступления в случившемся, вероятность стать жертвой преступления у женщин и желания преступников и жертв.

Второй фактор состоит из утверждений, которые мы объединяем наличием эмоций. Мы назвали его эмо-

циональный отклик жертвам преступления. Этот фактор характеризуют утверждения, которые в большой степени разделяются испытуемыми. Они согласны с тем, что жертвы нуждаются в сочувствии, могут простить преступника и примириться с ним, но при этом

боятся и хотят наказать его.

Третий фактор мы назвали *защитным*. Он объединяет утверждения, которые позволяют рационализировать преступное поведение за счет снижения оценки его вреда для жертв, приписать им преступный характер жизни и тем самым расценить преступление как справедливое наказание жертв.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что особенности профессии откладывают отпечаток на представления осужденных — бывших сотрудников ПО о жертвах преступлений.

Они представляют жертв преступлений профессионально шаблонно, при этом эмоционально откликаются на проблемы жертв и защищаются от этих эмоций. Можно предположить, что образ жертвы у них двойственен, есть далекая шаблонная жертва, которую они продолжают воспринимать как профессионалы, и есть жертва преступления, которую они воспринимают с эмоциональным откликом и пытаются защищаться от этих эмоций.

Особенности связи профессионального взгляда на мир у осужденных — бывших сотрудников ПО и их представлений о жертвах иллюстрируются данными корреляционного анализа (рис. 4).

Из корреляционной плеяды мы видим, что если осужденный — бывший сотрудник ПО высоко оценивает себя как профессионала, обладающего профессиональными знаниями, знанием функциональных обязанностей по должности, умеющего отстоять свою точку зрения, дисциплинированного, он склонен относиться к жертвам преступлений шаблонно. Он полагает, что жертва кражи страдает меньше чем жертва ограбления с применением физической силы. Он рас-

сматривает страдания жертвы как реакцию на физическое насилие и не учитывает переживания жертв кражи. В то же время исследования показывают, что интенсивность негативных переживаний у жертв краж так же высока, как и у жертв физического насилия [3].

Таким образом, специфика профессиональной деятельности сотрудников ПО накладывает существенный отпечаток на формирование в их мировоззрении образа жертвы преступления. Можно предположить, что шаблонность и деперсонифицированность образа жертвы, становясь для сотрудника ПО обычной особенностью мировосприятия в какой-то мере стирает границы дозволенного и убирает многие барьеры на пути преступного поведения. Психологическая подготовка сотрудников ПО, направленная на повышение уровня субъективных характеристик в образе жертв преступления, может стать эффективной профилактикой их преступного поведения.

Литература

1. Бартол К. Психология криминального поведения. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.
2. Боголюбова Т. Женщины — жертвы преступлений: проблемы и статистика // Сексуальные домогательства на работе. — М.: АВА-СЕЕЛ: Женский консорциум, 1996.
3. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер с англ. / под общ. ред. Л.М. Карнозовой. — М., 1998. — 328 с.
4. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. — М.: ИНФРА-М, 2001.
5. Полубинский В.И. Криминальная виктимология: монография. — М.: ВНИИ МВД России, 1999.
6. Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. — СПб.: Питер, 2003.
7. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. — М.: Информация — XXI век, 2002.
8. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология: науч.-практ. журн. / Академия ФСИН России. —

2007. — № 1. — С. 52–63.

9. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: ПЕР СЭ, 2003. — 256 с.

10. Шнайдер Г. Криминология: пер. с нем. / под общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. — М.: Прогресс-Универс, 1994.

11. Шнайдер Г. Преступность и средства массовой информации // Сов. гос-во и право. — 1990. — № 7.

ВЛИЯНИЕ НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ РЕСУРСОВ*

И. В. Блинникова, Е. А. Денисова

Аннотация: в статье анализируются взаимосвязи между психическими состояниями и познавательными процессами у людей, переживших психические травмы в ходе боевых действий и ликвидации последствий катастроф. Полученные данные могут быть использованы для уточнения диагностических норм и разработки реабилитационных программ.

Ключевые слова: когнитивные ресурсы, познавательные процессы, психические состояния, тревожность, депрессия, травмирующие события.

Summary: this work analyses links between the psychological condition and cognitive processes of the people who experienced psychological traumas in course of warfare and disaster recovery operations. The obtained data may be used for diagnostic standards specification and rehabilitation programmes development.

Keywords: cognitive resources, cognitive processes, mental states, anxiety, depression, traumatic experience.

Проблема влияния повышенных эмоциональных нагрузок на характеристики

функциональных возможностей человека в решении познавательных задач все чаще оказываются в центре обсуждения специалистов в области психологии и нейрофизиологии. Неоднократно демонстрировалось дезорганизующее влияние эмоций и состояний повышенного эмоционального напряжения на основные блоки переработки информации. Например, было показано, что в состоянии повышенной тревожности снижаются возможности распределения и удержания внимания [1], ухудшаются параметры запоминания и воспроизведения информации [8], затрудняются процессы заучивания и сохранения материала [5], нарушаются операции логического мышления (Oaksford, Morris, Grainger, Williams, 1996) и принятия решений [6]. Несмотря на разнообразность изучаемых процессов, большинство исследователей пришли к выводу, что негативные состояния в первую очередь ограничивают возможности использования ресурсов внимания и рабочей памяти [4].

Во многих случаях обсуждаемая проблема рассматривается через интегри-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (№ 11-06-00463-а).

рованный анализ различного рода состояний человека и сопряженных с этим феноменов стресса, напряженности, усилий, аффектов и т. п. Разрабатываемое в отечественной психологии представление о функциональном состоянии как системе внутренних средств, актуализируемых для выполнения целенаправленной деятельности в заданных условиях [2], является хорошей основой для развития представлений об эффективности решения разного рода задач, в том числе когнитивных, на основе интеграции данных о задействованных ресурсах (в этом случае под когнитивными ресурсами понимается компонент функциональных состояний, обеспечивающий выполнение тех или иных познавательных задач в текущий момент времени).

Данное исследование посвящено изменениям в познавательной сфере у лиц с травматическим опытом различной этиологии. Речь идет о боевой психической травме, а также об участии в травмирующих событиях, связанных с ликвидацией последствий катастроф. По мнению С.В. Литвинцева и его коллег, в основе причин возникновения синдрома боевой психической травмы лежат механизмы кратковременной адаптации с интенсивным расходом адаптационных ресурсов человека, вследствие чего происходит резко возрастающее истощение и торможение включения регуляторных систем для формирования долговременной адаптации [3]. В описание этого расстройства наряду с нарушениями сна, головными болями, вегетативной лабильностью включаются такие симптомы, как эмоциональная нестабильность, возбужденность, снижение

общего эмоционального фона, потеря инициативы и интереса, быстрое нарастание усталости, а также нарушения памяти и трудности в концентрации внимания [9]. Однако сегодня явно недостаточно диагностировать общие психологические и медицинские последствия психической травмы. Необходимо более тонко изучить механизмы возникновения нарушений и обозначить компенсаторные механизмы, которые позволят преодолеть эти нарушения. В этом отношении большое значение приобретают детальные исследования изменений в личностной и познавательной сферах после психической травмы.

Методика

Испытуемые: в исследовании приняли участие 189 человек, находившихся на лечении или обследовании в военном госпитале имени Н.Н. Бурденко в период с 1999 до 2008 год. Средний возраст составлял $39,8 \pm 14,2$ года. Все участники исследования — мужчины, имеющие преимущественно высшее военное образование. Стаж военной службы по всем группам составил $13,7 \pm 5$ лет.

Испытуемые были разделены на пять групп. Основные группы исследования характеризовались наличием психической травмы в анамнезе. Первая группа включала в себя военнослужащих, которые переживали острое состояние, вызванное недавним боевым опытом, — 40 чел.; вторая группа характеризовалась наличием отдаленного во времени боевого опыта, осложненного ранениями — 44 чел.; третья группа имела также отдаленный боевой опыт, но без осложнений ранениями — 36 чел.; четвертая группа характеризовалась переживанием травматического не боевого

опыта (связанного с работой в зоне катастроф) — 33 чел.; пятая группа была контрольной и включала в себя слушателей последних курсов военной академии, не имеющих травматического опыта, — 36 чел.

Процедура: всем испытуемым, имеющим в анамнезе переживание психической травмы, до начала психологического тестирования проводились нейрофизиологические исследования (ЭЭГ и РЭГ), которые позволяли выявить некоторые ирритативные изменения альфа-ритма, не выходящие тем не менее за границы нормы.

Психологическое исследование с каждым испытуемым занимало от 45 до 90 минут в течение 2–3 дней в утренние часы до прохождения медицинских процедур или получения медицинских препаратов. В начале исследования с каждым участником проводилась беседа, которая представляла собой структурированное интервью и включала во-

просы, связанные с ситуациями получения травмы (ранения), особенностями боевого или другого травмирующего опыта, а также характер переживания и отношения испытуемого к данным событиям и факту психологической или сочетанной травматизации. Далее все испытуемые проходили диагностику по одним и тем же психологическим тестовым методикам, которые позволяли оценить личностные характеристики, субъективное переживание состояний и когнитивные ресурсы.

Тестовые методики: для исследования ресурсов внимания использовались такие стандартные методики, как таблицы Шульце, черно-красные таблицы Горбова, тест Бурдона.

Для исследования ресурсов кратковременной памяти применялись тесты: воспроизведение двенадцати чисел, воспроизведение текста (из 32 слов), воспроизведение 10 слов.

Для исследования интеллектуаль-

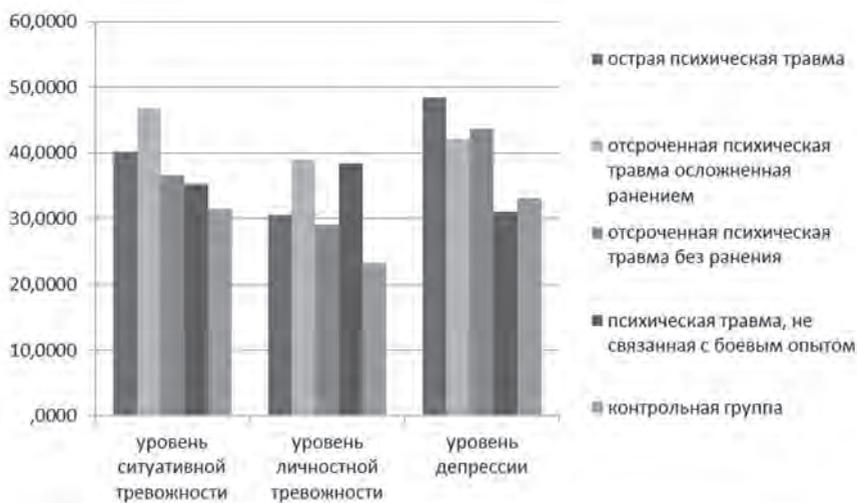

Рис. 1. Показатели тревожности и депрессии в разных группах испытуемых

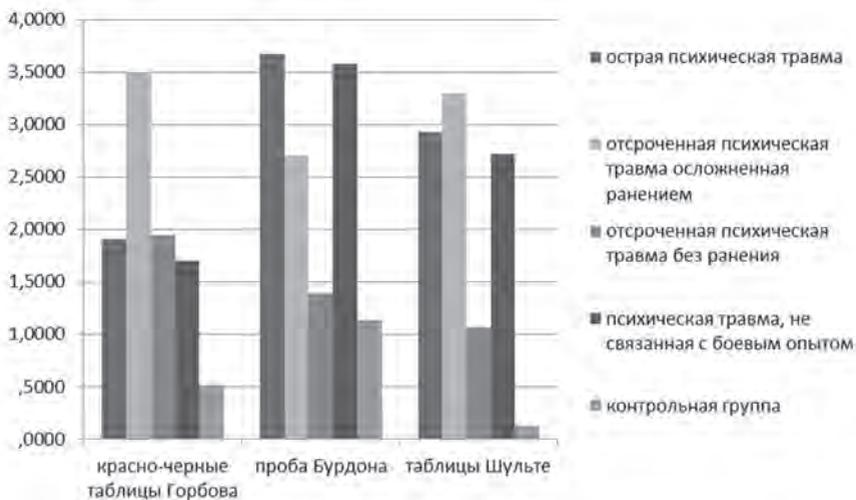

Рис. 2. Количество ошибок в тестах на внимание в разных группах испытуемых

ных ресурсов использовался тест Амтхауэра.

Для анализа особенностей психического состояния применялись шкала тревожности Спилбергер-Ханина, шкала выраженности проявлений депрессии Зунга — Балашовой, Миссисипская шкала; военный вариант («MS» Mississippi Scale).

Результаты и их обсуждение

Особенности переживания эмоциональных состояний в разных группах испытуемых. Сравнение уровня выраженности негативных устойчивых психических состояний в разных группах испытуемых позволило заключить, что люди, пережившие психические травмы, имеют значительно более высокие показатели личностной тревожности и депрессии, чем те, кто не имели травмирующего опыта. Различия носят высокозначимый характер (рис. 1.). Анализируя полученные значения показателей, сле-

дует принимать во внимание изучаемый контингент: военнослужащие мужчины склонны оценивать свое состояние как эмоционально стабильное. Характерными являются очень низкие показатели личностной тревожности и депрессии у неимеющих боевого и другого травмирующего опыта. Хотя показатели остальных групп значительно выше, все они укладываются в границы диапазона нормы.

Особенности субъективного переживания негативных состояний в разных группах испытуемых позволили выявить разные факторы влияния. Пожалуй, наиболее существенным фактом является то, что у лиц, имеющих недавний или отсроченный боевой опыт, существенно выражены депрессивные переживания, чего не наблюдается в группе лиц, имеющих травматический, но не боевой опыт ликвидации последствий катастроф. В то же время эта последняя группа характеризуется более высокой личностной тревожностью по сравнению с воен-

Таблица 1

Показатели выполнения в пробе Бурдона

Группа	Среднее кол-во строк теста, сделанных за одну минуту	Стандартное отклонение	Среднее кол-во ошибок, допущенных при выполнении	Стандартное отклонение
Острая психическая травма	7,17	1,76	3,67	2,01
Отсроченная психическая травма, осложненная ранением	6,04	1,42	2,7045	1,8
Отсроченная психическая травма без ранения	8,03	1,18	1,3889	1,36
Психическая травма, не связанная с боевым опытом	5,39	1,52	3,5758	2,18
Контрольная группа	8,25	,60	1,1389	1,17

нослужащими, не переживавшими травмирующих событий, и даже по сравнению с теми, кто недавно участвовал в боевых действиях.

Сравнение выполнения когнитивных тестов в разных группах испытуемых. Были проанализированы результаты всех когнитивных тестов. Наиболее показательным с точки зрения понимания использования когнитивных ресурсов оказался блок методик, направленный на выявление характеристик внимания. На рисунке 2 представлено количество ошибок, сделанных испытуемыми в разных тестах на внимание. Все группы тестируемых, имеющих в анамнезе психические травмы, значительно отличаются по этим показателям от контрольной группы. При этом видно, что устойчивость внимания (измеряемая пробой Бурдона) в большей степени страдает в группе с острой и небоевой психической травмой. Переключаемость внимания, измеряемая с помощью красно-черных таблиц Горбова, снижена в группе с отсроченной психической травмой, осложненной

ранением. Соотношение переключения и устойчивости внимания, измеряемые с помощью таблиц Шульте, нарушено во всех трех перечисленных группах.

Мы можем более подробно проанализировать такой показатель, как количество заполненных за одну минуту строк в корректурной пробе Бурдона (результаты представлены в табл. 1), и сравнить его с количеством допущенных ошибок. Различия по этим показателям между всеми группами, посчитанные с помощью однофакторного дисперсионного анализа, высокозначимы: для количества строк — $F(4; 184) = 29,379$; $p < 0,001$; для числа ошибок — $F(4; 184) = 16,929$; $p < 0,001$. Из таблицы можно понять, что лица с отсроченной, но не осложненной боевой травмой практически не отличаются по результатам от контрольной группы; лица с острой боевой травмой делают пробу достаточно быстро, но допускают много ошибок.

Наиболее неблагоприятные результаты наблюдаются у группы с отсроченной и осложненной боевой травмой и не

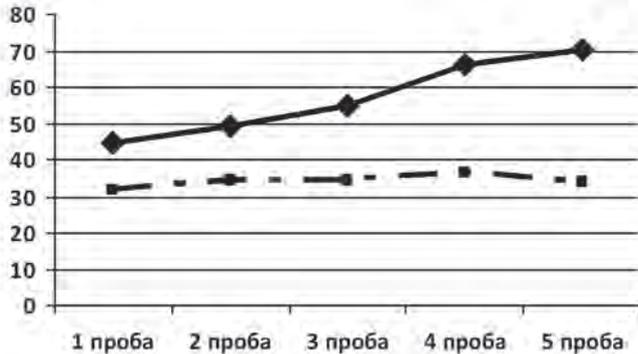

Рис. 3а. Время выполнения пяти последовательных проб теста Шульте (с) в группе с неосложненной отсроченной боевой психической травмой и контрольной группе

боевой травмой. Незначительный объем выполнения сочетается с большим количеством ошибок, что, по всей видимости, является следствием общей астенизации. Это не вызывает удивления по отношению к группе офицеров, переживших травматический опыт и получивших ранения в боевых действиях, однако выглядит несколько странным для группы людей без боевого опыта. В последнем случае стоит обратить внимание на то, что данная группа характеризуется сравнительно высокой личностной тревожностью, которая «съедает» внимание, обращая его на отслеживание скрытой угрозы, и не позволяя удерживать его на решении задачи.

На первый взгляд кажется, что группа с неосложненной отсроченной боевой травмой выглядит более благополучно. В среднем на момент тестирования после участия в боевых действиях прошло 3,8 лет. Возможно, что события, вызвавшие психическую травму, были пережиты и психический статус восстановлен. Од-

нако такой вывод нам не позволяет сделать более внимательное рассмотрение полученных данных. Подробный анализ выполнения пяти проб Шульте в группе отсроченной психической травмы показал интересную тенденцию (рис. 3 а, б). В первой пробе испытуемые демонстрировали значительное количество ошибок (1,7). Во второй пробе количество ошибок значительно снижалось (1,03), так же как и время выполнения. В третьей и четвертой пробах количество ошибок продолжало сокращаться (до 0,4 и 0,56), однако время выполнения значительно увеличивалось. К пятой пробе количество ошибок практически достигло начального уровня (1,5), при том, что время выполнения еще больше возрастало. В норме мы видели совсем иную картину. Время выполнения проб было в среднем все время одинаково (значимо меньше, чем в группе лиц с отсроченной травмой), а количество ошибок на протяжении всех проб сокращалось от 0,39 в первой пробе до 0,01 в пятой.

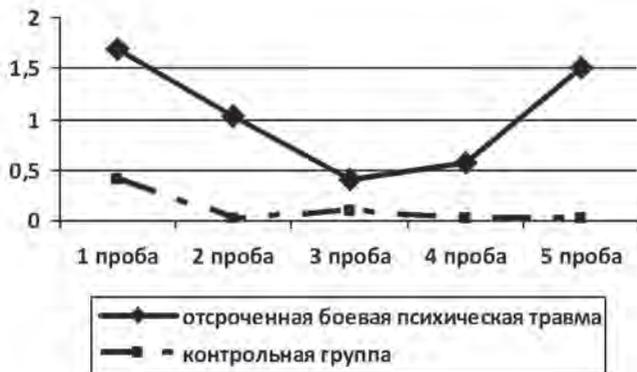

Рис. 36. Количество ошибок, допущенных в пяти последовательных пробах теста Шульте, в группе с неосложненной отсроченной боевой психической травмой и контрольной группе

Такие результаты подтверждают, что при отсроченной психической травме испытуемые стремятся интенсифицировать познавательные процессы за счет сознательного подключения дополнительных ресурсов. Однако прилагаемых для этого усилий не хватает надолго, и затем происходит резкая дезорганизация когнитивного выполнения.

Похожие тенденции были установлены при анализе результатов тестов на краткосрочное запоминание. На рисунке 4 представлены проценты воспроизведения стимулов. Все группы испытуемых, переживших психическую травму, значительно хуже справляются с тестами, по сравнению с контрольной группой. При этом наибольшее снижение результатов наблюдается для групп лиц с осложненной отсроченной боевой травмой и отсроченной психической травмой, не связанной с боевым опытом.

Общий показатель интеллекта при переживании психической травмы снижается незначительно и остается в пре-

делах общепопуляционной нормы. Для оценки интеллекта в нашем исследовании использовалась компьютеризированная версия теста Амтхауера, состоящего из значительного числа интеллектуальных задач. Необходимо было уточнить, за счет чего при сниженных показателях внимания и кратковременной памяти осуществляется выполнение этих задач. Более детальный анализ полученных данных показал, что испытуемые, переживающие острую психическую травму, оказываются успешными в несколько иных интеллектуальных задачах, чем испытуемые, переживающие отсроченную психическую травму. В частности, при острой психической травме испытуемые были значительно успешнее в выполнении интеллектуальных задач, связанных с анализом информации из долговременной памяти. При отсроченной психической травме испытуемые лучше считали в уме, но значительно проигрывали в задачах, требующих манипуляции долговременной

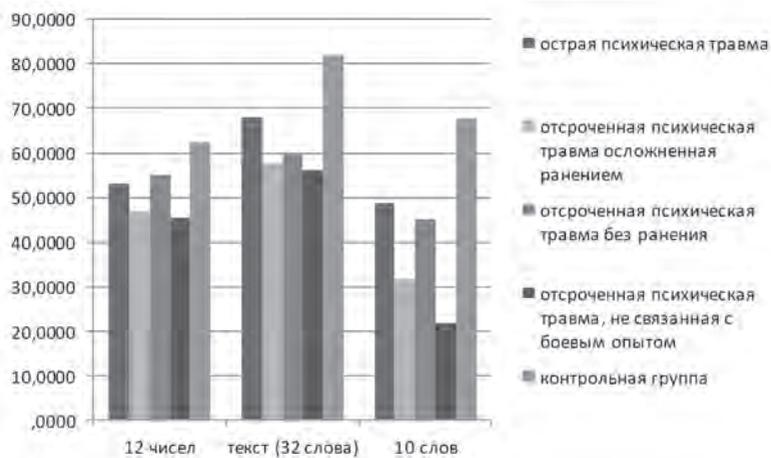

Рис. 4. Результаты тестов на краткосрочное запоминание в разных группах испытуемых

информацией. Эти данные можно было проинтерпретировать как указание на то, что при острой психической травме испытуемые преодолевают возникшие трудности за счет обращения к долговременной памяти и эта память их не подводит. При отсроченной психической травме обращение к долговременной памяти оказывается не столь эффективным, и испытуемые могут поддерживать уровень решения задач только за счет интенсификации актуальных ментальных операций.

Подсчет интегративных показателей и их взаимодействия. В большинстве современных подходов к диагностике негативных состояний ставится задача поиска интегративных показателей. Мы попробовали выделить такие интегративные характеристики в нашем массиве данных и провели факторный анализ всех показателей состояния и когнитивного выполнения.

Факторный анализ показателей субъективной оценки состояния позво-

лил объединить их в один фактор, объясняющий 46,08 % дисперсии ответов испытуемых. Фактор может быть назван «тревожно-депрессивный комплекс». Отдельные показатели вошли в фактор со следующими нагрузками (табл. 2):

Интегральный индекс тревожно-депрессивных состояний был подсчитан с учетом этих данных. Были обнаружены высокосignимые различия между группами по этому показателю ($F(4; 184) = 87,89; p < 0,001$). Более всего индекс был выражен в группе лиц с осложненной отсроченной психической травмой.

Был также проведен факторный анализ всех когнитивных показателей и получена факторная структура из двух факторов, объясняющая в совокупности 55,66 % дисперсии ответов. В первый фактор вошли все измерения внимания и памяти, а во второй — показатель интеллекта (табл. 3).

Мы уже отмечали тот факт, что результаты испытуемых, переживших психическую травму, в тесте на интеллект не

Таблица 2

Ситуативная тревожность	,796
Личностная тревожность	,721
Проявленность депрессии	,559
МШ	,613

Таблица 3

Время выполнения в тесте Горбова	-,837	-,020
Ошибки выполнения в тесте Горбова	-,516	,469
Количество строк в пробе Бурдона, заполненных за одну минуту	,740	,203
Ошибки выполнения в пробе Бурдона	-,479	-,401
Общее время выполнения пяти проб в тесте Шульце	-,697	,165
Общее количество ошибок в тесте Шульце	-,590	-,175
Воспроизведение 12 цифр	,711	,028
Воспроизведение текста	,748	-,127
Воспроизведение слов	,818	,090
Показатель интеллекта	-,166	,759

отличаются существенным образом от нормы. Это можно объяснить большей значимостью этих результатов для испытуемых и, следовательно, их более высокой мотивацией. Характерно, что количество ошибок в тесте Горбова и пробе Бурдона отрицательно коррелируют с коэффициентом интеллекта. Все показатели, вошедшие в первый фактор, были объединены с установленными коэффициентами в интегративный показатель когнитивного выполнения. Установлено, что группы испытуемых критическим образом отличаются по этому показателю ($F(4; 184) = 72,32; p < 0,001$).

Коэффициент когнитивного выполнения отрицательно коррелирует с возрастом, удаленностью от травмирующего события и индексом тревожно-депрессивных состояний, последний, в свою очередь, положительно связан со

временем, проведенным в условиях боевых действий.

Были проанализированы взаимосвязи между подсчитанными интегративными индексами, а также между возрастом испытуемых, удаленностью травмирующего события и длительностью травмирующего опыта. По результатам анализа построены корреляционные плеяды, представленные на рисунке 5.

Можно видеть, что индекс когнитивного выполнения отрицательно связан с индексом тревожно-депрессивных состояний и удаленностью от травмирующего события. Чем выше субъективные переживания тревоги и депрессии, тем хуже человек решает когнитивные задачи. Эта закономерность усиливается с возрастом. Характерно, что когнитивное выполнение ухудшается с отстраненностью во времени травмирующего события, что свидетельствует о

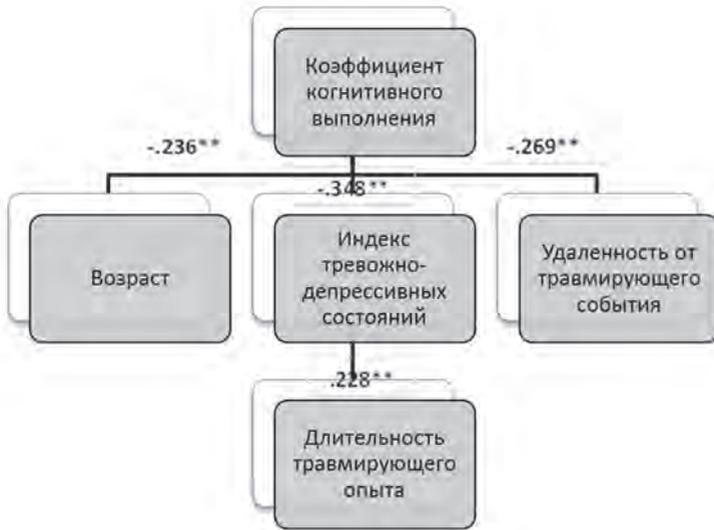

Рис. 5. Корреляционные плеяды для пяти показателей

неизживаемости травмирующего опыта. Индекс тревожно-депрессивных эмоций положительно связан с длительностью травмирующего опыта. Чем дольше люди находились в условиях боевых действий или в ситуации ликвидации катастроф, тем выше индекс тревожно-депрессивных состояний и хуже когнитивное выполнение.

Проведенное исследование позволило сделать ряд важных заключений. Нами установлено, что травмирующий опыт приводит к характерным изменениям в эмоционально-личностной сфере, выражающимся в усиленном переживании тревоги и депрессии. Причем отсроченный опыт участия в боевых действиях формирует скорее депрессивные переживания, а отсроченный опыт участия в ликвидации последствий катастроф приводит к возникновению повышенной личностной тревожности.

Было также показано, что травмирующий опыт, вызванный разными причинами, и разной длительности вносит существенные искажения в использование когнитивных ресурсов. Нарушения в когнитивной сфере касаются прежде всего основных показателей внимания и кратковременной памяти. При этом было установлено, что повышенная личностная тревожность приводит к заметным нарушениям устойчивости внимания, а повышенная депрессивность — к проблемам с переключением внимания.

В целом наиболее проблемными, как со стороны выполнения тестов на внимание, так и со стороны выполнения тестов на запоминание, оказываются группы лиц с осложненной отсроченной боевой психической травмой, отсроченной психической травмой, а также группа военнослужащих, имеющих травматический опыт, не связанный с боевыми действиями. Естественно, что получен-

ные ранения не дают забыть о травмирующих событиях, усиливают их переживание, способствуют формированию негативных состояний. Однако что вызывает такой эффект у участников ликвидации последствий техногенных и природных катастроф? Можно предположить, что их преследует переживание угрозы повторения трагических событий. Это отнимает силы и не дает возможности эффективно использовать функциональные ресурсы для решения задач.

В случае острой психической травмы испытуемые демонстрируют иные стратегии в решении когнитивных задач, чем в случае отсроченной психической травмы. В частности, испытуемые с острой психической травмой стремятся поддерживать высокий уровень выполнения за счет подключения дополнительных ресурсов и интенсификации деятельности. Однако эта стратегия в целом не является эффективной, а приводит к быстрому утомлению. Как было показано в ряде исследований [7], в случае серьезных затруднений оптимальными являются метакогнитивные стратегии сознательного распределения ресурсов. Именно на пути обучения этим стратегиям возможно преодоление сложностей людьми, переживающими отсроченную психическую травму.

Кроме того, при острой психической травме наши испытуемые, решая интеллектуальные задачи, опирались на ресурсы долговременной памяти и базовые знания; при отсроченной психической травме, когда долговременная па-

мять начинает ухудшаться, в ход шли стратегии интенсификации актуальных мыслительных операций. Попытки испытуемых интенсифицировать решение когнитивных задач за счет усиления сознательной регуляции наталкиваются на ограниченные возможности их дополнительных ресурсов внимания и не являются оптимальными стратегиями.

Литература

1. Блинникова И.В., Капица М.С. Цена тревоги // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 62–72.
2. Леонова А.Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14. Психология. — 2007. — Т. 4. — № 1.
3. Литвинцев С.В., Резник А.М., Снедков Е.В. Боевая психическая травма. — М.: Медицина, 2005.
4. Clore G.L., Palmer J.E. Affective guidance of intelligent agents: How emotion controls cognition // Cognitive Systems Research. — 2009. — Vol. 10. — P. 22–30.
5. Derakshan N., Eysenck M.W. Working memory capacity in high trait anxious and repressor groups // Cognition and Emotion. — 1998. — Vol. 12. — P. 697–713.
6. Keinan G. Decision-making under stress: Scanning of alternatives under controllable and uncontrollable threats // Journal of Personality and Social Psychology. — 1987. Vol. 52. — P. 639–644.
7. Leonova A.B. Functional Status and Regulatory processes in stress management // *Operator functional state and deterioration*. Ed. by G.R.L. Hockey, A.W.K. Gaillard, O. Burov. — Amsterdam: IOS Press, 2003. — P. 36–52.
8. MacLeod C., Donnellan A.M. Individual differences in anxiety and the restriction of working memory capacity // Personality and Individual Differences. — 1993. — Vol. 15. — P. 163–173.
9. Pitman R.K., Shalev A.Y., Orr S.P. Post-traumatic stress disorder: emotions, conditioning, and memory // Gazzaniga M.S. (Ed.) *The cognitive Neurosciences*. Cambridge. — 1999. — P. 1133–1147.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОДИНАМИКИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К СЛУЖБЕ В УИС

К. В. Кряклин

Аннотация: в статье обозначена актуальность психодинамических исследований личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе в УИС.

Ключевые слова: психодинамика, профессиональная адаптация.

Summary: the article describes the actuality of psychodynamic research personality of the employee in occupational adaptation to service in UIS Penal Enforcement System (Russian Federation).

Keywords: psychodynamics, occupational adaptation.

Актуальность проблемы психодинамики личности сотрудников пенитенциарной системы в процессе адаптации к экстремальным условиям профессиональной деятельности обусловлена целым комплексом обстоятельств. Уголовно-исполнительная система в настоящее время находится в процессе реформирования, происходит резкое омоложение личного состава сотрудников, жизненный опыт которых ограничивается рамками семьи и обучением в школе, у них отсутствует опыт работы в учреждениях закрытого типа. Кроме того, каждодневные, повышенные психоэмоциональные нагрузки, опасность, сопряженная с риском для жизни и здоровья, влияют на особенности протекания процесса адаптации и выступают в роли постоянно действующих психотравмирующих факторов.

В условиях обновления системы в соответствии с европейскими стандартами, усиления роли институтов гражданского общества растут требования к моральному, гуманному облику сотрудников УИС и системе в целом.

Все это приводит к трансформации сложившихся традиций, изменению режимного воздействия на осужденных и нарушению системы взаимоотношений «осужденный — сотрудник», что, в свою очередь, создает атмосферу напряженности в местах лишения свободы.

На фоне изменяющихся условий работы вновь принимаемые сотрудники должны соответствовать критериям отбора, сложившимся в пенитенциарной практике как России, так и зарубежных государств [2].

Следует отметить, что соответствие качеств личности молодых сотрудников, наличие необходимых профессионально важных качеств не гарантируют успешную адаптацию. Динамика развития УИС требует не только совершенствования системы профессионального отбора, но и качественного изменения системы профессиональной адаптации и воспитания сотрудников. Отсутствие последовательной работы по обеспечению необходимых условий для адаптации сотрудника может стать причиной увольнения из пенитенциарной системы в период испытательного срока или в течение первого года службы. Деадаптация является причиной низкой эффективно-

сти и качества исполнения должностных обязанностей и служебной деятельности в целом, а также ведет к дисциплинарным проступкам, явлениям психической дезадаптации, вплоть до профессиональной деформации и совершения деструктивных действий. Неудовлетворительная адаптация, нарушение целостности всего процесса не позволяют говорить об успешности процесса адаптации в целом [3].

Профессиональная адаптация — это процесс взаимного приспособления специалиста и коллектива [1]. В течение совместной деятельности сотрудники оказывают влияние и тем самым изменяют условия этой деятельности. Однако процесс активности исходит и от профессионального сообщества к сотруднику. Группы сотрудников, проявляя активность в совместной деятельности, изменяют эти условия, одновременно меняют психику конкретных сотрудников, являющихся членами данной профессиональной группы. В результате влияние окружающих условий на сотрудников в значительной степени определяется характером совместной деятельности, активностью сотрудников и активностью групп [4].

При этом степень психологического здоровья организма определяется запасом прочности, стойкости в отношении деструктивных влияний, то есть тем, насколько легко и надежно защитные силы гасят, компенсируют эти влияния, не допуская искажения условий функционирования психики. Серьезные нарушения внутреннего равновесия изменяют характер протекания психических функций, тем самым влияя на эти функции. Иными словами, личность человека динамична и представляет собой некое

пространство состояний, которые постоянно сменяют друг друга.

Д.В. Сочивко в книге «Психодинамика» экспериментально доказал, что состояния не просто сменяют друг друга, а образуют устойчивые циклы. «Это означает, что если за гневом последовал страх, то очень велика вероятность того, что из состояния страха данная личность с именно таким присущим ей циклом опять возвратится в состояние гнева или раздражения. Такая циклическая смена двух состояний может удерживать личность достаточно долго, и со временем становится ее типичной психодинамикой» [5].

Изучение психодинамики личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации позволит выявить актуальные психодинамические противоречия человека, найти способы их разрешения и разработать научно обоснованные рекомендации по психологическому сопровождению адаптации к службе.

Так, ряд авторов указывают, что большинство входящих в должность сотрудников правоохранительных органов, приходя на службу, проявляют интерес к будущей профессии, однако впоследствии у них возникает диссонанс между реальной экстремальностью условий жизнедеятельности на службе и ранее сформированным образом о будущей достойной жизни [6]. Это противоречие дестабилизирует внутреннее состояние человека, у него возрастает нервно-психическое напряжение, происходит переоценка возможностей. На наш взгляд, в данном случае на первый план выступают такие характеристики личности, способные привести к конструктивному разрешению проблемы,

как нервно-психическая устойчивость и уровень самооценки.

Следующее противоречие заключается в неосознанности мотивов, связанных с желанием защищать и обеспечить законность, интересы граждан и правопорядок, и осознанности того, что система создаст условия материальной стабильности. Об этом свидетельствуют ответы кандидатов на службу в анкетах психологов. В этом случае особую роль играют представления человека о качестве жизни, сформированности системы оценки социальной устроенности — неустроенности и удовлетворенности — неустроенности и удовлетворенности жизнью.

Для успешной адаптации сотрудника важную роль играет отношение к нему со стороны коллег. Ощущение своей значимости и одобрение со стороны непосредственного начальника, наставника, коллег по службе может стимулировать активность, а ощущение своей ненужности, напротив, усиливает проявление негативных характеристик. И от того, как разрешится это психодинамическое противоречие, зависит успешность адаптации.

Коммуникативные качества личности также оказывают влияние на процесс адаптации. Умение устанавливать контакты с окружающими определяется опытом и потребностью в общении

(одни противопоставляют себя окружающим, другие, напротив, относительно конформны; одни агрессивны, а другие дружелюбны).

Рассмотренные нами противоречия не исчерпывают весь список возможных проблем, для его расширения требуются экспериментальные исследования. Основным вывод заключается в том, что рассмотрение психодинамики личности в условиях адаптации позволит нам определить уравнивающий вектор психических сил, организующий поведение и способствующий успешной профессиональной адаптации.

Литература

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учеб. пособие для студентов вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Академический Проект, 2003.
2. Поздняков В.М. Направления совершенствования психологического обеспечения работы с сотрудниками ФСИН России // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 8–17.
3. Профессиональная адаптация молодых сотрудников, принятых на службу в УИС: метод. рек. / Н.Н. Барановский, В.М. Демин, Н.Г. Соболев [и др.]. — М.: НИИ ФСИН России, 2007. — 48 с.
4. Смирнов В.Н. Юридическая психология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и «Психология». — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — 319 с.
5. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: ПЕР СЭ, 2003. — 256 с.
6. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Горностаев С.В. Оборотни: психологические портреты: монография / под ред. Д.В. Сочивко. — М.: ПЕР СЭ, 2008. — 163 с.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИСПЫТАНИЕ ВОЛИ

Г. П. Иванов, Е. А. Меркер, Л. Н. Митюхина

Аннотация: работа посвящена рассмотрению процесса профессионального становления в условиях образовательной среды вуза. Особый акцент сделан на аксиосферу личности будущего профессионала.

Ключевые слова: профессионал, профессионализм, аксиосфера, ценностные ориентации, ранжирование ценностей, воля.

Summary: the paper is the process of professional development in the educational environment of the university. Particular emphasis is placed on the personality of the future axiosphere professional.

Keywords: professional, professionalism, axiosphere, value orientation, the ranking of values, will.

За последнее время наряду с увеличением внимания к исследованиям в области психологии развития личности, ее жизненного и профессионального пути, генезиса мотивационно-потребностной сферы, способностей, а также в связи с разработкой и внедрением концепций деятельностного, личностного и системного подхода при решении комплексных задач совершенствования, оптимизации структур организации деятельности возрос интерес к проблеме формирования личности профессионала. В настоящее время в психологии развития и акмеологии предпринимаются попытки сформулировать законы личностно-профессионального развития, самовыражении личности в профессии (Е.Н. Богданов, А.А. Бодалев,

А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова и др.).

Идеи целостности, единства личностного и профессионального развития человека становятся более осмысленными практиками и находят все большее подтверждение в исследованиях ученых. При этом важно понять, что ценностные ориентации, их динамика и иерархия являются ядром личности, характеристикой сознания и самосознания.

Основополагающей категорией акмеологии на нынешнем этапе развития является категория профессионализма. Заметим, что во всех психологических словарях эта категория не рассматривается, также отсутствует научное осмысление другой важной акмеологической категории — профессионал. В связи с этим прежде всего необходимо обратиться к общим представлениям о данной категории. Профессионал в Словаре русского языка С.И. Ожегова определяется как человек, избравший какое-либо занятие своей профессией; специалист своего дела. Таким образом, в быденном понимании понятие профессионал связывается с самим фактом принадлежности к какой-либо профессиональной деятельности [1].

Исходя из целесообразности более детального рассмотрения становления профессионализма личности, мы остановились на более глубоком изучении процессов, происходящих с личностью на этапе получения высшего профессионального образования. При этом центральным аспектом стал характер ди-

намики ценностных ориентаций человека в процессе профессионального становления.

В данной работе в методологическом плане целесообразно выделить уровень профессионализма. Профессионализм — это совокупность, набор личностных характеристик человека, необходимых для успешного выполнения труда. Следует подчеркнуть, что профессионализм человека — это не только достижение им высоких профессиональных результатов, не только производительность труда, но непременно и наличие психологических компонентов — внутреннего отношения человека к труду, его состояния. В своей работе мы исходим из положения о том, что основу профессионального роста составляет личность человека, поэтому при становлении профессионала надо опираться на его общее психологическое развитие.

Восхождение человека к профессионализму называется профессионализацией. В литературе профессионализацию определяют как целостный непрерывный процесс становления личности специалиста и профессионала, который начинается с момента выбора профессии, длится в течение всей профессиональной жизни человека и завершается, когда человек прекращает свою профессиональную деятельность [2]. Результатами профессионализации можно считать становление профессионала, развитие новых профессионально важных качеств, переход человека на следующий уровень профессионализма и т. д.

Государственный образовательный стандарт в области уровня подготовки психолога предъявляет ряд требований к формированию знаний, умений и навыков, а это относится к профессионализ-

му деятельности. Становление компетентного специалиста происходит в процессе изменений в личностном и психологическом развитии. Отметим, что требования к профессионализму личности в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования отсутствуют. И это несомненный недостаток, который необходимо устранить. Работа посвящена изучению ценностных ориентаций студентов, обучающихся на психологическом факультете одного из вузов г. Калуги. При помощи методики М. Рокича были проанализированы, а затем выделены предпочитаемые студентами ценностные ориентации, так как по единодушному мнению многих исследователей, занимающихся проблемой ценностных ориентаций, их система во многом определяет формирование личности человека.

При интерпретации результатов видно, что на первых местах находятся те ценности, выбор которых может говорить о респондентах как о сформировавшихся зрелых личностях. Среди *терминальных ценностей* можно выделить: здоровье, любовь и желание иметь верных друзей; наименее предпочтительными являются: красота природы и искусства, развлечения и счастье других; среди *инструментальных ценностей* — образованность, воспитанность, жизнерадостность, а наименее значимыми оказались — непримиримость к недостаткам, высокие запросы и чуткость. Следует обратить внимание на сильное отклонение на IV курсе от выбора остальных курсов главной ценности «здоровье» в сторону ценности «любовь».

Отметим, что все более предпочитаемые ценности и связанные с ними сферы жизнедеятельности ориентиро-

Таблица 1

Результаты теста (ранжирование) ценностных ориентации М. Рокича студентов психологического факультета

Терминальные ценности	1 курс						Иструментальные ценности	2 курс					
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Σ ср.		1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Σ ср
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Активная деятельная жизнь	12	7-8	12	12-13	6	10	Аккуратность	7	7-8	16	13	12	12
Жизненная мудрость	6	5	10	2	5	4	Воспитанность	2	2	2	10	6	2
Здоровье	1	2	1	1	1	1	Высокие запросы	18	13-14	18	17	1	17
Интересная работа	9	4	5-6	3	11	7	Жизнерадостность	4	6	4	2	9	3
Красота природы и искусства	18	17	18	17	18	18	Исполнительность	12-13	10	12	16	18	13-14
Любовь	3	1	2	7	2	2	Независимость	10	5	7-8	3	3	4
Обеспеченная жизнь	5	9	8	4	4	5	Непримиримость к недостаткам	17	15	17	18	5	18
Наличие хороших друзей	2	3	3	6	3	3	Образованность	1	3	1	1	2	1
Общественное признание	13	13-14	13	14	14	14	Ответственность	3	13-14	3	8	13	5
Познание	10	10	11	8	13	11	Рационализм	12-13	16	10-11	4	10	9
Продуктивная жизнь	14	12	14	12-13	12	13	Самоконтроль	6	9	7-8	5-6	14	7
Развитие	11	13-14	9	10	10	12	Смелость в отстаивании мнения	8-9	7-8	9	7	11	10
Развлечения	16	18	16	18	15	17	Твердая воля	8-9	1	5	5-6	16	6
Свобода	8	6	4	9	9	9	Терпимость	11	17	14	15	8	13-14
Счастливая семейная жизнь	4	11	5-6	11	7	8	Широта взглядов	16	11	10-11	11	4	11
Счастье других	17	16	17	16	17	16	Честность	5	4	6	9	17	8
Творчество	15	15	15	15	16	15	Эффективность в делах	14	18	13	12	15	15
Уверенность в себе	7	7-8	7	5	8	6	Чуткость	15	12	15	14	7	16

ваны на анализ отношения к себе. Студенты предпочитают и ставят на первое место прежде всего те ценности и ситуации, которые непосредственно связаны с ними лично. Особое внимание уделяется ценностям, связанным с интимно-личностной сферой общения и удовлетворяющим потребность в общении. Непредпочтение ценностей, связанных со смыслом деятельности, гармонией с окружающим миром, совершенствованием и творчеством можно объяснить возрастными особенностями

ми респондентов. Студенты практически игнорируют ситуации, не связанные с ними лично, не несущие в себе личностной значимости. Следует также отметить, что более предпочитаемыми являются ценности, имеющие явную практическую направленность, то есть ориентацию на реальное практическое приращение их в жизни.

При анализе результатов видно, что в ответах, даваемых испытуемыми при ранжировании, преобладает ориентация на оценку окружающих людей.

Таблица 2

**Результаты теста ценностных ориентации М. Рокича успешных студентов
V курса психологического факультета, полученных по отдельной группе учащихся
и успешных учащихся**

Терминальные ценности	2009 г.		2011 г.		Инструментальные ценности	2009 г.		2011 г.	
	по группе	успешных учащихся	по группе	успешных учащихся		по группе	успешных учащихся	по группе	успешных учащихся
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Активная деятельная жизнь	12-13	14	10	12	Аккуратность	13	16	8-9	11
Жизненная мудрость	2	3	11	14	Воспитанность	10	12-13	4	12-13
Здоровье	1	1-2	1	1	Высокие запросы	17	17	18	17
Интересная работа	3	6	5	2	Жизнерадостность	2	6	2	1-2
Красота природы и искусства	17	17	17	17	Исполнительность	16	10-11	14	16
Любовь	7	7	2	9	Независимость	3	4	6-7	6
Обеспеченная жизнь	4	9	3	3	Непримиримость к недостаткам	18	18	17	18
Наличие хороших друзей	6	5	9	13	Образованность	1	1	1	3
Общественное признание	14	15-16	14	16	Ответственность	8	7-8	3	5
Познание	8	8	13	11	Рационализм	4	12-13	10	7
Продуктивная жизнь	12-13	10	12	5	Самоконтроль	5-6	2	5	4
Развитие	10	13	6	4	Смелость в отстаивании мнения	7	5	13	14-15
Развлечения	18	18	16	15	Твердая воля	5-6	3	6-7	1-2
Свобода	9	12	8	6	Терпимость	15	15	11	12-13
Счастливая семейная жизнь	11	4	7	7	Широта взглядов	11	7-8	8-9	9
Счастье других	16	15-16	18	18	Честность	9	9	15	14-15
Творчество	15	11	15	10	Эффективность в делах	12	10-11	12	8
Уверенность в себе	5	1-2	4	8	Чуткость	14	14	16	10

Можно говорить, что предпочтительнее те ценности, которые имеют связь со склонностью на индивидуальные установки, предпочтение действий в своих собственных интересах, возможность быть независимыми и иметь свою точку зрения.

В контексте исследования необходимо рассмотреть особенности выбора ценностей успешно обучающихся студентов для получения модели личностных особенностей, которая может послу-

жить как эталонная в процессе профессионального обучения. Для этого были выбраны 6 студентов V курса психологического факультета, имеющих преимущественно отличные и хорошие оценки. Был также использован лонгитюдный метод исследования для прослеживания динамики изменения личностных особенностей выбранных студентов. Исследование проводилось в 2009 и 2011 гг.

Анализ результатов исследования ценностных ориентаций студентов по-

казывает, что в целом по 2009 и 2011 гг. среди терминальных ценностей в числе наиболее предпочитаемых оказываются: здоровье; интересная работа; материально обеспеченная жизнь; жизненная мудрость. Наименее предпочтительными для студентов явились следующие ценности: счастье других; красота, природа, искусство; общественное признание; развлечения.

Все более предпочитаемые ценности и связанные с ними сферы жизнедеятельности ориентированы на анализ отношения к себе и своей жизни в целом, что более предпочитаемыми являются ценности, имеющие явную практическую направленность, то есть ориентацию на реальное практическое применение их в жизни.

Анализ результатов показывает, что среди инструментальных ценностей наиболее значимыми для студентов оказались: твердая воля; образованность; жизнерадостность; самоконтроль. Наименее предпочитаемыми ценностями являются: непримиримость к недостаткам в себе и других; высокие запросы; аккуратность; исполнительность.

Анализ результатов показывает, что в ответах, даваемых испытуемыми при ранжировании, преобладает ориентация на личностные качества как основополагающие в индивидуальном развитии и жизнедеятельности отдельно взятого человека. Были также выбраны те ценности, которые имеют связь со склонностью на индивидуальные установки,

оптимистичную оценку происходящего, твердость в своих делах и отстаивании своего мнения.

Особых различий между ценностными ориентациями успешных обучающихся и основной группы студентов-выпускников нами не обнаружено, кроме выделения твердой воли в инструментальных ценностях.

В контексте работы мы более детально рассмотрели становление профессионализма личности и остановились на более глубоком изучении процессов, происходящих с личностью на этапе получения высшего профессионального образования. При этом центральным аспектом стал характер изменений ценностных ориентаций студентов в процессе профессионального становления. Данное исследование являлось пилотажным. В дальнейшем планируется отслеживание изменений в предпочитаемых ценностях посредством влияния на личность студента активных форм обучения.

Литература

1. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Введение в акмеологию. 2 изд., перераб. и доп. — Калуга: КГПУ имени К.Э. Циолковского, 2001. — 145 с.
2. Бодаев А.А. Акмеология как учебная и научная дисциплина. — М.: РАУ, 1993. — Юс.
3. Деркач А.А., Кузьмина Н.В. — М. РАУ, 1993 — 23 с.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. — Л.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. — 308 с.
5. Романова Е.С. 99 популярных профессий: психологический анализ и профессиограмма. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 464 с.

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов, Л. Н. Митюхина

Аннотация: трудности, препятствующие построению модели профессионала, объясняются тем, что фактически невозможно выделить стандартно-образцовый профиль личностных и психологических качеств, под который можно было бы «подгонять» будущих психологов, менеджеров, журналистов, экономистов и юристов. В работе мы попытались подробно описать особенности личности специалистов, формируемых в ходе получения высшего профессионального образования.

В статье достаточно подробно приведены психологические и личностные особенности специалистов, основу которых составили индивидуально-типологические качества успешных студентов на завершающем этапе обучения, то есть когда выбор профессии уже в полной мере осознан и получен основополагающий массив информации для дальнейшего профессионального развития и трудовой деятельности. Анализируя индивидуально-психологические особенности личности студентов-выпускников, мы составили профессиограмму менеджера, психолога, юриста, экономиста, журналиста и оформили их в виде таблицы. В целом полученные результаты являются определенным ориентиром для преподавателей вуза по формированию профессионально важных качеств специалистов перечисленных специальностей.

Ключевые слова: модель, профессиограмма, профиль личности, профессия, профессионализм, профессионально важные качества, личность.

Summary: the difficulties interfering creation of model of the professional, speak that it is actually impossible to allocate standard and exemplary a profile of personal and psychological qualities to which it would be possible to «adjust» future psychologists, managers, journalists, economists and lawyers. In work we tried to describe in detail features of the identity of the experts formed during receiving higher education.

In article psychological and personal features of the experts which basis made individual and typological qualities of successful students at the training final stage that is when the choice of profession already is fully realized and received a fundamental array of information for further professional development and labor activity are rather in detail described. Analyzing individual and psychological features of the identity of students graduates, we made профессиограмму the manager, the psychologist, the lawyer, the economist, the journalist and issued them in the form of the table. As a whole the received results are a certain reference point for teachers of higher education institution on formation of professionally important qualities of experts of above-mentioned specialties.

Keywords: model, profессиограмма, personality profile, profession, professionalism, professional and important qualities, personality.

Одной из актуальных задач современной высшей школы является адекватное отражение будущей профессиональной деятельности в содержании

и технологиях подготовки специалиста (С.А. Дружилов, А.А. Калмыков, С.А. Митюнина, А.Р. Фонарев).

Решению этой задачи способствует создание модели как норматива планируемых личностных и психологических качеств выпускников вуза.

В науке под моделью понимается система объектов или знаков, воспроизводящих некоторые существенные свойства объекта-оригинала. Иными словами, модель — это всегда некое подобие, наличие которого позволяет использовать ее в качестве представителя объекта-оригинала. Степень соответствия модели объекту-оригиналу является важным показателем полноты и истинности теории.

Мы должны понимать, что при создании акмеологических моделей ее содержанием выступает то, что подлежит личностно-профессиональному развитию вплоть до уровня профессионализма (А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина). При этом форма модели не играет существенной роли. Обобщение работ данного направления позволяет определить акмеологическую модель. *Акмеологическая модель* — это система объектов и задач, воспроизводящих существенные свойства объекта-оригинала — отдельного образа профессионала или эталона личности профессионального развития (Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин).

Сама идея модели специалиста вызывает иногда сомнение. Обычно приводится примерно такое обоснование: невозможно втиснуть в модель все характеристики профессиональной деятельности (вместе с необходимостью импровизировать в труде), а также выделить общепризнанный, стандартно-

образцовый профиль личностных и профессиональных качеств специалиста, под который можно было бы «подгонять» будущих психологов, менеджеров, журналистов, экономистов и юристов.

Одной из наиболее острых проблем при составлении модели специалиста является *проблема построения модели личности специалиста*. Традиционно психологи с помощью тестов выделяют наиболее выраженные по разным шкалам и параметрам личностные качества успешно работающих специалистов, таким образом и получается личностный профиль специалиста.

Известный психолог А.К. Маркова выделяет профессиограмму как одну из основных составляющих модели специалиста.

Профессиограмма — это научно обоснованные нормы и требования профессии к видам профессиональной деятельности и качествам личности специалиста, которые позволяют ему эффективно выполнять требования профессии, получать необходимый для общества продукт и вместе с тем создают условия для развития личности работника. Профессиограмма — это обобщенная эталонная модель успешного специалиста в данной области, хотя иногда отмечается, что в профессиограмме надо учитывать и варианты выполнения профессиональной деятельности на среднем уровне. Из профессиограммы человек получает сведения об объективном содержании труда и психологических качествах, требуемых от человека. Вместе с тем профессиограмма — это не жесткая стандартная схема, а гибкая ориентировочная основа развития специалиста.

Нами было проведено исследование личностных и психологических осо-

Рис. 1. Графическое представление средних показателей психологического и личностного развития успешных студентов V курса по результатам методики Р. Кеттелла

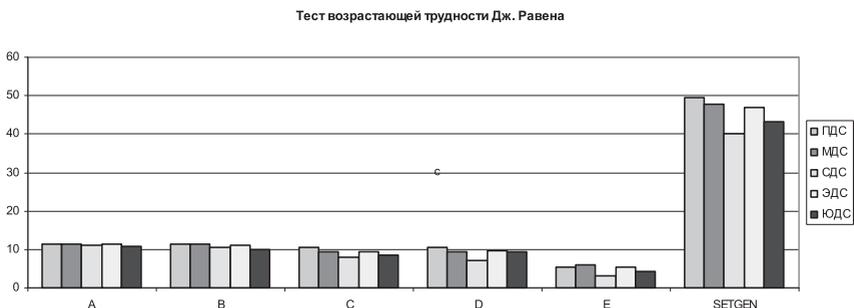

Рис. 2. Графическое представление средних показателей логического мышления и невербального интеллекта успешных студентов-выпускников по методике Дж. Равенна

бенностей студентов-выпускников очной формы обучения пяти факультетов в возрасте от 21 до 25 лет. При изучении выборки мы выделили группы успешно обучающихся на каждом факультете (студенты, имеющие оценки «отлично» и «хорошо»). Для поставленной задачи был использован факторный личностный опросник Р. Кеттелла, который позволяет подробно описать личностную структуру студента вуза (рис. 1), тест возрастающей трудности Дж. Равенна для комплексной оценки мышления лич-

ности и невербального интеллекта (рис. 2) и методика исследования самоотношения, дающая возможность оценить особенности сферы самосознания личности (рис. 3). Для наглядности представим полученные в ходе эмпирического исследования данные в виде трех графиков.

Результаты исследования позволяют констатировать, что успешные студенты более интеллектуально развиты, рациональны, логичны, эмоционально устойчивы, то есть в процессе обучения эти

Рис. 3. Графическое представление средних показателей индивидуально-психологических особенностей успешных студентов-выпускников по опроснику МИС

особенности оказались наиболее значимыми для успешного профессионального становления. Можно сделать вывод, что студенты-выпускники эмоционально зрелые и хорошо приспособленные в целом умеют контролировать свои эмоции и поведение, уверены в себе, легко вступают в контакты и любят быть на виду.

Изучение проблемы становления личности профессионала напрямую связано с тем, как выявляются профессионально важные качества (ПВК) личности человека, находящегося на той или иной ступени профессионализации. Образцом ПВК личности, необходимых для эффективной деятельности, служат характеристики сознательного ее регулирования, то есть свойства деятельности проецируются на свойства личности, отображаются в ее индивидуально-психологических особенностях.

Нами были выделены параметры, позволяющие строить обобщающий психологический портрет профессионала, который несет в себе перечень ПВК. За пределами нашего исследования остается ряд проблем, например, человек как представитель социокультурной среды;

человек как индивид с определенными духовно-культурными ценностями; человек как субъект деятельности. Нас будет интересовать человек как индивидуум, носитель особенных черт и качеств, то есть индивидуально-психологических особенностей, необходимых для успешной профессионализации.

Практическая значимость проведенного нами анализа состоит в получении модели личностных и психологических особенностей успешно обучающихся студентов, которая может выступать как эталонная на этапе получения высшего образования, так как эти качества являются системообразующими в процессе становления будущего специалиста, развития его профессионализма.

Модель практического психолога

Опишем модель практического психолога посредством составления профессиограммы. Данная модель нами теоретически обоснована, уточнена и дополнена эмпирическим и экспериментальным путем (проанализированы индивидуально-психологические особенности студентов-психологов, а также личностный профиль успешно обу-

чающихся студентов-выпускников — рисунки 1–3).

Психолог — ученый, специалист по психологии, тонкий, вдумчивый наблюдатель, знаток человеческой психологии, душевных переживаний.

Для успешной работы в сфере научной психологии необходимы соответствующие способности. На основе теоретического анализа литературы и практического исследования качеств личности успешных студентов психологического факультета мы можем говорить о неких способностях, которые требуются студенту для успешного профессионального становления и дальнейшего развития в области психологии.

Успех в деятельности практического психолога зависит прежде всего от качественных особенностей и уровня развития процессов мышления самого психолога, поскольку эффективность его деятельности в конечном итоге определяется тем, насколько успешно он смог определить причины того или иного психологического явления, а значит, проникнуть во внутреннюю, скрытую от непосредственного наблюдения психологическую реальность.

Профессиональная специфика мышления психолога обусловлена в первую очередь необходимостью понимания скрытых от непосредственного наблюдения внутренних механизмов и законов развития как личности в целом, так и отдельных психических процессов и состояний человека, эмоциональных переживаний, отношений, интересов, причин возникновения различных психологических проблем. Из этого следует, что основным инструментом практического психолога является его собственное мышление, позволяющее такие соотно-

шения устанавливать. То, в какой мере это удастся, будет определять степень эффективности работы психолога.

Большое знание для практического психолога имеют коммуникативные качества его личности: умение понимать других людей и психологически корректно воздействовать на них. Психолог должен уметь работать с людьми, разбираться в характерах, обладать не только психологическими знаниями, но и психологической интуицией. Коммуникативными качествами психолога, важными для его профессиональной деятельности, можно считать привлекательность, общительность, тактичность, вежливость, умение слушать и понимать другого человека.

Практическая психология требует от психолога гораздо больше профессионально специфических качеств. С учетом особенностей профессиональной деятельности психолога, в частности психолога-практика, особое значение приобретает его ответственность за свою работу. Очевидный факт, что от профессиональной деятельности психолога-практика, независимо от того, в какой сфере он работает, во многом зависит психологическое состояние людей, что, в свою очередь, определяет в известной степени результаты труда последних и их состояние.

Понятно, что определяющим фактором в профессиональной деятельности психологов-практиков в первую очередь является их теоретическая подготовка. Без наличия необходимых профессиональных знаний невозможно решать практические задачи.

Большое значение имеет настроение психолога-практика при общении с клиентом. Психолог должен иметь не-

притворную любовь к людям, твердую веру, развитой ум, живую совесть, интерес к жизни людей, искреннее желание им помочь.

Однако не стоит упускать из вида то, что в профессиональной деятельности психолог не может быть успешным во всем. Не все методы и приемы работы получаются одинаково хорошо. Не ко всем видам деятельности проявляется интерес и склонность. В связи с этим психологу необходимо формировать индивидуальный стиль профессиональной деятельности с учетом своих индивидуальных личностных особенностей. Логика формирования индивидуального стиля профессиональной деятельности психолога предполагает следующие важные моменты. Сначала психолог опирается на уже имеющиеся у него способности и умения, постепенно приспосабливая их к решению профессиональных задач. Затем на основе имеющихся качеств и умений нередко возникают новые, ранее отсутствовавшие качества. Наконец, постепенно формируется сложная взаимосвязанная система адаптированных и новых профессионально важных качеств.

Итак, на основе полученных данных мы составили профессиограмму практического психолога (модель практического психолога), которую наглядно можно представить в виде таблицы 1.

Модель менеджера

Менеджер — руководитель или управляющий, отвечающий за определенное направление деятельности предприятия (менеджер по персоналу, инвестиционный менеджер, менеджер по связям с общественностью, финансовый менеджер, риск-менеджер, бренд-менеджер,

экаунт-менеджер, менеджер по продажам), управляющий проектом (менеджер проекта) или целой компанией (топ-менеджер). Основная деятельность менеджера — это общение с клиентами. Кроме того, менеджер общается и с коллегами и подчиненными, и здесь также необходима коммуникативная компетентность.

Менеджер — профессионально подготовленный руководитель. Однако по эффективности своего руководства менеджеры различаются. Проанализировав полученные данные и различные теоретические источники, можно выделить в качестве важнейших факторов успеха в деятельности менеджера следующие:

1. Желание и интерес человека заниматься деятельностью менеджера.

2. Умение работать с людьми, умение общаться, взаимодействовать, убеждать, влиять на людей (коммуникативные качества).

3. Гибкость, нестандартность, оригинальность мышления, способность находить нестандартные решения.

4. Оптимальное сочетание рискованности и ответственности в характере.

5. Способность предвидеть и спланировать будущее развитие событий, предвидеть последствия решений.

6. Профессиональная компетентность и управленческая подготовка.

Как видно, одними из важнейших качеств преуспевающего менеджера являются собственно психологические качества, поэтому можно сказать, что модель специалиста-менеджера близка к ранее описанной модели практического психолога. Таким образом, можно сделать вывод на основе анализа данных по успешным учащимся-менеджерам и уже составленной профессиограммой

Таблица 1

Профессиональная программа практического психолога

1. Общая характеристика труда	2. Требования к профессии к качеству подготовки		3. Требования к личностным качествам		4. Диагностические методики и протопоказания
	Условия и характер труда	Знания	Умения и навыки	Интересы и склонности	
<p>Содержание и основные операции (действия)</p> <p>На промышленных предприятиях, в медицинских и научных учреждениях, учебных заведениях, системах средств массовой информации осуществляется научно-практическую, педагогическую, исследовательскую, методическую и информационно-библиографическую деятельность. Разрабатывает методы управления личностью и коррекции ее развития, дает экспертные оценки состояния и отдельных психических функций человека, предлагает и внедряет рекомендации по оптимизации процессов трудовой и учебной деятельности и условий труда, быта и отдыха людей, ведет наблюдения индивидов и коллективов, составляет анкеты, вопросы и т. д. Выполняет исследования по оптимизации психологического климата в социальных коллективах (семья, производство) и изучает проблемы адаптации личности к различным условиям и режимам жизнедеятельности. Занимается социальным тренингом, ведет профилактическую работу</p>	<p>Работа в помещении, нормированный рабочий день, составлен график труда на неделю/год. Работа связана с постоянным обучением, решением психологических задач, руководством трудовыми коллективами, совершенствованием подбора и расстановки кадров, повышению качества профессиональной подготовки</p>	<p>Должен знать: основы законодательства в области здравоохранения, образования, занятости населения, охраны труда, методические нормативные и др. материалы по практике психологической помощи; общие психологические основы психодиагностики, психологии, основы психодиагностики, психологии и обучения; зрительность</p>	<p>Коммуникативные способности; умение слушать; вербальные способности (умение говорить четко, ясно, выразительно); организаторские способности; наблюдательность; любознательность; обучаемость; зрительность</p>	<p>Склонность к умственному труду и работе с людьми, стрессоустойчивость; Интеллект и уважение к другому человеку. Стремление к самопознанию, саморазвитию</p>	<p>Рекомендуемые методики</p> <p>16 РФ, FPI, МИС, тест возрастностной трудности Дж. Равенста, Тест Амтхауера. Тесты на стрессоустойчивость. Проективные методы изучения личности. Опросник ценностных ориентаций М. Рокича; Характерологический тест К. Леонгарда-Шмишека</p> <p>Медицинские противопоказания</p> <p>Нервные и психические заболевания, а также инфекционные и кожные заболевания; венерические заболевания; расстройства личности; нарушения зрения; расстройства речи</p>

психолога о качествах, обеспечивающих успешность выполнения профессиональной деятельности менеджера:

- коммуникативные способности (умение входить в контакт, налаживать взаимоотношения);
- способность управлять собой;
- хорошие организаторские способности (способность руководить);
- высокая способность влиять на окружающих;
- способность формировать и развивать эффективные рабочие группы;
- хорошо развитые аналитические способности;
- высокий уровень понятийного мышления.

Профессионально важные качества менеджера представляют собой набор психологических и личностных особенностей, которые могут быть им использованы в процессе профессиональной деятельности. Можно выделить даже некую систему профессиональных качеств менеджера, которые в основном формируются в процессе обучения в вузе: психологические, профессиональные и административные (рис. 1–3).

Психологические особенности менеджера включают в себя стиль делового поведения и способ мышления. Источник этого ресурса — личность, индивидуально-психологическими особенностями которой являются способности, темперамент, характер, волевые качества, эмоции и мотивация.

Профессиональные качества менеджера включают в себя накопленный опыт: теоретической (специальные знания) и практической управленческой деятельности (при обучении в вузе накоплению практических знаний может помочь производственная и преддиплом-

ная практики). Здесь можно сказать о сформированности комплекса профессионально необходимых знаний и умений работать с людьми, а также навыков эффективного общения. Одним из источников этих ресурсов служит личностность, направленная на получение профессиональных знаний и управленческого опыта.

Источником административных ресурсов выступает управленческая иерархия: уровень управления непосредственным действием, уровень управления людьми, которых побуждают осуществлять те или иные действия, и уровень управления информацией, через которую оказывается воздействие на индивидов. Иными словами, это означает, что от менеджера зависит, какой именно уровень труда он выберет, определит стиль его профессиональной деятельности.

Отдельно следует отметить о необходимости баланса системы выделенных ранее качеств, который является одним из условий хорошей работы менеджера: профессиональные и психологические особенности личности специалиста должны соответствовать административным ресурсам, определяющим успешность и эффективность его деятельности.

По результатам нашего исследования к общим способностям менеджера можно отнести: *интеллект*, как общий уровень мыслительных процессов, так и широта кругозора, восприятие, память (особенно на имена и лица), воображение, развитую *эмоционально-волевою сферу личности* (самоконтроль поведения и эмоциональных проявлений, развитое чувство долга, ответственность), высоко развитые *коммуникативные*

Таблица 2

Профессиональная программа менеджера

1. Общая характеристика труда	Условия и характер труда	2. Требования профессии к качеству подготовки	3. Требования профессии к личностным качествам	4. Диагностические методики и противопоказания			
<p>Содержание и основные операции (действия)</p> <p>На промышленных предприятиях, в торговле (компания по оптовой и розничной продаже), строительстве и сельское хозяйство, транспорт и связь, гостиничный и ресторанный бизнес, туристические компании, рекламные агентства и компании, брокерские фирмы, банковское и страховое дело. Работа с другими людьми в организациях для достижения организационных целей и экономического успеха: изучение спроса и предложения на рынке; планирование деятельности организации; коммуникация (установление и развитие взаимодействия между персоналом, другими учреждениями и организациями); поиск и использование необходимых средств и ресурсов для достижения основных целей организации; разработка бизнес-плана и контроль за его реализацией; организация и оценка работы подчиненных; участие в процессе подбора, приема и профессионально-квалификационного роста работников; проведение презентаций</p>	<p>Работа в помещении, рабочий день может быть как нормированным, так и ненормированным. Планирование работы не только для себя, но и для подчиненных. Работа связана с постоянным общением, контролем, решением задач руководства трудовыми коллективами, подбор и расстановка кадров, повышение качества собственной профессиональной подготовки, так и подготовки сотрудников</p> <p>Критерии тяжести</p> <p>Логическая сложность</p> <p>Регулирование межличностных отношений, подчиненных и разрешение конфликтов между ними. Снижение психологической напряженности в отношениях с подчиненными</p>	<p>Знания</p> <p>Должен знать: рыночную экономику, теорию и практику менеджмента, маркетинга и делового администрирования; принципы планирования развития предприятия; основы делового общения, особенностей и специальной психологии; методы экономического моделирования; современные системные управленческие предприятия; перспективы; инновационной деятельности; основы законодательства</p>	<p>Умения и навыки</p> <p>Организаторские способности; коммуникативные способности; способность управлять собой; высокая способность влиять на окружающих; хорошо развитые аналитические способности; высокий уровень понятийного мышления</p>	<p>Интересы и склонности</p> <p>Стремление к постоянному личностному росту. Склонность к умственному труду и работе с людьми, стрессоустойчивость</p>	<p>Умения и навыки</p> <p>Навыки общения и взаимодействия с людьми; навыки; умение предвидеть результаты; способность контролировать свои эмоции</p>	<p>Рекомендуемые методики</p> <p>16 PF, FPI, МИС, тест «возрастной трудности» Дж. Равенна. Тест Амтхауэра. Тесты на стрессоустойчивость. Прогностические методики изучения личности. Опросник центрированных ориентаций М. Рокича (MMPI) Характерологический тест К. Леонарда-Шмишека Конфликтотолерантная методика К. Томаса</p>	<p>Медицинские противопоказания</p> <p>Нервные и психические заболевания, а также инфекционные и кожные заболевания. Прогноз на профессию не рекомендуется. Противопоказания к занятию профессией: расстройства речи</p>

качества (общительность, открытость, готовность к сотрудничеству и активность в установлении контактов, внимательность к людям и забота о них), *социально-психологическую ориентацию* (направленность на взаимодействие с другими людьми, хорошая срабатываемость в коллективе).

Анализируя полученные данные и выводы, мы составили профессиограмму практического менеджера, которая представлена в виде таблицы 2.

Модель экономиста

Экономист — специалист в области экономики, эксперт по экономическим вопросам. Экономистами называют как ученых (то есть специалистов в области экономической науки), так и практиков, которые работают в области исследования, планирования и руководства хозяйственной деятельностью. Экономисты принимают участие в разработке системы бюджетирования, осуществляют контроль исполнения бюджета, а также подготовку и формирование периодической и управленческой отчетности. Должностные обязанности представителей этой профессии заключаются в исследовании, планировании и экономическом сопровождении финансово-хозяйственной деятельности компании.

Какие же качества позволят стать профессионалом в данной области? Экономисту, по роду деятельности, нет необходимости налаживать контакт в профессиональной среде, нежели психологу и менеджеру, здесь больше работа над полученной информацией, ее анализ, который невозможен без профессиональных знаний, высокого уровня математических способностей, аналитического мышления, памяти, внимания,

то есть индивидуально-психологических особенностей личности. Итак, можно выделить следующие качества, обеспечивающие успешность выполнения профессиональной деятельности экономистом:

- высокие мыслительные способности: не только образованность, широкая кругозора, но и более узкие математические способности, аналитичность (способность выделять отдельные элементы действительности, способность к классификации) мышления, логичность мышления;

- эмоционально-психическая устойчивость, здесь не только стрессоустойчивость, но и способность длительное время заниматься однообразным видом деятельности;

- развитые познавательные способности: хорошее развитие концентрации и переключения внимания (способность в течение длительного времени сосредоточиваться на одном предмете и быстро переходить с одного вида деятельности на другой), высокий уровень развития памяти;

- самоконтроль (способность управлять своими эмоциями и настроением, контроль поведения, ответственность);

- коммуникативные навыки (общение в коллективе, умение грамотно выражать свои мысли).

Профессия экономиста требует от специалиста преимущественно интеллектуальных затрат, поэтому самым первым и профессионально важным качеством мы отметили интеллектуальное развитие. Профессиональная деятельность специалиста прежде всего подразумевает анализ, сравнение и интерпретацию данных, предложение новых решений, выполнение конкретных за-

Таблица 3

Профессиограмма экономиста

1. Общая характеристика труда		2. Требования профессии к качеству подготовки		3. Требования профессии к личностным качествам		4. Диагностические методики и противопоказания	
Содержание и основные операции (действия)	Условия и характер труда	Знания	Умения и навыки	Интересы и склонности	ПВК	Рекомендуемые методики	Медицинские противопоказания
1	2	3	4	5	6	7	8
Выпускники находят применение своим знаниям и на производстве, и в бизнесе, и в производственной сфере, и в науке. Исследование экономических отношений (возникающих между людьми в процессе производства); сбор, обработка, упорядочение информации об экономических явлениях и процессах; анализ хода и результата экономической деятельности и оценка ее успешности; совершенствование процесса экономического деятельности и планирование деятельности предприятия; контроль над процессом выполнения финансово-хозяйственной деятельности; расчет потребности предприятия, организации в кадрах; работа, связанная с расчетами и переработкой больших объемов информации, выраженной в цифрах; составление экономических обзоров, справок, периодических отчетностей, анкетаций и мы оплаты труда и поощрений для всех категорий работников предприятия, а также анализ причин перерасхода фонда заработнойной платы	В помещениях, сидячий. Основные виды деятельности специалиста: четко-аналитическая, контрольно-ревизионная; аудиторская; консультирующая; организационно-управленческая; нормативно-методическая. Выполняет расчеты по материальным, трудовым и финансовым затратам, необходимым для проведения работ (услуг), исследования и разработок в освоении новой техники и технологии	Законотворческие акты, постановления, распоряжения, приказы, другие нормативные акты, методические материалы по планированию, учету и анализу деятельности предприятия; методы экономического анализа и учета показателей деятельности предприятия и его подразделений; экономическую организацию производства, труда и управления; рыночные методы хозяйствования	Исполнительность; зрелость; ответственность; активность и аккуратность; коммуникативность; убежденность; усидчивость и обязательность; хорошая память; высокая концентрация внимания; умение анализировать полученную информацию	Стремление к профессиональному совершенству; склонность к исследовательской деятельности; склонность к работе с документами; способность планировать свою деятельность во времени; предпринимательность	Умственная работоспособность; педантичность; способность к самоанализу и саморегуляции; способность к логическому мышлению; развитый объем внимания; аналитичность и логичность мышления; умение анализировать информацию; способность к самоанализу и саморегуляции; способность к логическому мышлению; развитый объем внимания; аналитичность и логичность мышления; умение анализировать полученную информацию	16 РФ, FPI, МИС, тест возрастострессовой трудности Дж. Равенна, Тест Амтхауэра. Тесты на стрессоустойчивость. Проактивные методики изучения личности. Опросник центрированности личности М. Рокича. MMPI Характерологический тест К. Леонгарда Шмишека Конфликтология большого количества информации	Нервные и психические заболевания, а также инфлексивные заболевания. Профессия не рекомендуется людям с деффектами зрения и слуха

дач с применением специальных навыков труда, знаний, полученных по специальности. Эмоционально-психическая устойчивость, внимание и память необходимы при длительной работе с документами, текстами и цифрами и одновременно анализе большого количества информации. Ориентация на собственные силы, уверенность в себе, чувство самоэффективности также нужны для успешной работы экономиста (рис. 1–3).

Далее представлена профессиональная программа экономиста (табл. 3), основанная на проведенном теоретическом анализе литературы и практическом исследовании качеств личности успешных студентов экономического факультета.

Модель журналиста

Журналист — человек, занимающийся журналистикой в качестве своего основного рода занятий, способствующий информационному наполнению СМИ путем сбора, осмысления и изложения для аудитории информации о значимых фактах, событиях, людях, явлениях.

Связь между журналистом и аудиторией осуществляется посредством информационного канала (печатные СМИ, телевидение, радио, Интернет), в зависимости от которого выделяют журналистские специализации:

- сотрудники печатных изданий (газет, журналов, справочников);
- журналисты электронных СМИ (телевидение, радио, Интернет);
- фотокорреспонденты (в некоторых случаях фотографии не просто играют роль иллюстрации к литературному материалу, а являются полноценными произведениями).

Существуют и другие системы классификации журналистов: по приоритетным направлениям в работе — политические, экономические или спортивные обозреватели, журналисты-международники, отраслевые журналисты и др.; по жанровым характеристикам — репортер, публицист, обозреватель, очеркист, фельетонист и т. п.

Однако специализация журналиста не является постоянной. Сегодня он может работать в газете, а завтра перейти на радио или телевидение; начать карьеру как репортер, а впоследствии стать обозревателем-аналитиком.

Для эффективной работы в области журналистики необходимы соответствующие профессионально важные качества. Журналист должен уметь оперативно обрабатывать большой поток информации, обладать «нюхом на злободневность», ведь именно в этом кроется залог успешной журналистской карьеры. Среди необходимых качеств также необходимо назвать коммуникабельность, любознательность, эрудицию, творческие и художественные способности, хорошую память, образное мышление, тактичность, мобильность, стрессоустойчивость, умение работать в команде.

Профессия журналиста требует от специалиста преимущественно интеллектуальных затрат и хорошо развитых коммуникативных навыков, так как его профессиональная деятельность подразумевает анализ, сравнение и интерпретацию данных, предложение новых решений, выполнение конкретных задач с применением специальных навыков труда, а также навыки общения и взаимодействия с людьми (установление контакта), способность грамотно и чет-

Таблица 4

Профессиограмма журналиста

1. Общая характеристика труда	2. Требования к качеству подготовки	3. Требования к личностным качествам	4. Диагностические методики и противопоказания
<p>Содержание и основные операции (действия)</p> <p>1</p> <p>Журналист осуществляет деятельность в помещении и вне его, мобильность, а также работа в городских точках, в условиях ненормированного рабочего дня, в экстремальных условиях. Функциональные обязанности: 1) поиск информации; 2) обработка информации и 3) обратная связь</p>	<p>2</p> <p>Условия и характер труда</p> <p>Знания</p> <p>4</p> <p>Навыки общения и взаимодействия с людьми; умение слушать и слышать собеседника; умение быстро ориентироваться в событиях, принимать адекватное решение; умение грамотно выразить свои мысли; литературные способности</p>	<p>5</p> <p>Интересы и склонности</p> <p>6</p> <p>ПВК</p>	<p>7</p> <p>Рекомендуемые методики</p> <p>8</p> <p>Нервные и психические заболевания, а также инфекционные и кожные заболевания; вырженные физические не-достатки, ве-стибулярные расстройства; некорректируе-мое сниже-ние остроты зрения; рас-стройства слу-ха; расстрой-ства речи; дро-жание рук, на-рушение коор-динации дви-жений</p>
<p>Критерии тяжести</p> <p>Логическая сложность</p> <p>журналистика входит в список опасных профессий; ненормированный рабочий день; невозможность отлучиться от работы, так как все происходящее вокруг воспринимается как информационный повод для очерков статей или репортажа</p>	<p>3</p> <p>Законодательство о СМИ и реклама; основные издательской деятельности и производств; методы подготовки материалов для печати и редактирования; требования, предъявляемые к созданию, сбору и подготовке сообщений и материалов; важнейшие общественно-политические, экономические, культурные особенности страны, региона, населенного пункта</p>	<p>Стремление к повышению профессионального роста, обучение, самосовершенствование; наблюдательность; творческие способности; терпимость; безоценочное отношение к людям; интерес и уважение к другому; высокая организованность; развитые коммуникативные способности; логическая культура</p>	<p>16 PF, FPI, МИС, тест «возрастная трудность» Дж. Равенна. Тест Амтхауэра. Тест на стрессоустойчивость. Проверочные методики, в том числе изучение личности. Опросник центральных ориентаций М. Рокча. MMPI. Характерологический тест К. Леонгарда. Шмицка. Конфликт-логическая методика К. Томаса</p>

ко задавать вопросы, интерес и уважение к другому человеку (рис. 1–3).

Конечно, в зависимости от специфики СМИ необходимые навыки и умения журналистов могут варьироваться. Так, для теле- и радиорепортера важно иметь четкую дикцию и отличную реакцию, особенно при работе в прямом эфире. Интервьюер и ведущий ток-шоу должны уметь формулировать интересные вопросы, слушать и слышать собеседника, а при необходимости манипулировать им, направлять разговор в нужное русло. От этого напрямую зависит успех статьи или передачи.

Основной задачей журналиста является информирование населения, граждан в количестве и качестве необходимым для объединения отдельных граждан в народ, поэтому среди требующихся для работы навыков следует отметить литературные и творческие способности, склонность к исследовательской деятельности. Здесь можно сказать о поиске наиболее интересных, значимых, актуальных событий литературной жизни, подготовке полученной информации к публикации — обработке материала с учетом жанрового своеобразия, стилистической подачи фактов, журналистских приемов (в письменной и устной форме), умение излагать доступным языком полученную информацию.

Для наглядности модель журналиста представлена нами в виде таблицы 4.

Модель юрисконсульта

Юрист — одна из самых престижных и высокооплачиваемых профессий. Юристы появились одновременно с возникновением товарно-денежных отношений между людьми.

В рамках специальности «юриспру-

денция» представлены несколько специализаций: гражданско-правовая, уголовная, административная и др. В нашей работе мы будем рассматривать обобщенную модель юрисконсульта. В его обязанности входит полное юридическое сопровождение в области уголовного, гражданского и административного права. Наиболее близка к работе юрисконсульта деятельность адвокатов.

Профессиональная деятельность юриста подразумевает анализ, сравнение и интерпретацию данных, предложение новых решений, выполнение конкретных задач с применением специальных навыков труда. Иными словами, для успешного овладения профессией необходима обширная теоретическая база, основу которой должно положить обучение в вузе.

В своей профессии юрисконсультам приходится решать большой спектр задач: разрешение споров, подготовка договоров, сопровождение сделок, взаимодействие с органами государственной власти, разрешительными инстанциями и многое другое. Итак, рассмотрим индивидуально-психологические особенности, необходимые для успешной и эффективной работы данного специалиста (рис. 1 и 3).

В первую очередь рассмотрим *интеллектуальные особенности*: аналитический склад ума (способность выделять отдельные элементы действительности, способность к классификации), высокий уровень развития понятийного мышления, логическое мышление, без которых не получится сделать правильные выводы, сопоставить правовые нормы, а также владение научными понятиями и способность воспринимать и понимать различные термины (рис. 2).

Далее отметим *самоконтроль*: здесь и умение правильно построить линию поведения, руководствоваться реальностью и трезво оценивать обстоятельства и людей, обладание развитым чувством ответственности, способность выражать эмоциональную энергию по интегрированным, а не импульсивным каналам, то есть выражать их в социальной допустимой форме. Сюда можно добавить и ориентацию на собственные силы, уверенность в себе, чувство самозащиты.

Стрессоустойчивость — низкая возможность стрессового реагирования на сложившуюся ситуацию. У юристов часто бывают напряженные моменты в работе, конфликты, публичные выступления и прочие стрессовые ситуации. Именно поэтому юристконсульт должен уметь работать в условиях стресса эффективно, без ошибок и срывов.

К немаловажным качествам можно отнести *коммуникабельность*, так как деятельность юристконсультанта осуществляется посредством постоянного взаимо-

действия с новыми людьми. Ключевую роль играют такие особенности, как *внимание* (в частности, концентрация и переключаемость) и *память* (высокий уровень развития не только долговременной, но и кратковременной памяти), они нужны при работе с правовыми актами, нормативной документацией, составлении юридических документов, контрактов, актов.

Для *успешного продвижения по карьерной лестнице в профессии юристконсультанта* необходимо быть всесторонне развитым человеком, обладать знаниями в самых разных областях жизни, быть обязательным, пунктуальным, внимательным, иметь развитое логическое мышление, уметь грамотно, последовательно излагать свои мысли.

На основе проанализированной литературы, а также анализа полученных данных мы составили профессиограмму (модель юристконсультанта), которую наглядно можно представить в виде таблицы 5.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ НЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИХ ЛИЧНОСТИ

Г. В. Молоцова

Аннотация: в статье рассмотрены особенности качества жизни больных с заболеваниями неврологического профиля. На примере больных с хроническими неврологическими заболеваниями (дорсопатия, дисциркуляторная энцефалопатия), находящихся на лечении в неврологическом стационаре, выявля-

на связь ряда личностных характеристик с показателями качества жизни.

Ключевые слова: психологический компонент качества жизни больных, самоотношение больных, жизненные перспективы больных, психология болезни.

Summary: this article describes the features of quality of life of patients with

neurological diseases. On the example of patients with chronic neurological diseases in treatment in the neurological hospital, an association with a number of personal characteristics of the indicators of quality of life.

Keywords: *psychological component of quality of life of patients, patients self-attitude, life perspectives of patients, the psychology of the disease.*

Понятие «качество жизни» активно изучается различными гуманитарными и естественными науками. Оно включает в себя объективные индикаторы в оценке полноценности жизни (уровень доходов, заболеваемость, экология и пр.) и субъективные индикаторы жизненного благополучия.

В медицине и медицинской психологии изучается качество жизни, связанное со здоровьем (health-related quality of life). При этом акцент делается на восприятии пациентом состояния своего здоровья и в целом жизни в ситуации болезни и лечения. Понятие «качество жизни» позволяет дополнить традиционный способ оценки результатов лечения, сфокусированный на продлении жизни и других объективных клинических показателях, точкой зрения больного, мерой его удовлетворенности самочувствием. Показатели качества жизни позволяют составить представление о том, считает ли пациент свою жизнь полноценной, и, если нет, то какова степень его неудовлетворенности. Важной является проблема связи качества жизни больного с особенностями принятия им лечения и профилактики обострений собственного заболевания.

При хронических заболеваниях неврологического профиля диагностика

обострения заболевания и принятие решения о госпитализации пациента в значительной мере проводится на основе его субъективной самооценки уровня боли, особенностей физического функционирования, эмоционального состояния, жизненной активности. Другими словами, в диагностике состояния пациента большую роль играют показатели психологического компонента здоровья.

При этом лечение предполагает в первую очередь медикаментозное снятие болевого синдрома и медикаментозную поддержку физического функционирования, то есть лечение в неврологическом стационаре ориентировано преимущественно на физический компонент здоровья.

Как правило, под качеством жизни в контексте наличия у человека заболевания подразумевается удовлетворенность больного своим физическим, психическим состоянием и социальным функционированием.

В ряде исследований была показана связь между особенностями личности и качеством жизни больных с хроническими заболеваниями [1].

Знание особенностей личности, predisposing к снижению качества жизни, поможет более целенаправленно проводить лечебно-реабилитационные мероприятия с пациентами различных типов.

С позиций медицинской психологии принято рассматривать целостную личность, для которой болезнь — это не совокупность симптомов, а определенная часть жизни.

В нашем исследовании предпринята попытка рассмотреть личностные особенности пациентов с хроническими заболеваниями неврологического профи-

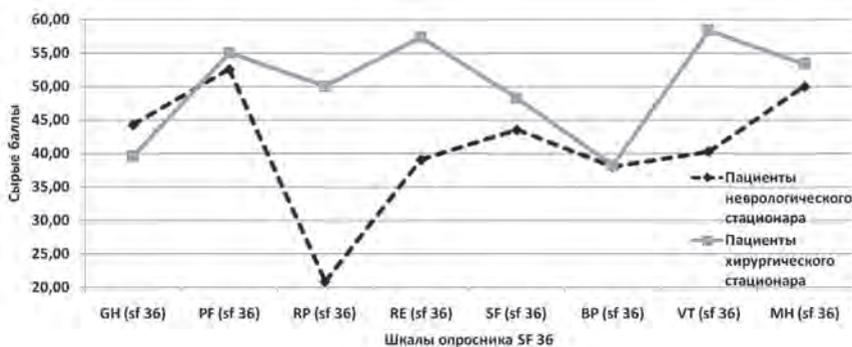

Рис. 1. Особенности качества жизни пациентов неврологического и хирургического стационара (диагностика по методике SF 36)

ля в контексте их связи с особенностями проявления болезни и структурой качества их жизни.

С целью изучения вопроса о наличии связи между особенностями личности и качеством жизни больных, находящихся на лечении в неврологическом стационаре, был проведен анализ связи показателей личностных опросников, с одной стороны, и оценок качества жизни — с другой.

Для оценки связанного со здоровьем качества жизни использована русскоязычная версия опросника SF-36 (перевод на русский язык и апробация Института клинично-фармакологических исследований, г. Санкт-Петербург). Эта методика относится к группе общих опросников для изучения качества жизни, применимых как к пациентам с различными заболеваниями, так и к здоровым лицам. Результаты оцениваются по десяти шкалам. В данной методике низкие баллы по шкалам диагностируют низкое качество жизни.

В исследовании также применялись: опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom

Check List-90-r-Revised, Scl-90-R) [7]; многофакторный личностный опросник «Мини-мульти» [5]; опросник межличностных отношений (FIRO) [9]; методика исследования самооотношения (МИС) [6]; методика диагностики индекса жизненного стиля (LSI) Р. Плутчека [8]; личностный опросник агрессивности Басса-Перри в адаптации С.Н. Ениколопова [3]; тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева [4].

Данные, полученные при опросе испытуемых, подвергались уровневому и многомерному математическому анализу с использованием статистической программы Statistica 6.0.

Всего в исследовании было опрошено 54 пациента неврологического стационара (32 женщины — средний возраст 46 лет; 22 мужчины — средний возраст — 52 года), а также 12 пациентов хирургического стационара, перенесших полостные операции средней тяжести (8 женщин, 4 мужчины).

Сравнение показателей методики SF 36 в выборках пациентов хирургического и неврологического профиля показывает, что в целом оценка уров-

Таблица 1

Корреляционная матрица связей шкал опросника SF36 со шкалами опросников SCL 90 и «Мини-мульти» (выборка пациентов неврологического стационара)

Correlations (КЖ невролог стационар at $p < .01$ N=54)

	SOM	O-C	INT	DEP	ANX	HOS	PHOB	PAR	PSY	ADD	GS1
GH (sf 36)	-0,31	-0,26	-0,32	-0,25	-0,33	-0,30	-0,22	-0,31	-0,29	-0,20	-0,35
PF (sf 36)	-0,43	-0,20	-0,01	-0,17	-0,10	-0,11	-0,34	-0,10	-0,12	-0,20	-0,23
RP (sf 36)	-0,38	-0,35	-0,22	-0,35	-0,25	-0,23	-0,30	-0,15	-0,11	-0,37	-0,35
RE (sf 36)	-0,47	-0,58	-0,44	-0,46	-0,48	-0,33	-0,45	-0,41	-0,38	-0,39	-0,56
SF (sf 36)	0,21	0,15	0,14	0,15	0,16	0,06	0,20	0,21	0,22	-0,03	0,19
BP (sf 36)	0,41	-0,17	0,09	-0,02	-0,05	0,16	-0,04	-0,04	-0,09	0,03	-0,10
VT (sf 36)	-0,39	-0,45	-0,35	-0,44	-0,40	-0,39	-0,38	-0,33	-0,23	-0,33	-0,47
MH (sf 36)	-0,29	-0,57	-0,54	-0,45	-0,52	-0,54	-0,41	-0,52	-0,47	-0,50	-0,59

	PST	PSDI	F	Hs (Ипох)	D (Депр)	Hu (Истер)	Pd (Психос)	Pa (Парап)	Pt (Психаст)	Sc (Шиз)	Ma (Гипоман)
GH (sf 36)	-0,31	-0,21	-0,06	-0,21	-0,26	-0,26	-0,11	-0,23	-0,35	-0,28	-0,25
PF (sf 36)	-0,09	-0,35	-0,11	-0,25	-0,01	-0,01	0,02	0,00	-0,05	-0,06	-0,11
RP (sf 36)	-0,22	-0,44	-0,11	-0,23	-0,07	-0,13	-0,05	0,05	-0,18	-0,10	-0,16
RE (sf 36)	-0,49	-0,29	-0,30	-0,40	-0,23	-0,22	-0,09	-0,27	-0,32	-0,40	-0,35
SF (sf 36)	0,06	0,34	0,05	0,10	-0,03	-0,11	-0,01	0,10	0,08	0,10	0,06
BP (sf 36)	-0,11	-0,07	-0,26	-0,22	0,03	-0,07	0,30	-0,16	-0,06	-0,12	-0,12
VT (sf 36)	-0,30	-0,47	-0,39	-0,45	-0,38	-0,37	-0,48	-0,30	-0,46	-0,41	-0,37
MH (sf 36)	-0,45	-0,40	-0,17	-0,34	-0,28	-0,16	-0,22	-0,35	-0,47	-0,47	-0,38

Таблица 2

Корреляционная матрица связей шкал опросника SF36 со шкалами опросников SCL 90 и «Мини-мульти» (выборка пациентов хирургического стационара)

Correlations (хирургический стационар at $p < .01$ N=12)

	INT	DEP	ADD	PSDI	L	Hs (Ипох)
GH (sf 36)	-0,14	-0,19	-0,05	-0,44	-0,85	-0,64
PF (sf 36)	0,00	0,21	0,18	0,45	0,82	0,42
RP (sf 36)	0,34	0,67	0,52	0,87	0,59	0,75
RE (sf 36)	0,25	0,90	0,77	0,93	0,11	0,72
SF (sf 36)	0,52	0,37	0,16	0,43	0,10	0,66
BP (sf 36)	0,25	0,03	0,22	0,18	0,25	-0,11
VT (sf 36)	0,43	-0,68	-0,62	-0,38	0,59	-0,25
MH (sf 36)	0,71	-0,42	-0,42	-0,10	0,64	0,27

ня собственного качества жизни пациентами неврологического профиля дана более низкая (рис. 1). По шкалам: ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием (Role-Physical Functioning — RP); ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (Role-Emotional — RE), и жизненная активность (Vitality — VT) показатели неврологических больных значимо ($p < 0,01$) более низкие.

Эти различия можно объяснить хроническим характером заболеваний неврологического профиля, что приводит к опыту длительной жизни пациентов в контексте болезни и периодического переживания боли, что и снижает показатели оценок качества жизни.

Возможно также влияние личностных особенностей испытуемых, предрасполагающих к оценке качества жизни как неблагоприятного.

Корреляционный анализ данных опроса пациентов неврологического стационара позволил выявить наличие большого количества связей (54 значимые связи) шкал опросника SF 36 со шкалами опросников SCL 90 и «Мини-мульт», которые ориентированы на диагностику психопатологической симптоматики (табл. 1). Характер связей преимущественно отрицательный, то есть низкие оценки выраженности качества жизни соответствуют высоким оценкам наличия психопатологической симптоматики.

Корреляционная матрица связей шкал опросника SF36 со шкалами опросников SCL 90 и «Мини-мульт» на выборке пациентов хирургического стационара содержит всего 9 значимых связей (табл. 2).

В то же время корреляционная матрица связей шкал опросника SF36 выборки пациентов неврологического стационара содержит незначительное количество связей со шкалами личностных опросников, диагностирующих особенности общения, самоотношения, смысложизненной сферы. Подобных связей всего — 11, что в три раза меньше количества связей шкал данных методик, полученных в корреляционной матрице выборки пациентов хирургического стационара.

Так, для пациентов, перенесших операцию, свойственно наличие связей шкал, характеризующих качество жизни, со шкалами методики исследования самоотношения (11 связей, у пациентов неврологического стационара таких связей нет), общения (6 связей, у пациентов неврологического стационара таких связей — 2), смысложизненных ориентаций (7 связей, у пациентов неврологическо-

го стационара таких связей — 3).

Обобщенная картина связей параметров качества жизни в двух выборках принципиально различна. Качество жизни пациентов, перенесших оперативное лечение, стабилизировано на позитивном самоотношении, жизненных смыслах, общении и в меньшей мере связано с патохарактерологическими ради-калами.

Качество жизни пациентов, страдающих хроническими неврологическими заболеваниями, наоборот, в значительной мере включает патохарактерологические составляющие и не связано с самоотношением, незначительно связано с общением и смысложизненными ориентациями.

Иными словами, для пациентов с неврологической патологией вероятно характерен уход в болезнь и включение в компенсацию некоего неблагополучия болезненных патохарактерологических связей.

В чем же различия между особенностями влияния болезни у пациентов, перенесших операцию, и пациентов неврологического профиля на их психологические особенности?

Хирургическое вмешательство предполагает наличие перспектив дальнейшей жизни без болезни, в то время как лечение хронической болезни такой перспективы не дает. Хроническая болезнь связана с хроническим стрессом, что порождает патологическую кольцевую зависимость в адаптационно-компесаторной структуре [2].

Таким образом, в контексте изучения субъективных особенностей качества жизни одним из важных является вопрос изучения особенностей формирования у пациентов перспектив совла-

дания с болезнью и ее компенсации.

Только медикаментозное лечение в стационаре без воздействия на психологические компоненты здоровья пациентов не в полной мере способно повышать качество их жизни.

Психологический компонент здоровья, недостаток которого характерен для неврологических больных, целесообразно компенсировать в большей мере именно психологическим сопровождением, формируя у пациентов устойчивое поведение, направленное на активное совладание с болезнью через вовлечение в систематические занятия лечебной физкультурой, контроль за пищевым поведением и т. п.

Литература

1. *Васильева И.А.* Особенности личности и качество жизни больных: существует ли связь? // Изв. Рос. гос. пед. ун-та имени А.И. Герцена. Обществ. и гуманитар. науки. — 2008. — № 12. — С. 208–217.

2. *Вассерман Л.И., Трифонова Л.А.* Дискуссионные вопросы концептуализации и методологии исследования качества жизни в медицине. // Сибир. психолог. журнал. — 2007. — № 26. — С. 112–118.

3. *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психолог. журн. — 2007. — № 1.

4. *Леонтьев Д.А.* Тест смысловых ориентаций (СЖО). — М.: Смысл, 1992. — 16 с.

5. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения: учеб. пособие. — СПб.: Речь, 2005. — С. 409–411.

6. *Пантилеев С.Р.* Методика исследования самоотношения. — М.: Смысл, 1993. — 32 с.

7. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков, Ю.В. Быховец [и др.]. — М.: Когито-Центр, 2007. — С. 155–168.

8. *Романова Е.С., Гребенников Л.Р.* Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. — Мытищи, 1996. — 144 с.

9. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. — 490 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А. В. Сомов, Т. В. Мальцева

Аннотация: статья посвящена проблеме оптимизации управленческого воздействия руководителя на подчиненных, в ней анализируются качества личности руководителя, способствующие эффективному и конструктивному управлению.

Ключевые слова: руководитель, управление, качества и свойства личности руководителя, авторитет, ответственность, степень ответственности, уверенность.

Summary: *this paper is devoted a problem of optimization of administrative influence of the head on subordinates, in it qualities of the person of the head, promoting effective and constructive management are analyzed.*

Keywords: *the head, management, qualities and properties of the person of the head, authority, responsibility, responsibility degree, confidence.*

В период реформирования системы органов внутренних дел обострилась проблема эффективного руководства и подбора компетентных руководителей. Одной из главных трудностей стала нехватка руководителей, способных умело и компетентно реализовывать методы и приемы воздействия на подчиненных. Эффективными средствами достижения целей управления, как в неформальных, так и в официальных ситуациях, наряду с разнообразными методами воздействия, выступают и личностные качества руководителя.

Современные исследователи процесса управления в качестве одной из основных задач ставили перед собой задачу по установлению оптимальной структуры качеств, которыми должен обладать компетентный руководитель. Со временем в теории педагогики и психологии управления сложилось направление, которое принято называть персоналистическим (или теорией качеств). В рамках этого подхода руководитель рассматривался как нечто от природы упорядоченное, наделенное в той или иной мере способностями к управлению. Оставалось выделить набор качеств, необходимых руководителю данного профиля, диагностировать их наличие и наметить комплекс действий по их формированию и развитию. К числу исследователей, внесших наибольший вклад в развитие этого направления в нашей стране, следует отнести Ф.Ф. Аунапу, И.П. Волкова, А.А. Годунова, Ю.Н. Емельянова, П.С. Емшина, А.Л. Журавлева, А.И. Китова, А.Г. Ковалева, Л.М. Колодкина, С.В. Кошелеву, Е.С. Кузьмина, Б.Д. Лебина, В.Л. Марищука, М.Н. Перфильева, А.Л. Свенцицкого, В.А. Ядова.

Чаще всего качества классифицируются в зависимости от видов деятельности на: *морально-политические* (принципиальность, патриотизм, нетерпимость к нарушителям закона, справедливость, вежливость, тактичность, чуткость, внимательность, целеустремленность, скромность и др.); *административные* (компетентность, деловитость, орга-

низованность, умение вести собрания, выступать, проверять, требовать, умение распределять обязанности, предоставлять права, определять ответственных, умение увлечь людей, умение правильно поощрять и наказывать и др.); *коммуникативные* (адаптивность, способность работать с людьми, завоевывать авторитет и доверие, способность устанавливать хорошие взаимоотношения и вести за собой, контактность, общительность, доброжелательность, уважительность, дипломатичность, толерантность, способность понимать подчиненных и др.); *профессиональные*.

В документах, регламентирующих профессиональный отбор сотрудников органов внутренних дел, излагаются следующие качества: умение комментировать законы, хранить государственную и служебную тайну, обладать выносливостью и работоспособностью, способность действовать решительно в экстремальных ситуациях, логически мыслить и переключаться с одного вида деятельности на другой, действовать в условиях высоких эмоциональных нагрузок, вступать в контакт с незнакомыми людьми, компетентно строить взаимоотношения с различными группами населения, выдвигать продуктивные версии, проводить служебные проверки, а также твердость и наблюдательность.

По данным зарубежных исследователей, к числу наиболее важных характеристик личности руководителя следует отнести: *физические данные* (активность, энергичность, рост, вес, правильное оформление своей внешности на работе) [14]; *склонности и способности* (склонность к административной деятельности, наличие интеллекта, способность к самостоятельным суждениям,

умение четко выражать свои мысли, гибкость ума, способность выявить и точно поставить реальные задачи, компетентность, способность действовать с минимальными ошибками); *индивидуальные особенности* (адаптивность, энтузиазм, эмоциональный баланс, человечность, независимость, объективность, настойчивость, уверенность, толерантность, работоспособность в условиях риска и неопределенности, чувство юмора); *социальные характеристики* (мотив достижения в сфере управленческого труда, лояльное отношение к своей организации [13], умение устанавливать межличностные отношения и создавать отношения непринужденности, коммуникативность, контактность, авторитетность, разговорчивость, способность убеждать подчиненных и оказывать побуждающее воздействие, выражать признательность и одобрение за профессиональную работу).

К интересному выводу в ходе исследований пришел J. Biranas [12]. Поставив цель выявить набор конкретных способностей и навыков, характерных для эффективно работающих менеджеров, он осуществил анализ большого числа опросов руководителей и выявил несколько сотен частных характеристик. Затем он классифицировал их в 37 категорий, отражающих базовые качества, присущие руководителям, умеющим добиваться высоких результатов. Впоследствии эти качества были объединены в три основные группы — аналитическую, социальную и эмоционально-психологическую. Анализ данных показал, что наиболее высокая корреляция с уровнем эффективности наблюдается у эмоционально-психологических свойств.

По нашему мнению, руководитель органов внутренних дел, конечно, должен выглядеть вежливым, спокойным, располагающим к себе, способным показать умение понимать причины затруднений, чтобы сразу произвести благоприятное впечатление и вызвать интерес к обсуждаемой проблеме. При рассмотрении проступков и упущений по службе у подчиненного должно появиться впечатление при общении с руководителем, что он будет выслушан и правильно понят. Мы считаем, что воздействие уже начинается тогда, когда субъект проявляет инициативу или активность. Существует тесная связь между активностью и энергетическим потенциалом личности, обусловленным темпераментом. Согласно теории Я. Стреляу «активность представляет собой индивидуальное свойство, отличающее данного индивида с точки зрения интенсивности, продолжительности и частоты выполняемых действий или в деятельности любого рода» [8, с. 74].

А.В. Сомовым было выявлено, что существует стереотип об инициативном руководителе, который быстро работает, быстро двигается, говорит в меру, постоянно в действии, предприимчив, требует немедленного выполнения указаний, чаще наступает, чем обороняется, предлагает новые способы решения проблем [7]. Его активность видна и в телесной мобилизованности, собранности внимания, в глазах и направлении взгляда, в дыхании и подтянутости мускулатуры тела, которое приобретает рабочее состояние, готовность к ряду действий и преодолению препятствий. И самое главное, что отличает инициативного руководителя — это способность нестереотипно мыслить, находить и предлагать

новые, нетипичные способы решения проблем, умение делать невозможное с точки зрения здравого смысла.

Тогда возникают вопросы: каков источник проявления инициативы, служат ли различные факторы внешней среды: такие как ситуации, задачи, требования вышестоящих начальников, изменениям в поведении подчиненных.

По нашему мнению, сильное стимулирующее воздействие на проявление активности оказывают эмоции, возникающие в процессе управленческого воздействия (состояние напряжения, огорчения, удовольствия) или по поводу достигнутых результатов.

Среди множества социально-психологических факторов, влияющих на эффективность реализации методов руководства, следует выделить реальный авторитет руководителя органов внутренних дел. Это понятие заслуживает, как мы считаем, особого внимания. Авторитет — функция сразу двух переменных: субъекта и объекта управления, а точнее сложившихся между ними взаимоотношений.

В социально-психологическом плане авторитет есть результат отражения в сознании людей социальной значимости, ценности тех свойств, которые присущи руководителю [10].

Суть авторитета заключается в том, что подчиненные положительно оценивают основные черты характера, способности, образ мысли и поведения своего начальника и верят в то, что он знает свое дело, верят в его искренность и честность.

Немаловажным личностным качеством руководителя является ответственность, то есть обязанность надлежащим образом исполнять свои функ-

ции, быть готовым отвечать перед инстанциями за свои действия и действия подчиненных. А.М. Зимичев считает, что в управлении понятие «ответственность» означает заботу и беспокойство [3, с. 76]. Она наступает лишь в связи с принятием того или иного решения. Как качество ответственность формируется в процессе воспитания. Считается, что с возрастом чувство ответственности усиливается [11]. Наиболее полный анализ отечественной и зарубежной литературы по этому вопросу сделал К. Муздыбаев [4]. Нести ответственность означает справляться с ситуацией при недостаточной информации, принимать решения в условиях неопределенности. Следует отметить, что неопределенность имеет место в тех случаях, когда информация, необходимая для определения объективной вероятности для альтернативного выбора (решения), неполна или решения принимаются исходя из субъективной вероятности (убежденности в правильности прогноза или оценки наступления определенного события).

Е.М. Богат качества человека определял степень его ответственности и выделял следующие уровни: низший уровень — когда не отвечают даже за себя; первый уровень — ответственность только за себя; второй уровень — ответственность за родных, семью; третий уровень — ответственность за всю страну; четвертый, самый высший — ответственность за все человечество [1].

Способность руководителя органов внутренних дел утверждать свои права и интересы, искренне выражать мысли и чувства и не испытывать при этом сомнения относительно достижения цели воздействия понимается как уверенность. Во многом действия руководите-

ля приемлемы, если соответствуют реальным возможностям, конечно, если не вступают в противоречие с нормами морали и права, не нарушают при этом прав других людей.

Уверенность обеспечивает полное использование ресурсов, дает возможность руководителю более успешно взаимодействовать с подчиненными, превращать свои планы в жизнь, вести себя независимо. Формируется указанная черта на основе профессиональных и психологических знаний и опыта взаимодействия с людьми в самых разнообразных ситуациях.

Чтобы чувствовать себя уверенно, мы считаем, что руководитель органов внутренних дел должен: осознать свои права и почувствовать доверие к самому себе; правильно реагировать на отклики подчиненных; уметь ясно и понятно выражать свои мысли вербальными и невербальными средствами; уметь справляться с несогласием, реакциями недовольства, критическими замечаниями и агрессивностью подчиненных.

Немаловажным фактором уверенности служит и важность цели. Значительная цель и возникающие в связи с ней побуждения делают руководителя избрательным, находчивым, мобилизуют силы и резервы.

Такая способность руководителя органов внутренних дел, как гибкость, состоит в том, чтобы внимательно наблюдать за морально-деловым уровнем подчиненных и вести себя в соответствии этому уровню. Ответственность руководителя органов внутренних дел состоит в том, чтобы всесторонне развивать сотрудников. Если же руководитель органов внутренних дел не будет двигаться со своими коллегами вперед, то они пой-

дут назад, или же будет происходить профессиональное выгорание и профессиональная деформация личности сотрудника. Проблема эффективного лидерства — уйти от шаблонов руководства, которые часто мешают быть эффективными руководителями.

В процессе исследования личных качеств руководителя органов внутренних дел в период реформирования системы было выявлено, что наиболее успешно проходили переаттестацию руководители и их подчиненные, если руководитель обладал такими личными качествами, как: четкая и доступная постановка целей деятельности; создание необходимых условий для труда, отдыха и повышения квалификации подчиненных; требование обязательного выполнения задания, соблюдения дисциплины и законности; забота об удовлетворении важнейших потребностей подчиненных, их интеллектуальном, нравственном и физическом развитии; обеспечение гласности и объективности в оценке служебной деятельности подчиненных; справедливое распределение материальных благ; вежливость, тактичность и бескорыстность в общении, уважение чести и достоинства подчиненных; недопущение протекционизма, преследования сотрудников за критику недостатков в деятельности органов внутренних дел или по мотивам личного характера.

Дальнейшая работа по классификации качеств личности руководителя на современном этапе, предъявляющем новые требования к деятельности органов внутренних дел, является перспективным изысканием и требует тщательного изучения.

Литература

1. Богат Е.М. Понимание. — М., 1983. — С. 349–350.
2. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: учебник / под общ. ред. В.Я. Кикотя. — М.: ЦОКР МВД РФ, 2009. — 582 с.
3. Зимичев А.М. Если вы руководитель... // Труд, контакты, эмоции. — Л.: Лениздат, 1980.
4. Муздыбаев К. Психология ответственности. — Л., 1983.
5. Практическая юридическая педагогика: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 693 с.
6. Прикладная юридическая педагогика: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. — М., 2008. — 597 с.
7. Сомов А.В. Организационные и педагогические условия формирования ответственности сотрудников МВД к служебной деятельности в экстремальных условиях: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Воронеж, 2004. — 232 с.
8. Стрелу Я. Роль темперамента в психическом развитии. — М., 1982.
9. Файоль А. Учение об управлении. — Рязань, 1924.
10. Шестаков А.Г. Психологическая модель оптимизации отношения начальника к подчиненному // Новые технологии обучения и пути их внедрения в учебный процесс вузов МВД РФ. — СПб.: С.-Петербург. воен. ин-т внутр. войск МВД России, 1997. — С. 55–69.
11. Adams G.R. Social psychology of beauty: Effects of age, height, a weight on self-reported personality traits a social behavior // Journal of social psychology. — 1980. — Vol. 112. — № 2. — P. 287–293.
12. Biranas J. High-tech executive skills: what new research shows // Journal European Industrial Training. — 1987. — № 4. — P. 17–23.
13. Larry W., Mobley P.E. The qualities of a successful manager // IEEE Engineering Management Conf. (Arlington, Va, 1979). — New York, 1979. — № 6291. — P. 160.
14. Ruhleder R.H. Die positiven Eigenschaften einer Führungskraft... // Management Zeitschrift Industrielle Organization. — 1985. — № 2. — С. 58–59.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФСИИ РОССИИ

А. П. Шелковников, В. М. Литвишков

Аннотация: статья посвящена проблеме оптимизации информационно-коммуникационных технологий в системе дополнительного профессионального образования ФСИИ России.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, компетентность преподавателя, управление, качества и свойства личности руководителя, слушателя.

Summary: article is devoted to a problem of optimization information communication technologies in system of additional professional education of FSIN of Russia.

Keywords: information communication technologies, competence of the teacher, management, qualities and properties of the identity of the head, listener.

В научной литературе понятие «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) применяется как обобщающее [2–5], описывающее различные устройства, механизмы, способы, алгоритмы обработки информации.

В нашем исследовании под информационно-коммуникационными технологиями в образовании мы понимаем совокупность методов, устройств и процессов, используемых для сбора, обработки и распространения информации, и применение их в образовательном процессе.

Основным средством ИКТ для ин-

формационной среды любой системы образования является персональный компьютер, возможности которого определяются установленным на нем программным обеспечением. Основными категориями программных средств выступают системные и прикладные программы, а также инструментальные средства для разработки программного обеспечения.

В современных системах образования широкое распространение получили универсальные офисные прикладные программы и средства ИКТ: текстовые процессоры, электронные таблицы, программы подготовки презентаций, системы управления базами данных, органайзеры, графические пакеты и т. п.

С появлением компьютерных сетей и других, аналогичных им средств ИКТ образование приобрело новое качество, связанное в первую очередь с возможностью оперативно получать информацию из любой точки земного шара. Через глобальную компьютерную сеть Интернет возможен мгновенный доступ к мировым информационным ресурсам (электронным библиотекам, базам данных, хранилищам файлов и т. д.). В сети доступны и другие распространенные средства ИКТ, к числу которых относятся электронная почта, списки рассылки, группы новостей, чат. С помощью специального оборудования и программного обеспечения через Интернет можно

проводить аудио- и видеоконференции.

Для обеспечения эффективного поиска информации в телекоммуникационных сетях существуют автоматизированные поисковые средства, цель которых — собирать данные об информационных ресурсах глобальной компьютерной сети и предоставлять пользователям услугу быстрого поиска. С помощью поисковых систем можно искать документы всемирной паутины, мультимедийные файлы и программное обеспечение, адресную информацию об организациях и людях.

Сетевые средства ИКТ обеспечивают широкий доступ к учебно-методической и научной информации, организацию оперативной консультационной помощи, моделирование научно-исследовательской деятельности, проведение виртуальных учебных занятий (семинаров, лекций) в реальном режиме времени.

Существует несколько основных классов информационных и телекоммуникационных технологий, значимых с точки зрения систем открытого и дистанционного образования, например, видеозаписи и телевидение. Видеоинформация и соответствующие средства ИКТ позволяют огромному числу студентов прослушивать лекции лучших преподавателей. Видеодиски с лекциями могут быть использованы как в специальных видеоклассах, так и в домашних условиях.

Средствами ИКТ, позволяющими хранить и передавать основной объем изучаемого материала, являются образовательные электронные издания, как распространяемые в компьютерных сетях, так и записанные на цифровые носители. Индивидуальная работа с ними

дает глубокое усвоение и понимание материала.

С помощью ИКТ решаются следующие дидактические задачи:

- совершенствование организации преподавания, повышение индивидуализации обучения;
- повышение продуктивности самоподготовки учащихся;
- индивидуализация работы учителя;
- ускорение тиражирования и доступа к достижениям педагогической практики;
- усиление мотивации к обучению;
- активизация процесса обучения, возможность привлечения учащихся к исследовательской деятельности;
- обеспечение гибкости процесса обучения.

Применение ИКТ в образовательной деятельности сопровождается рядом условий, существенно влияющих на педагогический процесс.

В современной педагогической и психологической литературе категория «условие» рассматривается как видовой по отношению к родовым понятиям «среда», «обстоятельства», «обстановка», что расширяет совокупность объектов, необходимых для возникновения, существования, изменения педагогической системы. Педагогическая трактовка данной категории представлена в работах В.И. Андреева, который рассматривает условие как целенаправленный отбор, консультирование и применение элементов содержания, методов обучения и воспитания для дидактических целей [1, с. 47].

Под педагогическими условиями применения информационно-коммуникационных технологий в процес-

се подготовки слушателей к будущей профессиональной деятельности в учебном центре в нашем исследовании мы будем понимать совокупность внешних и внутренних обстоятельств образовательного процесса, от реализации которых зависят качественные и количественные показатели полученных слушателями знаний, умений и навыков и способность эффективно применять их в профессиональной деятельности. Педагогические условия выступают при этом необходимым компонентом процесса профессиональной подготовки слушателей, учитываются при организации образовательного процесса и позволяют обеспечить эффективное применение ИКТ в процессе подготовки сотрудников к профессиональной деятельности. Мы будем также учитывать, что под педагогическими условиями понимается совокупность взаимосвязанных условий, необходимых для создания целенаправленного воспитательно-образовательного процесса с использованием современных информационных технологий, обеспечивающих формирование личности с заданными качествами.

Для выявления педагогических условий, способствующих эффективному применению ИКТ в процессе подготовки слушателей к профессиональной деятельности, в нашем исследовании были учтены потребности уголовно-исполнительной системы в специализированных, способных решать стоящие перед ними задачи, определяемые спецификой служебной деятельности. Кроме того, были выявлены типичные недостатки существующей организации педагогического процесса, включающего применение ИКТ, устранение которых должно привести к повышению эффек-

тивности применения ИКТ и позволить более качественно осуществлять подготовку слушателей к профессиональной деятельности.

Необходимость определения условий, которые в наибольшей мере способствуют реализации важнейших целевых установок применения современных информационных технологий в качестве средства образовательной деятельности, обуславливает педагогический аспект вопроса.

В ходе исследования, проведенного на базе ФКОУ ДПО УЦ ГУФСИН России по Красноярскому краю, были выявлены факторы, влияющие на активность применения педагогами образовательных учреждений системы дополнительного профессионального образования средств ИКТ в процессе обучения слушателей.

Было выявлено три группы слушателей с разным уровнем потребности в применении ИКТ при обучении.

Первую группу составляет значительная часть слушателей с индифферентным отношением к использованию средств ИКТ для обучения. Их опыт, познание и интерес к использованию ИКТ ограничивается рамками изучаемой дисциплины «Основы компьютерной техники».

Вторая группа представлена незначительной частью слушателей, имеющих определенный опыт работы с компьютером, которые не только испытывают потребность в применении средств ИКТ при обучении, но и самостоятельно работают с ними, стремясь расширить теоретические знания и улучшить практические навыки в области ИКТ. Они творчески относятся к использованию ИКТ в процессе обучения и самообразования,

при этом воспринимают его не только как средство получения знаний, но и как предмет познания.

Третью, самую многочисленную группу составляют слушатели с неярко выраженной потребностью использования ИКТ при обучении, проявляющейся в недопонимании образовательных возможностей ИКТ и пренебрежительном отношении к их использованию в процессе обучения.

Таким образом, активность использования средств ИКТ в процессе обучения слушателей в учебных центрах территориальных органов ФСИН России сдерживается отсутствием потребности в их применении, не сформированной в процессе индивидуального развития как преподавательского состава, так и обучаемых. Было установлено, что на активное использование педагогами средств ИКТ в обучении слушателей сдерживающее влияние оказывают следующие факторы:

- отсутствие мотивации на использование средств ИКТ;
- низкий уровень информационной культуры;
- слабое научно-педагогическое, научно-методическое и программно-техническое обеспечение;
- психологическая неготовность взаимодействовать с компьютеризированной средой;
- влияние компьютера на здоровье (изменения со стороны сердечно-сосудистой и нервной систем, значительное увеличение зрительной нагрузки и т. п.).

На основе анализа психолого-педагогической литературы и обобщения результатов эксперимента мы сделали вывод о том, что условиями, оказы-

вающими наибольшее влияние на педагогический процесс при подготовке слушателей в учебном центре с применением информационно-коммуникационных технологий, являются:

- ИКТ-компетентность преподавателя;
- готовность слушателя к обучению с применением ИКТ;
- учебно-методическая и научная обеспеченность образовательного процесса, включающего применение ИКТ;
- обеспеченность педагогического процесса техническими средствами обучения (ТСО).

При этом под ИКТ-компетентностью педагога мы понимаем следующее:

- наличие теоретических знаний в области применения информационных технологий обучения;
- применение ИКТ во внеурочной работе и деятельности педагога;
- использование цифровых образовательных ресурсов в педагогической деятельности;
- использование сетевых технологий в образовательном процессе;
- использование ИКТ для оценки знаний слушателей;
- использование ТСО;
- использование ИКТ для тематического планирования по предмету;
- готовность к использованию элементов дистанционного обучения.

В целях повышения эффективности применения информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе, по нашему мнению, необходимо разработать и нормативно закрепить методики применения указанных технологий для всех видов занятий, на которых они применяются в образовательных учреждениях систе-

мы дополнительного профессионального образования ФСИИ России с учетом специфики деятельности УИС.

Для повышения эффективности информационного обеспечения педагогического процесса, включающего в себя применение информационно-коммуникационных технологий, объективной необходимостью является проведение оптимизации информационного ресурса ФСИИ России, то есть определение критериев для объективной оценки результатов применения информационно-коммуникационных технологий в учебных центрах и координации в вопросах их применения.

В исследовании выделен ряд направлений совершенствования применения информационно-коммуникационных технологий в учебных центрах территориальных органов ФСИИ России, при этом первоочередное внимание следует уделить:

- подготовке педагогического состава учебных центров к применению информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения слушателей;

- анализу информационных потребностей командно-преподавательского состава учебных центров территориальных органов ФСИИ России;

- внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в целостный образовательный процесс, организуемый в образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования ФСИИ России;

- разработке и внедрению программно-технических средств и современных информационно-коммуникационных технологий на основе единых стандартов;

- повышению качества сбора и применения информации для обеспечения эффективного педагогического процесса;

- разработке методик применения информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе в учебных центрах территориальных органов ФСИИ России с учетом специфики осуществляемой сотрудниками УИС деятельности, получаемых знаний и выработки соответствующих умений и навыков;

- проведению дальнейших исследований в области эффективности применения информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе в учебных центрах территориальных органов ФСИИ России;

- созданию ведомственной системы подготовки специалистов, использующих информационные технологии и современные программно-аппаратные средства;

- разработке эффективных механизмов обмена педагогическими технологиями, включая информационно-коммуникационные.

Проведенные исследования показали, что использование средств ИКТ в процессе обучения слушателей учебных центров ФСИИ России может быть эффективным лишь при постоянной потребности педагогов и слушателей в использовании средств ИКТ в педагогическом процессе. Для того чтобы использование ИКТ при обучении слушателей в учебных центрах стало привычным в деятельности педагогического состава необходимо сформировать у него соответствующую потребность.

Литература

1. *Андреев В.И.* Эвристическое программирование учебно-исследовательской деятельности. — М.: Прометей, 1981.

2. *Исакова С.Н.* Формирование готовности студентов педагогического колледжа к использованию информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Н. Новгород, 2005. — 26 с.

3. *Канянина Т.И.* Организация творческой деятельности учащихся лица средствами информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Н. Новгород, 2005. — 24 с.

4. *Чеченина С.И.* Совершенствование информационной подготовки учителей средних общеобразовательных школ в условиях региональной системы повышения квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Н. Новгород, 2005. — 27 с.

5. *Шевцова Л.А.* Формирование готовности учителей к использованию новых информационных технологий в профессиональной деятельности средствами системы поддерживающего обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Н. Новгород, 2005. — 26 с.

ПСИХОДИНАМИКИ ДУХОВНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА*

Д. В. Сочивко

Аннотация: в статье анализируются результаты эмпирических исследований духовности и религиозности осужденных молодежного возраста мужского и женского пола в разные периоды отбывания наказания, гендерные различия духовного развития и личностного роста осужденных по мере отбывания наказания.

Ключевые слова: духовность, религиозность, личностный рост, осужденные молодежного возраста, психодинамика, психодинамический подход, психокоррекция.

Summary: in the article the results of empiric researches of spirituality and religiousness are analysed convict youth age of sex of men and womanish in different periods of serving of punishment, gendernye distinctions of spiritual development and personality growth convict as far as serving of punishment.

Keywords: spirituality, religiousness, personality growth, convict youth age psikhodinamika, psikhodinamicheskij approach, psikhokorrekcija.

В предлагаемой статье развиваемый нами в психологических исследованиях психодинамический подход [12–14; 17] мы намерены применить к исследованию психологических, интрапсихических личностных корней духовности и религиозности человека (на примере эмпирических исследований личностного роста в этом аспекте осужденных мо-

лодежного возраста в процессе отбывания наказания). Мы не будем подробно останавливаться на актуальности проблемы духовно-религиозного развития осужденных. В настоящее время это достаточно очевидно, что подтверждается следующими фактами.

Влияние Русской православной церкви на процесс исправления осужденных в местах лишения свободы продолжает нарастать, идет интенсивное строительство в исправительных учреждениях храмов и молельных комнат, в которых все большее число духовных лиц осуществляют окормление осужденных, что (как неоднократно отмечалось руководством ФСИН России) имеет явный позитивный эффект для их исправления и ресоциализации.

Это отражено и в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [7], в ходе реализации которой руководством ФСИН России и Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом было подписано Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой исполнения наказаний и Русской Православной Церковью. Особое внимание этому вопросу в наших исследованиях уделяется в связи с исследованиями личности осужденных молодежного возраста, находящихся во вновь организованных воспитательных центрах, где еще не разработана психоло-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Рязанской области (проект № 12-1662001а(р)).

гическая концепция позитивных изменений личности и ее ресоциализации.

По данным ФСИН России, темп прироста верующих среди осужденных почти вдвое превышает темп роста общей численности осужденных, при этом доля верующих среди заключенных выше доли верующих в целом по России, заключенные значительно чаще посещают церковные службы [18]. С этой точки зрения изменение условий содержания в воспитательных центрах молодых преступников в лучшую сторону (казалось бы, позитивный момент) может снизить их интерес к духовно-религиозному росту.

Однако вернемся к психодинамическому подходу [13] в психологических исследованиях духовности и религиозности. На наш взгляд, он является наиболее адекватным для изучения указанного предмета по причине того, что изменения, которые происходят в личности в результате духовно-религиозного роста, носят ресурсный (а не уровневый), то есть психоэнергетический, психодинамический характер. Коротко поясним наше понимание психодинамики.

Психодинамика как научное направление изучения психических явлений и личности человека подробно обоснована нами в других публикациях [13].

Возможно, следовало бы назвать это направление «современная психодинамика», так как термин «психодинамика» использовался и ранее. Однако если внимательно изучить соответствующие разделы истории психологии, то мы увидим, что это не совсем так. Обычно появление психодинамики как направления связывают с глубинной психологией, более всего с именем З. Фрейда. В то же время при внимательном изучении

его трудов (да и работ других известнейших представителей глубинного направления — К. Юнга, А. Адлера и пр.) можно видеть, что он использовал этот термин крайне редко и только как вспомогательную характеристику, указывая лишь на психодинамический (побудительный, психоэнергетический) характер тех или иных процессов или явлений поведения человека. По З. Фрейду таких побудителей всего два — сексуальность и агрессивность. Иными словами, в основе любого поведения, любого действия лежит глубоко скрытый сексуальный или агрессивный мотив. Грубо говоря, в библиотеку мы идем не за интересной книгой (это следствие), а еще раз глянуть на симпатичную библиотекаршу. Такое, конечно, тоже бывает, но это скорее патология, чем норма, что и позволило З. Фрейду стать успешным психотерапевтом. Такой теоретический примитивизм возмутил его соратников — К. Юнга и А. Адлера. Каждый из них предложил свою более развернутую систему побудителей человеческого поведения, где сексуальность и агрессивность заняли скромное место. Однако все внимание исследователей по-прежнему было уделено изучению результата (что происходит с человеком), а не психоэнергетических составляющих, обеспечивающих его. Так, у А. Адлера: мальчик зол на весь мир, потому что у него среди прочих побудителей поведения имеется вот такой физический (психический) недостаток. Если недостаток становится основным побудителем, то это уже комплекс неполноценности. Измените побудитель — изменится поведение.

В последствии даже у К. Левина, который ближе всего подошел к психодинамической теории, отсутствует суще-

ствительное «психодинамика», а рассматриваются лишь психодинамические проявления. Даже его большой труд на эту тему называется «Психодинамическая психология».

Поясним изложенное на простом примере. Перед нами стоит стол. Факт стояния этого стола является для нас безусловным. Мы можем поставить его по-другому, более удобным образом, можем пользоваться им или не пользоваться, можем сесть за стол, можем встать и обойти его. Мы ни на секунду не задумываемся о том комплексе физических сил — тяжести, трения... вплоть до всемирного тяготения, которые обеспечивают стояние этого стола, хотя и знаем о них из школьной программы. Еще меньше мы задумываемся о том, что все эти силы действуют совместно, единым ансамблем. И если мы уберем из этого ансамбля хотя бы одну, казалось бы, не самую главную силу, например, силу трения ножек о поверхность пола, стояние прекратится в полном объеме, и нам придется бегать за столом по всей комнате. Этот невидимый глазу ансамбль физических сил может стать объектом специального изучения, что позволит создать общую теорию, способную объяснить, почему и как физические тела занимают свое место в пространстве и времени. До определенного момента развития физической науке наличие такого ансамбля сил лишь постулировалось, но специально не изучалось. После работ И. Ньютона начинается активно формироваться специальная теория физической механики, что позже и привело к технологическому прорыву XIX–XX вв. Так, в архитектуре строительство сверхвысоких зданий перестает быть достоянием гения архитектора, а становится нормой,

и сейчас множество обычных жилых домов по высоте превышают в несколько раз высоту какого-нибудь средневекового собора, еще три века назад казавшегося чудом.

Аналогичным образом и в психологии в конце XIX — начале XX в. было постулировано наличие невидимого ансамбля психических сил, который управляет поведением, но сам этот ансамбль не становится объектом научного изучения в классической психологии, изучаются лишь результаты его действия. В связи с этим и психотерапия до сих пор носит характер не науки, а искусства, и результат зависит исключительно от гениальности психотерапевта.

Нужно ли говорить о том, что в уголовно-исполнительной системе, при условии, когда в каждом учреждении имеется психологическая служба, а контингент, который обслуживает эта служба, представляет особую социальную опасность, такое положение дел не может считаться удовлетворительным?! Невозможно каждую колонию обеспечить психологом гением. Необходима общая теория, описывающая внутреннюю систему взаимосвязанных психических сил, запускающих и регулирующих поведение человека, доступная любому дипломированному специалисту психологу.

С историко-психологической точки зрения общеизвестен тот факт, что психологическая наука долгое время пыталась изучать психическое как замкнутое в самом себе, как объект, имеющий вполне определенное и неизменное и в своей структуре ни от чего не зависящее строение. В разных научных школах психическое рассматривалось по-разному, но всегда отдельно от духовного. Одна-

ко в настоящее время стало уже очевидным, что это позиция суть лишь официальной психологии. Во всем мире (У. Джеймс, К. Юнг, др.), а в особенности в России, связь психического и духовного для очень многих ученых была неразрывной (В. Соловьев, И. Ильин, Н. Лосский и др.). Кроме того, мы также хотели бы обратить внимание читателя и на менее заметный факт, что в ведущих концепциях отечественной психологии так или иначе эта непосредственная связь духовного и психического так или иначе подразумевалась, являясь существенным основанием эмпирических и теоретических исследований, несмотря на все запреты властной идеологии в то время. Это отразилось прежде всего в таких направлениях отечественной психологии, как культурно-историческая концепция психического Л.С. Выготского, теория направленности личности С.Л. Рубинштейна, теория деятельности А.Н. Леонтьева, структурные концепции личности К.К. Платонова, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева. Переосмыслением отечественной психологии советского периода с этих позиций занимаются некоторые современные российские ученые [7].

Однако прямых эмпирических исследований психологических механизмов глубинной психодинамики личности, наполняющей содержанием эту живую и непосредственную (не как двух параллельных явлений) связь до сих пор достаточно мало. Хотя и существует большой теоретический задел в трудах В.И. Слободчикова, В.И. Исаева, священника Андрея Лоргуса по православной антропологии; в книгах протоиерея Влахова, В.К. Невяровича, священника Михаила Дронова по православной психотерапии и многих других [10].

Как в начале века писал Иван Ильин: «К сожалению, проникновенная и точная описательная психология, включающая в себя как корни инстинктивности, так и верхи духа, — *есть дело будущего* (выделено нами — Д.В.). Ученые психологи обладают часто элементарной психикой, малой духовностью и наблюдательным верхоглядством; их обычно интересует экспериментальная психофизиология, а свое первое и основное дело — дескрипцию и классификацию душевной жизни они предоставляют обычно наблюдательности художников. Само собой разумеется, что самая зоркая и неутомимая дескриптивная психология никогда не будет притязать на исчерпание материала» [5].

Тем не менее, на наш взгляд, такие исследования необходимы, и то будущее, о котором говорил И. Ильин, уже наступило. Как нам удалось убедиться, даже самые поверхностные результаты эмпирических разработок в этой области уже представляют большой интерес.

Использование в наших исследованиях классического (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, К. Левин и др.) и современного психодинамического подхода, разрабатываемого нами [13, 14], позволило рассматривать выявляемые в процессе роста религиозности и духовности осужденных личностные изменения не по отдельным показателям, а как целостное развитие личности, где каждое свойство, утрачивая свою отдельность, рассматривается как энергетическая составляющая общего психоэнергетического обеспечения.

Как в классическом, так и в современном понимании психодинамика личности рассматривается как сложная иерархизированная система движущихся

сил и побудителей личностного поведения. Однако если в классических учениях начала и середины XX в. определялся достаточно узкий круг таких сил (сексуальность и агрессивность у З. Фрейда, архетипы у К. Юнга, идеал, комплекс неполноценности и чувство общности у А. Адлера), то в современной понимании, как мы указывали в других работах [13, 14], необходима общая теория, описывающая внутреннюю систему взаимосвязанных психических сил, запускающих и регулирующих поведение человека. Причем в качестве подобных сил могут выступать *любые* психические явления, процессы и свойства. В этом заключается специфика современного психодинамического подхода, и именно поэтому он наиболее приемлем для изучения психологических оснований духовности человека, ибо если душевные явления еще поддаются аналитическому членению, то духовность — сугубо целостная категория.

Однако вернемся к проведенным нами (на основе указанного подхода) эмпирическим исследованиям. Было установлено, что духовно-религиозное развитие проходит по-разному и в различные периоды отбывания наказания, и у мужчин и женщин (осужденных молодежного возраста). Так, у осужденных молодежного возраста в разные периоды отбывания наказания наблюдаются ярко выраженные изменения духовности и религиозности и личностные изменения, которые в целом носят позитивный характер с точки зрения дальнейшей ресоциализации личности в обществе.

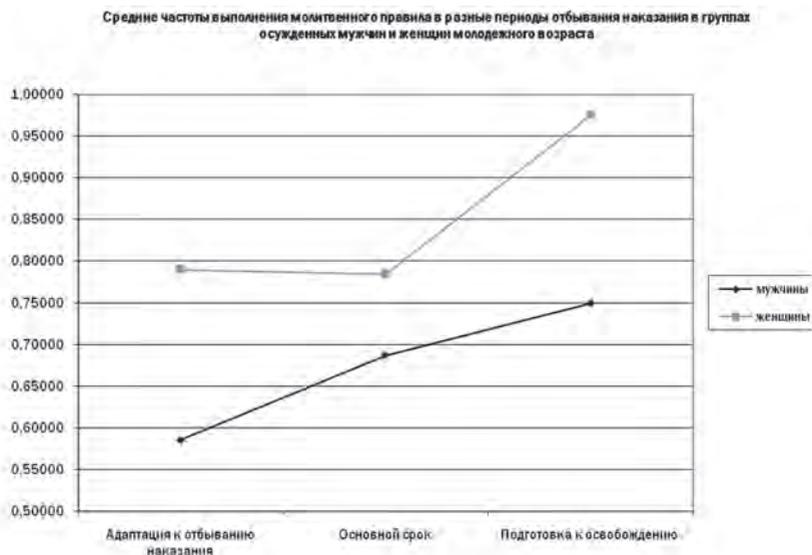
Нам удалось эмпирически показать, что существует два принципиально различных пути изменения и роста духов-

ности, один из которых является более светским, а другой более религиозным. Следовательно, существует и два различных типа психологических изменений и личностного роста. Эмпирические исследования указывают, что различия этих типов носят преимущественно гендерный характер, первый из них более свойственен осужденным мужчинам, а другой женщинам. Эти два пути духовности по-разному психологически организованы в личности, то есть отличаются различными психодинамикой и социально-психологическими портретами [15, 16].

Очевидно, что каждый индивидуальный путь — это некоторая индивидуально неповторимая пропорция мужского и женского пути духовности.

Различия типов духовно-религиозного становления, которые, как мы показали в нашем исследовании, глубоко укоренены в личности человека с детства, по своему психологическому описанию имеют отголоски и в Евангелии. Например, в притчах о Петре, пошедшем по воде и испугавшемся (мужской путь), о Марии Магдалине, которая умыла ноги Христу (женский путь), о Марфе и Марии (мужской и женский путь в сравнении, хотя и показан на двух женщинах).

Наши психодиагностические исследования позволяют сформулировать гипотезу о существовании интегрального психологического механизма, функционально действующего практически во всех (во всяком случае, исследованных нами) психологических проявлениях личности осужденного молодежного возраста, обеспечивающего стабильность специфичного (различного) в среднем для мужчин и женщин пути (становления) духовности и религиозности.

Рис. 1

Разумеется, психология личности, каковы бы ни были механизмы, не порождает и не направляет развитие духовности. Это происходит в результате внутренней, духовной работы осужденного над собой и общения с окормляющим исправительное учреждение духовным лицом. Однако в результате этой работы происходят соответствующие изменения личности, которые закрепляют и стабилизируют продвижение по пути духовности и религиозности.

Итак, представим основные выводы по результатам наших эмпирических исследований:

1) изменения духовно-нравственного содержания некоторых существенных отношений личности осужденных молодежного возраста к действительности идут рука об руку с изменениями их религиозной духовности (осужденные чаще читают Евангелие, исповедуются,

посещают Храм). Кроме того, наиболее существенным изменениям подвергаются именно те содержания личностных отношений, которые в первую очередь отражены в основных христианских заповедях;

2) существуют два различных пути этого личностного роста: с преимущественной опорой на телесно-душевную организацию (мужской); с преимущественной опорой на духовную организацию женский;

3) формирование того или иного пути развития духовности личности начинается с детского возраста и существенно определяется социально-демографическими и социально-психологическими условиями воспитания;

4) так называемый женский путь духовности изначально является более приспособленным для религиозно-

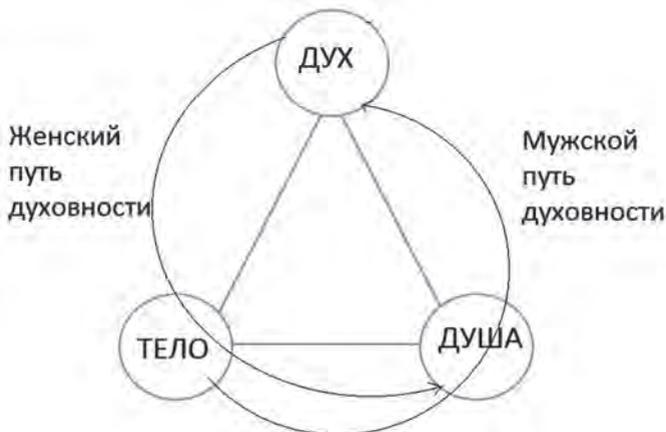

Рис. 2

го развития и повышения воцерковленности [15].

Приведем некоторые примеры и иллюстрации сделанных выводов. Например, мужчины в целом молятся меньше женщин, но демонстрируют неуклонный рост обращения к молитве в последующие периоды отбывания наказания. К периоду подготовки к освобождению они уже с определенной регулярностью читают одну или несколько молитв и держат обращаться к Богу своими словами (рис. 1).

Весьма интересными представляются различия в срезовой динамике молитвы у осужденных мужчин и женщин молодежного возраста в разные периоды отбывания наказания. Если у мужчин обращение к молитве нарастает монотонно, то у женщин на заключительном этапе отбывания наказания происходит резкий скачок частоты обращения к молитве. Как мы уже указывали, очень вероятно, что подобный скачок является и качественным (переход от часто-

го ситуативного обращения к молитве к регулярному исполнению молитвенного правила). Пожалуй, по рассматриваемому показателю именно в этом состоит специфика женского пути духовности. Перед освобождением женщина стремится перейти на новый уровень религиозной духовности, в то время как мужчина просто чаще молится, что, конечно, тоже говорит о приобретении позитивного духовного опыта упования на Бога. Как написал Апостол: «Не получаете, зане не просите».

Таким образом,

- мужской путь духовности, духовно-религиозного роста в молодежном возрасте в местах лишения свободы направлен от телесно-душевной организации к духовному росту, то есть прежде всего обусловлен жесткими ограничениями свободы (и услаждения, утешения) души и тела. В связи с этим пик духовно-религиозных отпавлений и личностного роста приходится на основной период отбывания наказания. В период под-

готовки к освобождению мужчины готовятся устроить свою телесно-душевую жизнь на воле, чтобы, успокоив тело, идти к Духу (если он, конечно, успокоится);

- женский путь духовности, духовно-религиозного роста в молодежном возрасте в местах лишения свободы направлен от духовной организации, духовного роста, изначально свободного от жестких ограничений свободы (и утешения, утешения) души и тела, в сторону упорядочения телесно-душевой организации в соответствии с внешними условиями. На основании этого пик духовно-религиозных отпавлений и личностного роста приходится на период отбывания наказания, называемый «подготовка к освобождению». В этот период женщина особое внимание уделяет духовно-религиозному росту как источнику телесно-душевого устройства на воле.

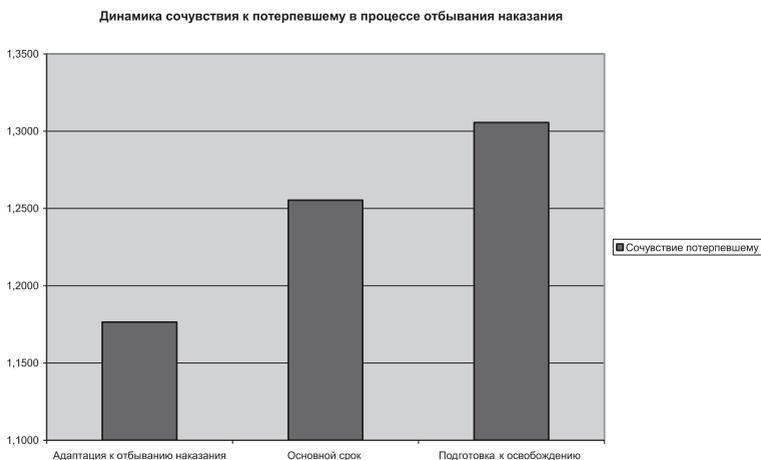
Данный факт мы схематически представили стрелками движения по духовному пути на треугольнике духовности, который мы неоднократно предлагали использовать в психологических исследованиях духовно-нравственной и религиозной сферы, дабы избежать всевозможных односторонностей (рис. 2).

Из изложенного можно сделать вывод об *особой положительной динамике* формирования религиозности как основы духовно-нравственного развития в местах лишения свободы среди осужденных женщин, базы для их подготовки к освобождению и ресоциализации после освобождения (точнее будет сказать «женского пути духовности»), так как таким образом двигаются и некоторые осужденные мужчины, но в целом это больше характеризует женщин). Умест-

но еще раз вспомнить, что подобная динамика духовно-нравственной сферы сопровождается и соответствующей динамикой социально-психологических (и психологически-психодиагностических) показателей, отражающих позитивные изменения личностных отношений и состояний. Воспроизведем некоторые из них отдельно для женщин, чтобы увидеть эту позитивную динамику по отдельности. Так, на рисунке 3 мы видим, как меняется сочувствие к жертве преступления в процессе отбывания наказания.

Очевидно, что такой линейный рост сочувствия к потерпевшему отражает положительную динамику духовно-нравственного состояния. Можно говорить о реальном «изменении ума», что и является, как мы указывали, основной целью исповеди. Характерно, что этот процесс развивается без каких-либо перерывов и снижения темпов, как мы это видели, например, по отношению к духовно-религиозному поведению. Здесь и в основном периоде отбывания наказания продолжается духовная работа по переосмыслению жизни, изменению отношения к ранее совершенным поступкам. Это подтверждается также и другими показателями.

Следует, однако, отметить, что согласно результатам наших исследований, активный личностный рост в области религиозно-духовных отношений в местах лишения свободы может иметь разную направленность. Как уже было указано, в большинстве случаев эта направленность позитивная с точки зрения ресоциализации, но можно встретить также и квазипозитивную и негативную. К первой относятся личностные изменения, опирающиеся на фундаментальные религиозные ценности и кон-

Рис. 3

цепции, ко второй — изменения в опоре на ложные (сектантские, колдовские и пр.) духовно-религиозные ценности, к третьей — извращенные светские, религиозные (убивал по божьей воле и т. п.) и криминальные духовные ценности.

Именно на пути позитивных изменений духовности, духовно-нравственной сферы и религиозности можно проследить специфику двух психологически и психодинамически различных типа духовного развития: более светского и более религиозного (с точки зрения изменения статических психологических особенностей и изменения системных изменений психодинамики осужденных молодежного возраста в разные периоды отбывания наказания).

Было показано, что двум психологически различным путям духовности и религиозности соответствуют различные уровневые и структурно-функциональные изменения личности осужденных молодежного возраста в разные периоды отбывания наказания,

раскрывающие психологический смысл позитивных изменений психодинамики личности осужденного в аспекте его ресоциализации и исправления. Это выражается прежде всего в том, что наиболее существенным изменениям подвергаются именно те содержания личностных отношений, которые в первую очередь отражены в основных христианских заповедях.

Несомненный интерес представляет также анализ социально-демографических аспектов зарождения духовности и религиозности в раннем возрасте в соответствии с формированием определенной психодинамики личности. Нами было установлено, что формирование женского или мужского пути развития духовности личности начинается с детского возраста и существенно определяется социально-демографическими и социально-психологическими условиями воспитания. При этом женский путь духовности с самого начала семейного воспитания является более приспособ-

бленным для религиозного развития и повышения воцерковленности.

Вторым существенным моментом, непосредственно логически вытекающим из показанной ранее необходимости эмпирических психологических исследований духовности и религиозности осужденных, является то, что на основе этих исследований могут быть сформулированы научно-психологически обоснованные принципы построения, организации и проведения консультативной, психокоррекционной и психотерапевтической работы психолога в местах лишения свободы по духовно-ориентированному консультированию осужденных молодежного возраста. Ибо именно таких оснований во многом не хватает современной православной психотерапии.

Только при подобном подходе может быть в полной мере понят и учтен тот факт, что духовно-ориентированное консультирование, основанное на христианских (в нашем случае православных) позициях, направлено прежде всего на глубоко осознанные изменения личности. Это позволяет говорить о существенном ограничении на применение психологических методов, ориентированных на подсознание человека: в данном случае они применимы только как этап к расширению сознания, осознанию глубоко спрятанного греха (с психологической точки зрения — нежелания осознать порочность, ошибочность или преступность своего поведения, которое привело к преступлению). В случае бесконтрольного применения психотерапии психолог может способствовать формированию негативной и даже криминальной духовности, помогая осужденному выстроить

систему психологических защит.

Духовно-ориентированное консультирование тесно связано с духовной жизнью осужденного в колонии, которая окормляется прикрепленным священником. Необходимы также научно обоснованные принципы взаимодействия психолога с духовным лицом.

Итак, духовно-ориентированное консультирование в местах лишения свободы должно проводиться системно, что предполагает: 1) его непрерывность относительно каждого осужденного, который находится в поле зрения психолога и духовного лица; 2) его ориентацию на все компоненты личностной организации — прежде всего ее телесно-душевное (психологическое) и духовное (светско-религиозное) устройство; 3) его психодинамическую ориентацию на всех уровнях организации личности. Это означает, что любой достигнутый результат следует рассматривать и в его психодинамической противоположности. Совершенная духовность и религиозность человеку недоступна. Психологически же внутри него в сложных психодинамических взаимосвязях будут крутиться различные побудительные силы. Лучший пример тому приведен еще в Евангелии: «Верую Господи, помоги моему неверию».

Литература

1. Андрушкевич А.А. Духовно-нравственное и нервно-психическое здоровье: медико-психологические аспекты диагностики, восстановления и формирования. — Н. Новгород, 2001.
2. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности // Избр. тр. — М., 1999.
3. Братусь Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. — М.: Смысл, 1997.

4. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. — М.: Ин-т психологии РАН, 2004.
5. *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта исследование: в 2 т. — М.: Рус. книга, 2002.
6. *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. — М., 1993. — Т. 1.
7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.
8. *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура. — Тверь: Приз, 1994.
9. *Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н.* Добро и зло в этической психологии личности. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
10. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие. — М.: МПСИ, 2007.
11. *Сочивко Д.В.* Мнимая безрелигиозность или неоязычество // Психология: журн. Высшей школы экономики. — 2007. — Т. 4. — № 4.
12. *Сочивко Д.В.* Психодинамика чувства юмора // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 14–19.
13. *Сочивко Д.В.* Психодинамика. — М.: МПСИ, 2007.
14. *Сочивко Д.В.* Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики личности человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. — М.: ПЕР СЭ, 2002.
15. *Сочивко Д.В., Голышева Ю.Н.* Возрастание духовности и религиозности осужденных молодежного возраста как фактор их психологического исправления и ресоциализации. — Рязань: Академия ФСИН России, 2012.
16. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н.* Религиозность, духовно-нравственное развитие и личностный рост осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 133–146.
17. *Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А.* Проблема типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 6–21.
18. *Степун Е.* 1090,94 тыс. верующих заключенных // Коммерсантъ: еженедельник. 2007. 5 нояб. № 43 (747).

ХАРАКТЕРИСТИКА КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОПЫТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Н. Е. Шафажинская

Аннотация: автор статьи предлагает краткий анализ теоретического аспекта изучения познавательных процессов и когнитивной деятельности личности в контексте опыта христианской психологии, представленного в трудах великого русского ученого-богослова Феофана (Говорова), Затворника Вышенского (1815–1894). В представленном материале раскрывается специфика христианского подхода как возможного пути изучения когнитивной сферы человека в единстве научного и духовного познания.

Ключевые слова: святой Феофан Затворник, христианская психология, познавательная деятельность, христианская гносеология, рассудок, разум.

Summary: the author of article offers the short analysis of theoretical aspect of studying of informative processes and cognitive activity of the personality in a context of experience of the Christian psychology presented in works of great Russian scientist-theologian Feofan (Govorov), the Hermit Vyshensky (1815–1894). In the offered material specifics of a Christian approach as possible way of studying

of the cognitive sphere of the person in unity of scientific and spiritual knowledge reveals.

Keywords: *prelate Feofan Zatvornik, Christian psychology, informative activity, Christian gnoseology, mind, reason.*

Актуальность темы статьи определяется тем, что в рамках академической психологической науки когнитивная сфера личности изучена достаточно полно, хотя остается еще обширное исследовательское пространство для выявления и анализа многообразных проявлений и анализа многообразных процессов. Однако в современной науке практически не исследованы иные, нетрадиционные, с точки зрения академического научного подхода, то есть неклассические парадигмы изучения личности, включающие ее когнитивную область. В предложенном материале речь идет о содержании и особенностях когнитивных процессов в концепции христианской психологии святителя Феофана Затворника, который фактически впервые в истории отечественной гуманитарной науки ввел понятие и раскрыл смысл возможного существования христианской психологии, в свете которой предлагается к рассмотрению содержание познавательных процессов. Полагаем логичным в качестве вводной части статьи дать обоснование христианского подхода к пониманию человека, его деятельности и познания, высказанное Феофаном Говоровым.

Понимание устройства человека и его жизни с позиций христианской антропологии мыслитель называет самим естеством, сущностью человеческой природы, утверждая, что «христианство восстанавливает наше естество

и поставляет его в должный чин. Естество наше, таким образом, служит точкою отправления для воздействия на него христианства» [1, с. 404]. Христианская психология могла бы послужить своего рода программой, необходимым нравоучительным пособием для развития естества человека с позиций трихотомического учения, составляющего единство духа, души и тела. Святитель Феофан Затворник, исходя из данного подхода, выстраивает собственную иерархию сил, влияние которых проявляется в различном качестве у человека под действием греха и под воздействием благодати. Начинает богословско-психологический анализ ученый с тех сил, которые ответственны за познание вещей и постижение истины, давая странную характеристику состояния познавательных способностей личности. Среди них, отводя их проявлению низшую ступень, Феофан Затворник называет *наблюдение, воображение и память* как те познавательные процессы, с помощью которых человек собирает материал об окружающем мире и о себе самом, аккумулирует данный опыт для последующего развития. Далее ученый называет *рассудок*, благодаря которому полученные знания преобразуются в процессе познания. Наконец, в качестве высшего познавательного уровня, богослов постулирует действие *разума*, «который познает вещи невидимые и духовные и внутреннейшие стороны вещей, уже познанных рассудком» [1, с. 411]. Следует отметить, что Феофан Затворник отводит так называемым низшим способностям познания души весьма важную роль, поскольку они являются, по его мнению, взаимосвязанными и взаимообусловленными позна-

вательными детерминантами внешнего и внутреннего наблюдения, воображения и памяти. Данные когнитивные процессы осуществляют своего рода вход во внутренний план формирования знания и выступают в качестве необходимых слагаемых не только сознания, но всей деятельности человека. От первоначальной деятельности воображения и памяти — первой ступени восприятия предметов и явлений, на которой душе сообщаются сведения о мире, — следует отличать деятельность последующую. В определении Феофана Затворника — это ступень, на которой «приобретенное прежде употребляется в дело по нуждам души» [1, с. 412]. Сформированные воображением и хранящиеся в памяти образы могут быть актуализированы либо в первично приобретенном, либо трансформированном виде. При этом мыслитель прибегает к дифференциации: первую деятельность он называет *воспоминанием или воспроизводительным воображением*, а вторую квалифицирует как *фантазию*. Действия воображения и памяти на обеих ступенях согласованы и отличаются своеобразием. В процессе воспоминания образы, сохраненные в памяти, репрезентируются благодаря воображению в прежнем виде по принципу ассоциации идей. Отмечая разные виды связи указанных когнитивных процессов, Феофан Затворник называет и различные законы воспоминания, по которым эти связи осуществляется: «закон сосуществования и последования; сходства и противоположности; целого и частей; причины и действия; средства и цели; материи и формы» [1, с. 412].

Все упомянутые когнитивные действия в концепции христианской психологии Феофана Говорова — это важные

средства для познания внешней картины мира, сил и стихий ее создающих. Однако главной целью человеческого бытия и подлинным его смыслом является, по утверждению ученого, постижение кроющейся за всеми этими событиями «мысли Божией». С позиций христианской гносеологии мыслитель предлагает свою трактовку понятий рассудка и разума, их функций и назначения в процессе познания. *Рассудком* Феофан Затворник называет способность, направленную на познание «видимого, тварного, конечного». Отметим, что понятие и характеристика рассудка никак не связаны у святителя с религиозностью либо нравственными качествами личности. Деятельность рассудка опирается на действия воображения и памяти, которые посредством чувств формируют своего рода банк сведений и знаний о том, что находится вне нас и присутствует в нас, то есть обо всем, существующем в пространственно-временных отношениях. Функции рассудка сводятся к формированию четких, ясных понятий и выстраиванию из них некоего знания посредством мышления. Содержание образа деятельности рассудка заключается в приобретении доступного ему познания: рассудок выстраивает «наведения», составляет понятия, конструирует и развивает мысль, формирует суждения и умозаключения, делает соответствующие выводы.

Феофан Затворник фактически называет и описывает весь спектр мыслительных операций, изучаемых в современной академической когнитивной психологии. Однако, не умаляя значимости упомянутых функций, ученый призывает акцентировать внимание на другом аспекте — на содержании рас-

судочных познаний (материальная сторона рассудка), компонентами которого выступают свойства и состав вещей, причинно-следственные связи между ними, средства и цель, материя и форма. В качестве основы для деятельности рассудка называются наблюдение и опыт, а орудием — обобщение и наведение [2, с. 228–230]. К примеру, изучение человека, наблюдение за его поведением, действиями, поступками, дает возможность обобщения и наведения, в результате которых знание о человеке рассудок делит на группы: 1) наличие представлений, 2) желаний и 3) чувствований. Далее, действия рассудка позволяют распределить эти элементы на три вида: чувственные, душевные и духовные. Все перечисленные компоненты соприкасаются друг с другом и соединены в едином исходном начале — «лице человека», то есть в его личности.

Задача для рассудка в познании явлений и событий заключается, по мнению Феофана Затворника, в определении причины явления, выявлении того, какими средствами оно осуществляется, и закона, по которому оно происходит, а также определении условий и обстоятельств явления, его цели и следствия. Конечный итог деятельности рассудка наступает тогда, когда «он с уверенностью удовлетворительно может ответить на вопрос: как из известной причины, по известному закону при известных пособиях и среди известных обстоятельств могло образоваться то или иное явление?» [1, с. 211]. Таким образом, полученное знание о конкретных явлениях есть «созерцание их происхождения с сознанием неизбежности и необходимости сего именно, а не другого их хода, судя по причине и соприкосновен-

ным обстоятельствам» [1, с. 211]. Чрезвычайно интересным и важным заключением Феофана Затворника о назначении и специфике рассудка в контексте христианской гносеологии представляется вывод о том, что венцом мыслительной работы рассудка является наука. И если научная деятельность — это прерогатива ученых — «научников», как называет их святитель, то сам процесс познания мира с целью расширения представлений и формирования новых понятий о том, что вне человека и что внутри личности — неотъемлемая часть нашего естества, которая не только может, но и должна быть реализована [3, с. 20–21]. Характеризуя процесс познания с позиций христианской психологии и гносеологии, Феофан Говоров утверждает, что «целостность, полнота и истинность знания принадлежат людям, благодатью и в Боге живущим. У других оно и неполно, и неистинно» [1, с. 221]. Упомянув блаженного Августина, святитель апеллирует к жизненному пути выдающегося христианского философа и его словам о том, что только жизнь ведет в храм мудрости, а не наоборот [1, с. 221].

Давая определение разуму, святитель отводит ему место в высших уровнях души и утверждает, что именно благодаря разуму человек способен проникнуть в сокровенную мысль всякой вещи мироздания, поскольку мир в целом и в каждой малейшей его части «есть безконечно мудрое, художественное произведение Божие...» [1, с. 222]. Ученый называет важнейшее условие такого познания: необходимость иметь разум, получивший развитие не только с помощью Откровения, но и просвещенный благодатью. Только «облагодатствованному человеку», по мнению святителя, доступ-

но знание сокровенного в вещах, событиях и явлениях. Область сокровенного знания, о которой повествует мыслитель, «есть собственно область Божественного ума, где лежат умственные сокровища Бога-Царя. Да не надеется кто-нибудь вторгнуться туда насильем, или самовольно. Истинная философия есть Богом даруемая мудрость» [1, с. 224]. Безусловно, речь идет о высшей познавательной части души, о которой вправе рассуждать богословы, отчасти философы, христианские психологи, но которая не может быть исследована средствами академической науки. В связи с этим правомерно определить содержание когнитивной академической психологии как сферы деятельности по большей части рассудка.

Важно подчеркнуть, что святитель называет разум той зрительной силой познания духовного мира, которую следует развивать только в непосредственном соприкосновении и общении с Богом и духовным миром. Без постоянного богообщения и духовной практики высшая познавательная потребность души может остаться не востребованной, не реализованной, и душа «не взойдет на степень знания ясного, действительно-определенно-убедительного...» [1, с. 228], не достигнув высот духовной красоты. Эта красота, в соответствии с положениями христианской антропологии, «данная и заданная человеку в творении, раскрывается... при правильной жизни,

именуемой аскетикой» [4, с. 143]. Определяя понятие аскетики, русский религиозный философ, священник П. Флоренский писал о том, что святые отцы называли аскетику «искусством из искусств», «художеством из художеств». Созерцательное видение, даваемое аскетикой, есть *filokalia* — «любовь к красоте» [5, с. 98–99]. Подлинная красота, как и настоящее, истинное познание, по утверждению Феофана Затворника, дается только Духом.

В завершение краткого обзора темы укажем на один из важнейших постулатов ученого-богослова, относящихся к сфере познания как неотъемлемой части христианской психологии: разум, являясь великим даром Божиим человеку, не есть источник истины, а только ее приемник. Иными словами, разум — это способность познавать истину, однако сама истина находится вне его, и должна быть преподана ему свыше.

Литература

1. *Феофан Затворник, святитель*. Православие и наука. — М.: Даниловский благовестник, 2005.
2. *Феофан Затворник, святитель*. Начертание христианского нравоучения. Т. 1, 2. — М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.
3. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. — Л., 1991.
4. *Осипов А.И.* Святость человека в православной аскетической антропологии // Православное учение о человеке: избр. ст. — М.; Клин: Синодальная Богословская Комиссия; Христианская жизнь, 2004.
5. *Священник Павел Флоренский*. Столп и утверждение истины. — М., 1914.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Р. А. Филиппов

Аннотация: в статье анализируются нормы Общей части УИК РФ, предусматривающие учет личности осужденного в практике исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: личность осужденного, признаки личности осужденного, индивидуализация исполнения наказания, принципы уголовно-исполнительного законодательства.

Summary: this article deals with analysis of rules of general section of the Penal Code of the Russian Federation, providing for the consideration of prisoners' personality in the practice of deprivation of liberty.

Keywords: personality of prisoners, traits of personality of prisoners, individualization of execution of punishment, principles of the penal legislation.

Эффективность борьбы с преступностью в целом не может быть результативной без глубокого знания того, кто и почему совершает преступления. Оценка состояния и динамики преступности, прогноз ее тенденций зависят от обобщенных данных о личности людей, совершающих преступления, характеристики контингента этих лиц по полу, возрасту, семейному положению, культурно-образовательному уровню, ведущим социально-ролевым свойствам, особенностям психологии и т. д.

Уголовно-исполнительная практика исполнения лишения свободы свидетельствует о ее неоднозначности, необходимости поиска новых путей повыше-

ния эффективности исправления осужденных. Специальная перепись осужденных, проведенная в 2009 г., свидетельствует, что их характеристики значительно отличаются от характеристик осужденных, выявленных при проведении предыдущих переписей (1984 г., 1999 г.). В условиях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, модернизации учреждений, исполняющих наказания, учет личностных особенностей осужденных лежит в основе таких преобразований.

Несмотря на то, что легальное понятие личности осужденного в уголовно-исполнительном праве отсутствует, соответствующая отрасль законодательства отводит важную роль личностному фактору. Для уяснения этой роли необходимо, прежде всего, обратиться к целям наказания, так как они корреспондируют с личностью осужденного: а) восстановление социальной справедливости; б) исправление осужденного; в) предупреждение совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ). Цели исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, в том числе осужденными, определены в уголовно-исполнительном законодательстве (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Последние определяют следующие задачи уголовно-исполнительного законодательства: а) регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказания; б) определение средств исправ-

ления осужденных; в) охрана их прав, свобод и законных интересов; г) оказание осужденным помощи в социальной защите. Достижение этих целей и выполнение задач невозможно без учета личности осужденного.

Однако, если восстановление социальной справедливости возможно на основе учета общественной опасности лица, осужденного за совершение преступления, то другие две цели и задачи требуют оценки осужденного в более широком контексте. Для того, чтобы осужденного исправить, добиться исключения рецидива преступления, необходимо найти в нем основу, которая бы характеризовала не только его прошлое, но и обеспечивала максимально объективный прогноз на будущее. Мы полагаем, что как бы ни было существование само по себе то или иное проявление личности осужденного, правильное суждение о ней возможно лишь на основе системы социальных свойств и их проявлений, из соотношения удельного веса социально-положительных и социально-отрицательных свойств. Именно такая взвешенная совокупность свойств личности осужденного должна быть положена в основу криминологической и уголовно-исполнительной оценки осужденного, изучения его личности.

Общая часть УИК РФ содержит целый ряд норм, в которых в той или иной степени говорится о личности осужденного. Это касается, прежде всего, общих положений, содержащихся в ст. 8 и 9. Так, согласно ст. 8 («Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации») уголовно-исполнительное законодательство основывается в том числе на принципах равенства осужденных перед

законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления и стимулирования правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

В ч. 3 ст. 9 УИК РФ говорится, что средства исправления осужденных применяются с учетом личности осужденных и их поведения.

Характеристика осужденных позволяет судить о них не только в момент прибытия в исправительное учреждение, но и в определенной степени прогнозировать их действия после освобождения, на этой основе вырабатывать соответствующие профилактические меры [1, С. 3]. Эти данные свидетельствуют о том, как воздействует на осужденных наказание, как характеризуется их отношение к требованиям режима, труду, воспитательным мероприятиям, какова в целом степень их исправления.

Более конкретно уголовно-исполнительное законодательство фиксирует учет особенностей личности осужденного уже в ст. 5 УИК РФ. В указанной статье законодатель определяет действие уголовно-исполнительного законодательства в отношении военнослужащих. В ней отмечается, что наказания в отношении военнослужащих исполняются в соответствии с УИК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, а также правилами отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утвержденными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулиро-

ванию в области обороны, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

В ч. 3 ст. 10 УИК РФ выделяется личность осужденных — иностранных граждан и лиц без гражданства. В ней идет речь о том, что указанные лица пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Норма, выделяющая личность осужденного по признаку гражданства, имеет место в ч. 5 ст. 12 УИК РФ. В ней речь идет о языке дачи объяснения, ведения переписки, обращения. Согласно ей осужденные — граждане Российской Федерации дают объяснения, ведут переписку, обращаются с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, в вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, суд, органы прокуратуры, органы государственной власти и органы местного самоуправления, общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения, межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 4 ст. 12 УИК РФ) на государственном языке субъекта Российской Федерации по месту отбывания наказания.

Осужденные — иностранные граждане и лица без гражданства вправе давать объяснения и вести переписку, а также обращаться с указанными в ч. 4

ст. 12 УИК предложениями, заявлениями и жалобами на родном языке или на любом другом языке, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. Ответы осужденным даются на языке обращения. При отсутствии возможности дать ответ на языке обращения он дается на государственном языке Российской Федерации с переводом ответа на язык обращения, обеспечиваемым учреждением или органом, исполняющим наказания.

Другая норма устанавливает право осужденных — иностранцев поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств в Российской Федерации, а граждане государств, не имеющих дипломатических представительств и консульских учреждений в Российской Федерации, — с дипломатическими представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных (ч. 9 ст. 12 УИК).

В плане более максимального учета личностных особенностей осужденных — иностранцев в уголовно-исполнительном законодательстве представляется целесообразным кодифицировать нормы, регулирующие правовое положение осужденных иностранцев. Такое решение могло бы быть реализовано в выделении соответствующей отдельной главы (статьи). Ряд стран в данном плане имеют опыт. Например, именно так решен вопрос в одном из государств-участников СНГ — Таджикистане (ст. 18 УИК Республики Таджикистан). В УИК указанной республики имеются еще две самостоятельные статьи,

регламентирующие действие законодательства этой страны об исполнении уголовных наказаний в отношении лиц, осужденных судами иностранного государства (ст. 6) и выдачу лиц, осужденных судами Республики (ст. 7).

Уголовно-исполнительное законодательство в самостоятельную статью выделяет нормы, обеспечивающие право осужденного на личную безопасность — ст. 13 УИК РФ. Согласно ей, при возникновении угрозы личной безопасности осужденного он вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказания в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы, с просьбой об обеспечении личной безопасности. В этом случае указанное должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного.

Общая часть УИК РФ определяет категории осужденных, к которым приглашаются священнослужители. Речь идет об осужденных, отбывающих принудительные работы, арест или лишение свободы (ч. 4 ст. 14). Тяжело больным осужденным, а также осужденным к смертной казни перед исполнением приговора по их просьбе обеспечивается возможность совершить все необходимые религиозные обряды с приглашением священнослужителей (ч. 6 ст. 14).

В зависимости от вида наказания, примененного к осужденным, законодатель определяет учреждения (орган, их исполняющий) — ст. 16 УИК.

Если проанализировать содержание вышеперечисленных норм, то окажется, что в них личность осужденного рассматривается в качестве самостоятельного понятия. В одних статьях законо-

датель предлагает учитывать личность осужденного в целом и считает ее оценкой одним из критериев индивидуализации отбывания наказания. В других статьях конкретизированы подлежащие учету разные обстоятельства, которые характеризуют личность осужденного. Она в них рассматривается в качестве необходимого условия применения этих статей.

Таковыми условиями являются: вид гражданства, вид назначенного наказания, наличие тяжелого заболевания, категория осужденных.

Есть статьи УИК РФ, в которых законодатель подразумевает учет особенностей личности, но не конкретизирует признаки, подлежащие учету.

Это касается принципов уголовно-исполнительного законодательства, применения средств исправления.

В тех статьях УИК РФ, в которых законодатель конкретизировал признаки личности осужденного, их учет, как правило, не сложен. В таких случаях нужно добиваться единообразия в понимании этих показателей личности и безусловного неприменения данных статей, если таковые отсутствуют.

Реальные трудности проявляются тогда, когда требуется учесть личность осужденного в целом в качестве критерия порядка и условий отбывания наказания и когда требуется на основе предусмотренных в статье признаков личности дать ей оценку, то есть признать или не признать ее необходимым условием применения статьи. При этом в самих статьях УИК РФ содержание оценки в целом не конкретизировано, а только подразумевается. Речь идет, прежде всего, о ст. 8 УИК РФ.

Данная статья только устанавливает виды принципов уголовно-исполни-

тельного законодательства, никоим образом их не раскрывая (в отличие от уголовного законодательства).

Верховный Суд РФ неоднократно давал разъяснения по вопросу применения многих из этих статей. Однако эти разъяснения сводились к перечислению определенных обстоятельств, характеризующих личность и всегда оставляли за судом или администрацией широкий простор для оценки их по своему усмотрению [2].

Даже при учете судом и администрацией всей совокупности предусмотренных обстоятельств, все равно оставался вопрос о том, в какой мере такая совокупность отвечает задачам этих статей УИК РФ. Не восполняют этот недостаток и фундаментальные теоретические работы, посвященные проблеме исполнения наказания в виде лишения свободы. В них вопросам оценки личности осужденного уделено скромное место и кроме перечисления общих признаков личности, других рекомендаций по их учету при индивидуализации исполнения наказания они не содержат.

Отмеченные трудности не случайны. Тактически только отдельные статьи содержат элементы правил учета личностных свойств осужденных. В то же время в отношении порядка отбывания наказания законодатель предусмотрел основы таких правил. Если сравнить подход к описанию в законе этих двух категорий, то становится ясным, что в отношении личности осужденного законодатель явно остается в долгу.

Такое неравенство фактически приводит к тому, что предписание уголовного закона о необходимости руководствоваться оценкой личности при индивидуализации исполнения наказа-

ния является императивным по форме, но не по содержанию. Поэтому в судебной и уголовно-исполнительной практике чрезмерно возросло значение судебного и административного усмотрения, что является, по существу, судебным и административным толкованием норм уголовно-исполнительного права.

Когда правовые нормы, предусматривающие учет личности осужденного в уголовно-исполнительном праве, не содержат формализованных критериев, обеспечивающих соразмерность между условиями отбывания наказания и личностью осужденного, и когда принципы уголовно-исполнительного законодательства не восполняют указанного пробела, это приводит к различного рода отрицательным последствиям, к административному беспределу.

Во-первых, суд и администрация, не связанные законодательными пределами при оценке такого критерия, как личность осужденного, решает вопрос индивидуализации отбывания наказания, применения основных средств исправления осужденных на основе житейского опыта и своего усмотрения. В ряде случаев это приводит к ущемлению прав и законных интересов осужденных. В качестве примера могут служить случаи необоснованного отказа осужденному в условно-досрочном освобождении или, наоборот, неправильного его применения.

Во-вторых, в уголовно-исполнительной практике формируется своеобразная тенденция, которая сама по себе влияет на условия отбывания наказания и при этом в значительной степени оказывается зависимой от характеристики лиц, отбывающих наказания, от степени их криминогенной заражен-

ности. Примером являются развитие наказаний без изоляции от общества, расширение круга лиц, к которым применяется отсрочка отбывания наказания и др.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Значение личности осужденного в Общей части уголовно-исполнительного права состоит, во-первых, в признании ее обязательным условием применения ряда норм, направленных на дифференциацию условий отбывания наказания, и, во-вторых, в отношении ее к одному из

основных критериев индивидуализации применения основных средств исправления осужденных.

Литература

1. *Барабанов Н.П.* Роль начальника исправительно-трудовой колонии в организации борьбы с наркоманией. Рязань, 1995. — 82 с.

2. См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 09.02.2012) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7, июль, 2009.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D.V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T.N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Science section:

I.V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Front letters:

A.V. Molostvov, PhD in psychology.

Department of international relations:

L.B. Juskova, PhD in psychology, associate professor.

Executive secretary:

V.S. Malanin, executive secretary of the journal
«Applied legal psychology».

Technical editor:

T.V. Pivovarova, technical editor of the journal
«Applied legal psychology».

Associate editors:

S.K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education,
doctor of psychological sciences, professor.

E.N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

A.Ia. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M.G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A.A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M.I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

N.N. Nechaev, academician of Russian Academy of education,
doctor of psychological sciences, professor.

A.V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V.M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

N.A. Polyinin, PhD in psychology.

V.J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological
sciences, professor.

O.V. Starikova, PhD in psychology

A.I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

АКСЕНОВА

Галина Ивановна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России. E-mail: polinaax@mail.ru.

АКСЕНОВА

Полина Юрьевна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России. E-mail: polinaax@mail.ru.

БАЧМАГА

Ольга Петровна — соискатель Российской Академии Образования. Специальность: 12.00.01. Теория и история права и государства; история правовых учений. Тел.: 8-909-954-87-39. E-mail: bachmaga@mail.ru.

БЛИННИКОВА

Ирина Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: blinnikovamslu@hotmail.com.

БОГДАНОВ

Евгений Николаевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор. Проректор по учебно-методической и научной работе НОУ ВПО «Высшая школа психологии» (институт). Тел.: 8 (926) 535-06-92.

ГОЛОВИНА

Галина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института психологии РАН.

ДЕНИСОВА Е. А. — психолог Федерального медицинского биофизического центра имени А.И. Бурназяна. E-mail: vic090509@yandex.ru.

ЖЕЛЕЗКИНА И. И. — доцент; ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»; кандидат педагогических наук. E-mail: gelezkina2010@mail.ru. Тел.: 8 960 6440645.

ИВАНОВ

Геннадий Павлович — кандидат психологических наук, профессор Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Тел.: 8 (903) 635-10-30.

КРЯКЛИН

Константин Викторович — преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России.

ЛИТВИШКОВ

Владимир Михайлович — профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

МАЛЬЦЕВА

Татьяна Вячеславна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Московского областного филиала Московского университета МВД России (mtv-psy@mail.ru).

МЕРКЕР

Елена Александровна — аспирант ФГБОУ ВПО Калужский Государственный Университет им. К. Э. Циолковского.

МИТЮХИНА

Любовь Николаевна — педагог-психолог Калужского Психолого-Ме-

дико-Педагогического центра Диагностики и Консультирования. Тел. 8 (903) 815-43-52.

МОЛОСТВОВ

Алексей Владимирович — кандидат психологических наук, доцент подполковник внутренней службы в отставке. E-mail: av_mol@mail.ru.

МОЛОСТОВА

Галина Владимировна — врач невролог Центральной клинической больницы г. Липецка. E-mail: avm135@yandex.ru.

РОМАШОВ

Роман Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Начальник ФКОУ ВПО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».

САВЧЕНКО

Татьяна Николаевна — ректор Высшей школы психологии, кандидат психологических наук (tatka_sav56@mail.ru).

СОМОВ

Александр Викторович — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Волгоградской государственной академии физической культуры (top-top@reg.avtlg.ru).

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

УРЫВАЕВ

Владимир Анатольевич — кандидат психологических наук, доцент Ярославской государственной медицинской

академии. E-mail: ladoyar@mail.ru.

ФИЛИППОВ

Роман Андреевич — преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России (Filiprov.roma@yandex.ru).

ШАФАЖИНСКАЯ

Наталья Евгеньевна — доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедр «Прикладная психология», «Педагогика и психология» Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, доцент. Педагог-психолог высшей категории. E-mail: shafazhinskaya@mail.ru. Тел.: 8 (985) 911-95-10.

ШЕЛКОВНИКОВ А. П. — адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики, подполковник внутренней службы.

OUR AUTHORS

AKSYENOVA

Galina Ivanovna — the doctor of psychological sciences, the professor, the professor of chair of the general psychology of Academy FSIN of Russia. E-mail: polinaax@mail.ru.

AKSYENOVA

Polina Yuryevna — the candidate of psychological sciences, the teacher of chair of legal psychology and pedagogics of Academy FSIN of Russia. E-mail: polinaax@mail.ru.

BACHMAGA

Olga Petrovna — aspirant, University of the Russian Academy of Education. Ph.: 8-909-954-87-39. E-mail: bachmaga@mail.ru.

BLINNIKOVA

Irina Vladimirovna — PhD in psychology, ass. professor, senior researcher; Faculty of psychology; Moscow State Lomonosov University (blinnikovamslu@hotmail.com).

BOGDANOV

Yevgeniy Nikolayevich — Honored worker of science of the Russian Federation, doctor of psychological sciences, professor. Vice rector for educational and methodical and scientific work of NOU VPO «The Higher School of Psychology» (institute). Ph. 8 (926)535-06-92.

GOLOVINA

Galina Mikhaylovna — senior research associate of SP of the Russian Academy of Sciences candidate of psychological sciences, associate professor.

DENISOVA E.A. — psychologist of Federal medical and biophysical center named after A.I. Burnazyan (vic090509@yandex.ru).

ZHELEZKINA I. I. — associate professor; Public Educational Institution of Higher Professional Training Oryol State University; candidate of pedagogical sciences, associate professor. E-mail: gelezkina2010@mail.ru. Ph.: 8 960 6440645.

IVANOV

Gennadiy Pavlovich — Candidate of psychological sciences, professor of the Kaluga branch of the Moscow humanitarian and economic institute. Ph. 8 (903)635-10-30.

KRYAKLIN

Konstantin Viktorovich — instructor of general psychology department of Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penitentiary Service of Russia (kostya_kv@mail.ru).

LITVISHKOV

Vladimir Mikhaylovich — Professor of chair of legal psychology and pedagogics of Academy of FSIN of Russia.

MALTSEVA

Tatyana Vyacheslavovna — the senior lecturer of the Chair of Pedagogics and Psychology of the Moscow regional branch of the Moscow university Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of psychology (mtv-psy@mail.ru).

MERKER

Yelena Aleksandrovna — postgraduate FGBOUVPO Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky.

MITYUKHINA

Lyubov Nikolayevna — the educational psychologist of Kaluga Psikhologo- the Medico-pedagogical center of Diagnostics and Consultation. Ph. 8 (903) 815-43-52.

MOLOSTVOV

Alexey Vladimirovich — the candidate of psychological sciences, the associate professor the lieutenant colonel of internal service in resignation. E-mail: av_mol@mail.ru.

MOLOSTVOVA

Galina Vladimirovna — the doctor the neurologist of the Central clinical hospital of Lipetsk. E-mail: avm135@yandex.ru.

ROMASHOV

Roman Anatolyevich — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Director of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: romashov_tgp@mail.ru.

SAVCHENKO

Tatyana Nikolayevna — the rector of the Higher school of psychology, the candidate of psychological sciences. E-mail: tatka_sav56@mail.ru.

SOMOV

Aleksandr Viktorovich — the senior lecturer of the Chair of Pedagogics and Psychology of the Volgograd State sport academy, candidate of pedagogic. E-mail: top-top@reg.avtlg.ru.

SOCHIVKO

Dmitriy Vladislavovich — the doctor of psychological sciences, the professor of chair of legal psychology and pedagogics of Academy FSIN of Russia (sochivo@mail.ru)

URYVAYEV

Vladimir Anatolyevich — a candidate of psychological sciences; is a senior-lecturer Yaroslavl State Medical Academy. E-mail: ladoyar@mail.ru

FILIPPOV

Roman Andreyevich — teacher of the Penal law chair the Academy of the Federal Penal Service of Russia (Filippov. roma@yandex.ru).

SHELKOVNIKOV A. P. — graduated in a military academy of chair of legal psychology and pedagogics. Lieutenant colonel of internal service.

SHAFAZHINSKAYA

Natalia Yevgenyevna — the doctor of cultural science, the candidate of psychological sciences, the professor of chairs «Applied psychology», «Pedagogics and psychology» Institute of social and humanitarian technologies of the Moscow state university of technologies and management of K.G. Razumovsky, assistant professor, teacher-psychologist of the highest category, shafazhinskaya@mail.ru. Ph.: 8 (985) 911-95-10.

Methodology and theory of legal psychology	
War, military syndrome, social conflict. R. A. Romashov	7
Initiative behavior as a way of ensuring responsibility of the state before the personality. O. P. Bachmaga	14
Theoretical and applied bases of social training for the correctional system: qualimetric approach. I. I. Zhelezkina	20
The problem of adaptation of the individual in the national psychology. G. K. Aksenova, P. Y. Aksenova	28
“Level” approach in personality typology of A.F. Lazurski and actual problems of practical psychology. V. A. Uryvayev	36
Applied and pilot studies	
Subjective quality of life of the condemned and the intellectual information environment. T. N. Savchenko, G. M. Golovina	42
Features of social representations convicted — former law enforcement officials about the victims of crime. A. V. Molostvov	50
The effects of negative emotional states on the use of cognitive resources. I. V. Blinnikova, E. A. Denisova	65
To question of relevance of studying of psychodynamics of the identity of employees in the course of professional adaptation to service in UIS. K. V. Kryaklin	76
Higher education as a will test. G. P. Ivanov, E. A. Merker L. N. Mityukhina	79
Creating the model of the future professional. E. N. Bogdanov, G. P. Ivanov, L. N. Mityukhina	84
Correlation of personality traits of neurological patients with the quality of their lives. G. V. Molostvova	99
For the aid to the head	
Personal qualities and their value in administrative activity of the head of law-enforcement bodies. A. V. Somov, T. V. Maltseva	105
Pedagogical conditions of application of information communicative technologies in the system of additional professional education of FSIN of Russia. A. P. Shelkownikov, V. M. Litvishkov	110
Legal psychology and religion	
Psychodynamics of spirituality and religiousness of the condemned of youth age. D. V. Sochiuko	116
Characteristic of cognitive activity in experience of Christian psychology of prelate Feofan the Hermit. N. E. Shafazhinskaya	126
Dura lex sed lex	
Features of consideration of prisoners' personality in the penal law. R. A. Filippov	131

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья — 8–12 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 5 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий) — место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

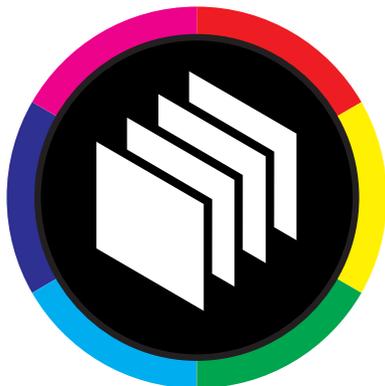
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 14.01.2013. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 9

Тираж 1500 экз. Заказ № 1398

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабалина, 4

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды